

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

*VI Ежегодные научные чтения,
посвящённые памяти Почетного президента
Санкт-Петербургской юридической академии
профессора **Зыбина Станислава Фёдоровича***

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

*Сборник научных статей по материалам
международной научно-практической конференции
20 ноября 2019 г.*

Том 1

Санкт-Петербург
2019

ББК 67

А 43

А 43 Актуальные проблемы юридической науки и практики. VI Ежегодные научные чтения, посвящённые памяти Почетного президента Санкт-Петербургской юридической академии профессора Зыбина Станислава Фёдоровича: в 2-х томах. Т. 1.: Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции 20 ноября 2019 г. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 232 с.

В первый том сборника включены научные статьи научно-педагогических работников и обучающихся образовательных организаций Российской Федерации и зарубежных стран, юристов-практиков, отражающие содержание докладов и выступлений участников конференции.

В материалах сборника освещаются актуальные проблемы теории и истории права и государства, отраслевых юридических наук, правовые и организационные вопросы борьбы с преступностью, актуальные проблемы высшего образования.

Материалы, опубликованные в сборнике, представляют интерес для преподавателей и студентов юридических вузов и факультетов, работников органов государственной власти и местного самоуправления.

ББК 67

© АНО ВО «СЮА», 2019
© Коллектив авторов, 2019

СУСЛИН Эдуард Васильевич,
*доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургская юридическая
академия, почетный работник высшего
профессионального образования
Российской Федерации, первый проректор
– проректор по учебной работе,
профессор кафедры теории и истории
государства и права; rektorat@jurac.ru*

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ КАК НАУКИ (РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ)

В статье рассматриваются истоки происхождения, становление и развитие юридической техники как науки. Автором приводятся философские и теоретико-правовые воззрения зарубежных и отечественных мыслителей, ученых, государственных деятелей, объясняются научный и практический интерес к изучению юридической техники и ее значение в деятельности юристов.

Ключевые слова: наука, теория права, юридическая техника, правотворчество, правоприменение, нормативно-правовой акт.

До настоящего времени в отечественной литературе доминирует позиция, согласно которой, юридическая техника – это неотъемлемая часть теории государства и права. Однако процесс постоянного накопления и систематизации знаний о юридической технике в последние годы привел к тому, что ряд ученых (А.М. Васильев [3], В.М. Сырых [15] и др.) считают, что по целям и результатам познания юридическая техника должна стоять в одном ряду с другими специальными юридическими дисциплинами, и говорить о ней надо как о самостоятельной прикладной юридической науке. Такая позиция достаточно аргументирована, методологически допустима и также имеет право на существование.

Однако, к сожалению, следует признать, что до настоящего времени изучение проблем юридической техники страдает фрагментарностью и полноценная теория юридической техники у нас в стране еще не разработана, поэтому при изложении материала автор будет придерживаться доминирующей в научной литературе позиции, рассматривая юридическую технику как относительно автономную часть теории права [1; 2; 4].

Концептуальные вопросы понятия и сущности юридической техники, научно-методические аспекты ее теории, структуру учебного курса и методику его преподавания хоть и проработан, но научный и практический интерес к проблемам юридической техники постоянно растет, и это объясняется целым рядом объективных и субъективных факторов, среди которых выделяются следующие:

- постоянное обновление всей системы законодательства, необходимость повышения его эффективности, обеспечение внутренней согласованности правовой системы в рамках федеративного государства;

- расширение границ регулирующего воздействия на общественные отношения с помощью закона как акта высшей юридической силы, возникновение объективной потребности нового подхода к качеству законодательного материала, его структурированию, выработка механизмов реального воздействия на общественные процессы;

- сближение различных правовых систем в условиях интернационализации права, утверждение приоритета норм и принципов международного права перед национальным правом;

- массовое распространение информационных правовых систем, требующих четкой классификации и унификации законодательства более строгой его рубрикации;

- растущая роль законодательства в защите прав и свобод человека и гражданина, укрепление правового поля в жизни российского общества [6].

Термин «юридическая техника» (от лат. *juris* – «право» и греч. *technē* – «ремесло») указывает на прикладной характер данной отрасли знаний, обеспечивающей служебную роль по отношению к правовой деятельности, но не теряющей своего научного характера. В юридической технике гармонично находит свое отражение взаимодействие теории и практики, фундаментального и прикладного знания [5; 7; 9; 10; 11].

Сегодня жизнь настоятельно требует подготовки специалистов по правотворчеству, обладающих высокой правовой грамотностью и знанием юридической техники. Недостаток таких специалистов вызван тем, что в недавнем прошлом подготовка юристов была ориентирована прежде всего на правоприменение.

Современный юрист значительную часть времени уделяет работе с правовыми документами. Он обязан в совершенстве знать все методы и правила работы с ними, уметь правильно их составлять, толковать и систематизировать. В этом – залог успешной и эффективной работы юриста, от этого зависит его профессиональный авторитет, умение оперативно принимать оптимальные решения на основе научного анализа имеющегося юридического материала.

Исследования по юридической технике как искусству написания законов и иных правовых документов восходят еще к античным авторам, в частности Платону и Аристотелю. Немалая заслуга в разработке данного понятия принадлежит Ф. Бэкону, Г. Гоббсу, Дж. Локку, Ш.-Л. Монтескье, другим мыслителям нового времени и просвещения. Большую роль сыграли и труды основоположника утилитаризма И. Бентама. Авторство термина «юридическая техника» принадлежит, по всей видимости, немецкому правоведу Рудольфу фон Йерингу (1818-1892), который назвал так свою небольшую работу,

предваряющую его фундаментальный труд «Дух римского права на различных ступенях его развития».

В России соображения технико-юридического характера высказывались Петром I в ряде его указов, Екатериной II в ее Наказе Уложенной комиссии, М.М. Сперанским и др.

В советской юридической литературе различным вопросам юридической техники уделяли внимание в своих работах С.С. Алексеев [1], Д.А. Керимов [11], А.С. Пиголкин [14], А.А. Ушаков [17] и др.

Достаточно интенсивно исследования юридической техники осуществляются в настоящее время такими российскими учеными, как В.М. Баранов [2], В.Б. Исаков [8], Т.В. Кашанина [9; 10], Ю.К. Краснов [12], В.М. Сырых [15], Ю.А. Тихомиров [16] и др.

Работы данных авторов убедительно свидетельствуют о том, что юридическая техника как научное направление вполне сложилось, однако продолжает развиваться, а дискуссии о ее роли, месте и значении в системе юридических знаний по-прежнему ведутся в научном сообществе.

Познание происхождения юридической техники, ее сущности и понятия развития средств качественных изменений в приемах, способах, методах ведения юридической работы в процессе эволюции юридической техники, особенностей использования правил юридической техники в различных правовых семьях мира и т.д. является тем кругом вопросов, которые включаются в предмет изучения.

Становление юридической техники имеет свою историю, свои этапы развития в разных странах. Несмотря на разность методологических подходов к исследованию причин происхождения права и этапов его становления, мы остановимся на трех условных стадиях правового развития: архаичное право, сословное право и так называемое развитое право.

Хронологические рамки архаичного права практически невозможно четко определить, особенно говоря об его возникновении, т.к. оно (право) зародилось в недрах первобытного общества, а его заключительный период приходится приблизительно на IX-XI вв. н.э.

Архаичное право носило в основном устный характер, а нормы человеческого общежития были весьма локальны (община, деревня, племя и т.п.). Примеры письменных источников в этот период весьма немногочисленны. Среди правовых памятников того времени можно отметить законы Хаммурапи, царя Вавилона, Законы Ману (II в. до н.э.), Законы XII таблиц (V в. до н.э.), Кодекс Юстиниана (VI в. н.э.), Салическую правду (VI в. н.э.) и др.

Первым письменным правовым документом Древней Руси стала Русская Правда. В ней мы можем найти зачатки развития правотворческой техники. Это и нормативное построение предложений, и наличие заголовков статей и специальных правовых терминов.

Архаичному праву были присущи казуистический и несистематизированный характер, т.е. оно формировалось на базе разрешения

отдельных конфликтных случаев, а все известные нам правовые источники строились по принципу простого изложения материала. Следует отметить, что в архаичном праве отсутствовала конструкция вины, т.е. оно было объективистским правом, где акцент делался прежде всего на том, что произошло и произошло ли вообще.

Как положительный фактор следует отметить, что на стадии архаичного права при разрешении дел начал применяться принцип эквивалентности (справедливости) и напрямую вытекающий из него принцип коллективных санкций. Вместе с тем архаичному праву была присуща дифференциация санкций в зависимости от социального положения, и важнейшей ценностью для права являлась охрана авторитета вождя, а затем и государя. В период зарождения монотеистической религии право постепенно становится теократическим.

Естественно, примитивизм архаичного права обусловил примитивизм и немногочисленность правил правотворческой техники, которая только начинала зарождаться. Практика применения норм права также не отличалась сложностью, а правоприменительная техника формировалась в ходе ее осуществления, причем «правоприменителями» не были специалистами.

Суд вершили жрецы, общинные собрания и царские наместники, народные собрания, князья и их представители и т.п., т.е. лица, не обладающие специальной подготовкой. В обществах, приобретающих теократический характер, судебные функции переходили в руки церковных служителей и иерархов, а «правоприменители» всегда подчеркивали религиозный дух наказания.

Доказательства, которые использовались в правоприменительной деятельности, отличались красочностью, символичностью и демонстративностью (испытания, клятвы и присяги, поединки и т.д.), а правовые церемонии были формализованы и зрелищны.

Выделение правовых церемоний из повседневной жизни придавало им особую значимость и способствовало тому, что применение норм права не проходило в обществе незамеченным.

В связи с наступившими в истории человечества изменениями (распадом племенного строя и заменой его традиционным или сельскохозяйственным обществом) архаичное право уступило свое место иным нормативным системам, которые в своей совокупности образовали сословное право. Возникновение его датируется IX-XI веками, а завершающий период включает в себя XV-XVII вв.

К сословным правовым системам, действовавшим в традиционном обществе, относятся феодальное право, манориальное право, каноническое право, городское право, гильдейское право, торговое право. Именно из этих автономно существующих правовых систем гораздо позднее и будет создано общегосударственное право.

Уяснив для себя основные части сословного права, отметим те положительные наработки, которые были достигнуты в этот период в правотворческой и правоприменительной технике.

Так, казуальность норм права постепенно уступает место их абстрактному формированию, все активнее развиваются письменные формы сословного права, однако применяемые нормы права не носили универсальный характер, право осуществлялось фрагментарно, а нормативные предписания, как правило, являлись составной частью судебных решений, что затрудняло их применение и снижало эффективность. Отсутствие средств массовой информации практически делало невозможным доведение источников права до широкого круга заинтересованных лиц.

В качестве поступательного движения вперед в правоприменительной технике следует считать постепенное введение понятия вины, приобретение рационального характера системой доказательств, несмотря на отдельные случаи подмены рациональных доказательств доказательствами эмоционального свойства.

В то же время правоприменение продолжает осуществляться не профессионалами, не действует в полной мере принцип соразмерности санкций совершенному деянию, судебные заседания отличаются неформальным характером и т.д.

В целом следует отметить, что система сословного права в вопросах правотворчества и правоприменения сделала определенный шаг вперед, но все-таки существенного развития не достигла.

Возникновение развитого (общегосударственного) права в Европе ученые относят к XVII веку – времени подготовки и проведения буржуазных революций и началу перехода от традиционного общества к индустриальному. Изменения в политической структуре общества (появление парламентов, создание и рост профессионального бюрократического аппарата), появление промышленности и переход к товарно-денежным или рыночным отношениям неизбежно сказались на характере права, повлияли на его интенсивное развитие.

Естественно, что в процессе развития права совершенствовались способы и приемы правотворческой и правоприменительной техники. Так, в области правотворчества законодательный материал становится более концентрированным и компактным, повышается уровень систематизации права, право переходит к использованию норм общего характера, возрастает роль принципов права, право практически полностью приобретает письменный характер [7; 13; 18]. В правотворческой технике начинают использоваться такие сложные приемы, как определение правовых понятий, правовые конструкции, правовые фикции, правовые презумпции, специальные юридические термины и т.д.

Завершая рассмотрение вопросов, связанных с эволюцией права на различных исторических этапах человеческого общества, мы можем сделать вывод о его постоянном и неуклонном развитии, а значит и о развитии составляющих права, в число которых входит юридическая техника. Совершенно очевидно, что процесс развития права будет продолжаться и дальше, а поэтому и накопления человечества в

области юридической техники и интерес к ней ученых и практиков будут расти.

Список литературы:

1. Алексеев, С.С. Общая теория права. Т. 2 / С.С. Алексеев. – М., 1982.
2. Баранов, В.М. Юридическая техника: учебник для вузов. В 2-х т. / В.М. Баранов. Т. 1. – М.: Юрайт, 2017. – 252 с.
3. Васильев, А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А.М. Васильев. – М.: Юрид. лит., 1976. – 264 с.
4. Венгеров, А.Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов / А.Б. Венгеров. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.
5. Горохова, С.С. Юридическая техника: учебник и практикум для академического бакалавриата / С.С. Горохова. – М.: Юрайт, 2018. – 317 с.
6. Денисов, Г.И. Юридическая техника: теория и практика / Г.И. Денисов // Российское право. – 2005. – № 8. – С. 86-96.
7. Законодательные дефиниции: энциклопедический словарь / ред. И.В. Руковишникова. – М.: Норма: Инфра-М, 2013. – 672 с.
8. Исаков, В.Б. Стадии подготовки проектов закона / В.Б. Исаков // Законодательная техника / под ред. Ю.А. Тихомирова. – М., 2000.
9. Кашанина, Т.В. Юридическая техника в сфере частного права (Корпоративное и договорное нормотворчество): учеб. пособие / Т.В. Кашанина. – М.: Норма, 2012. – 288 с.
10. Кашанина, Т.В. Юридические документы. Чему не учат студентов. Как правильно понять и подготовить: учебник / Т.В. Кашанина. – М.: Проспект, 2018. – 448 с.
11. Керимов, Д.А. Кодификация и законодательная техника / Д.А. Керимов. – М., 1962.
12. Краснов, Ю.К. Юридическая техника: учеб. / Ю.К. Краснов, В.В. Надвигова, В.И. Шкатулла. – М.: Юстицинформ, 2014. – 536 с.
13. Нестеренко, И.А. Правотворчество в Российской Федерации: учеб. пособие / И.А. Нестеренко. – М.: ЮНИТА-ДАНА: Закон и право, 2011. – 272 с.
14. Пиголкин, А.С. Совершенствование законодательной техники / А.С. Пиголкин // Сов. гос-во и право. – 1968. – № 1. – С. 50-57.
15. Сырых, В.М. Логические основания общей теории права. В 2-х т. Т. 1. Элементный состав / В.М. Сырых. – М.: Юстицинформ, 2000. – 528 с.
16. Тихомиров, Ю.А. Юридические коллизии / Ю.А. Тихомиров. – М.: Манускрипт, 1994. – 140 с.
17. Ушаков, А.А. Законодательная техника / А.А. Ушаков // Ученые записки Пермского университета. – 1970. – Вып. 2. – С. 199-238.
18. Хазова, О.А. Искусство юридического письма: учеб. пособие / О.А. Хазова. – М.: Юрайт, 2011. – 182 с.

АЛТУНИНА Анна Александровна,
Юридический институт Иркутского
государственного университета;
магистрант; altunina_1996@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Автором рассматриваются проблемные аспекты признания доказательств недопустимыми, приводятся примеры следственной практики, также предлагается внесение изменений в УПК РФ.

Ключевые слова: *допустимость, доказательства, предварительное расследование, доказывание.*

Актуальность данной темы исследования обусловлена тем, что признание доказательств недопустимыми в процессе предварительного расследования недостаточно урегулировано УПК РФ.

Признание доказательств недопустимыми возможно в ходе предварительного расследования, при подготовке дела к судебному разбирательству, а также непосредственно в ходе судебного разбирательства.

Часть 2 ст. 88 УПК регламентирует правила оценки доказательств и указывает на субъектов, правомочных признать доказательство недопустимым: суд, прокурор, следователь, дознаватель признает доказательство недопустимым, а на основании такого признания – в случаях, указанных в ч. 2. ст. 75 УПК РФ:

1) когда показания подозреваемого, обвиняемого, даны в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтверждены подозреваемым, обвиняемым в суде;

2) показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности;

3) предметы, документы или сведения, входящие в производство адвоката по делам его доверителей получены в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий, за исключением предметов и документов, указанных в ч. 1 ст. 81 УПК РФ;

4) иные доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ.

Вышеперечисленные должностные лица вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству подозреваемого, обвиняемого или по собственной инициативе.

По собственной инициативе признание доказательства недопустимым возможно в случаях допущения ошибок и различных нарушениях (например, не привлечение педагога или защитника в случаях, когда это обязательно предусмотрено УПК РФ и др.). В таких слу-

чаях необходимость вынесения мотивированного постановления о признании доказательства недопустимым обусловлена возможностью проведения соответствующего следственного действия «заново», уже с устранением предыдущих нарушений, тем самым устраняя возможность заявления ходатайства о признании доказательства недопустимым на последующих стадиях уголовного процесса, а также наиболее полного и обоснованного проведения предварительного расследования, что непосредственно сказывается на дальнейшем движении дела.

Ходатайство должно содержать в себе доводы-основания признания доказательства недопустимым, что является указанием на нарушения закона. По итогам рассмотрения ходатайства соответствующее должностное лицо выносит два постановления: о признании доказательства недопустимым; об отказе в удовлетворении ходатайства о признании недопустимым доказательством.

Так, например, старшим следователем СО по Свердловскому району г. Иркутск СУ СК РФ по Иркутской области старшим лейтенантом юстиции Т. было вынесено постановление о признании доказательств недопустимыми. «В качестве законного представителя несовершеннолетнего Ш. допущено ненадлежащее лицо, а именно его брат, не являющийся ни опекуном, ни попечителем несовершеннолетнего. После чего с несовершеннолетним Ш. при участии ненадлежащего законного представителя проведены следующие следственные действия: допрос подозреваемого Ш. от 15.11.2016, 15.11.2016 Ш. предъявлено обвинение, допрос Ш. в качестве обвиняемого, 21.01.2017 проведена проверка показаний Ш. на месте, 07.02.2017 Ш. предъявлено обвинение, допрос Ш. в качестве обвиняемого. Следственные действия, проведенные с участием Ш., получены с нарушением УПК РФ и в силу ст. 75 УК РФ являются недопустимыми» [1].

В УПК РФ необходимо закрепить обязательность вынесения отдельного постановления о признании доказательства недопустимым. На данные постановления может быть подана жалоба в порядке главы 16 УПК РФ.

К полномочиям прокурора, в частности, относится возможность отмены незаконных или необоснованных постановлений нижестоящих прокуроров, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя в порядке, установленном УПК РФ. Таким образом, прокурор вправе отменить незаконное или необоснованное постановление указанных лиц о признании доказательства недопустимым или об отказе в удовлетворении ходатайства о признании доказательства недопустимым.

Также прокурор имеет право требования от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия. В случае обнаружения нарушений закона при исследовании доказательств в материалах уголовного дела прокурор имеет право внести требование об устранении выявленных нарушений в целях

обеспечения законности в ходе производства предварительного расследования.

В соответствии с ч. 1 ст. 120 УПК РФ ходатайство о признании доказательства недопустимым может быть заявлено в любой момент производства по уголовному делу. Если ходатайство составлено в письменной форме, оно приобщается к материалам уголовного дела, если в устной, – заносится в протокол судебного заседания. При этом заявленное ходатайство подлежит немедленному рассмотрению и разрешению после его заявления. Если же немедленно рассмотреть и разрешить заявленное ходатайство о признании доказательства недопустимым в ходе предварительного расследования не представляется возможным, то оно должно быть разрешено не позднее трех суток со дня его заявления.

Адвокатом С. было заявлено ходатайство о признании недопустимым протокола очной ставки обвиняемого Э. с потерпевшей «т.к. в силу положений ч. 5 ст. 191 УПК РФ при проведении очной ставки с участием несовершеннолетнего обязательно применение видеозаписи или киносъемки, за исключением случаев, если несовершеннолетний потерпевший либо его законный представитель против этого возражает. Материалы видеозаписи и киносъемки должны храниться при и уголовном деле. С. считает, что очная ставка была проведена с нарушением процессуального закона, а именно, ч. 5 ст. 191 УПК РФ, что в свою очередь, влечет нарушение права на защиту обвиняемого» [2].

В ответ на данное ходатайство следователем СО по Свердловскому району г. Иркутск СУСК РФ по Иркутской области лейтенантом юстиции Б. было вынесено постановление об отказе в удовлетворении ходатайства в полном объеме: «... при проведении очной ставки с участием несовершеннолетнего применение видеозаписи не проводилась, поскольку перед проведением очной ставки от несовершеннолетней потерпевшей и ее законного представителя получено письменное заявление, что они возражают против проведения очной ставки с использованием видеозаписи, исходя из этого ч. 5 ст. 191 УПК не нарушены» [3].

К сожалению, на практике встречаются случаи исключения из материалов уголовного дела доказательств, признанных недопустимыми. Данную позицию поддерживают также некоторые процессуалисты [4, с. 28]. Так, К.И. Сутягин отмечает: «позволяет говорить о такой необходимости то, что зачастую результаты предварительного расследования определяют исход дела в суде» [5, с. 100].

Не соглашаясь с позицией вышеуказанных авторов, следует отметить, что также на практике встречаются случаи частичной допустимости доказательства, например, «может быть признана недопустимой та часть заключения эксперта, которая касается исследования тех предметов, которые были обнаружены и изъяты с нарушением закона» [6, с. 170].

Как верно полагает П.И. Гребенкин, «доказательства, признанные недопустимыми, не уничтожаются и не исключаются из материала

лов уголовного дела. Недопустимые доказательства хранятся в деле «на тот случай, если возникает сомнение в правильности вывода об их недопустимости» так как в данном случае появляется необходимость проведения соответствующей проверки» [7, с. 86].

Постановление о признании доказательства недопустимым должно быть приобщено к материалам уголовного дела, само же недопустимое доказательство не подлежит исключению из материалов дела, но не подлежит включению соответственно в обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление.

В связи с вышеуказанным предлагается изложить ч. 1 ст. 75 УПК РФ в следующей редакции: «Доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства хранятся в материалах уголовного дела, при этом не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса».

Список литературы:

1. Постановление о признании доказательств недопустимыми от 10.02.2017. Уголовное дело № 35155 от 10.11.2016 // Архив следственного отдела по Свердловскому району г. Иркутск Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области за 2017 год.

2. Ходатайство о признании недопустимым доказательства от 23.03.2017. Уголовное дело № 111431 // Архив следственного отдела по Свердловскому району г. Иркутск Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области за 2017 год.

3. Постановление об отказе в удовлетворении ходатайства в полном объеме от 23.03.2017. Уголовное дело №111431 // Архив следственного отдела по Свердловскому району г. Иркутск Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области за 2017 год.

4. Ляхов, Ю.А. Актуальные проблемы законодательного регулирования допустимости доказательств в российском уголовном процессе / Ю.А. Ляхов // Допустимость доказательств в Российском уголовном процессе. – Ростов н/Д., 2002. – С. 28-29.

5. Сутягин, К. И. Основания и процессуальный порядок исключения недопустимых доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу / К.И. Сутягин. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 200с.

6. Брянская, Е.В. Аргументирующая сила доказательств при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: монография / Е.В. Брянская. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – 193 с.

7. Гребенкин, П.И. Допустимость доказательств в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук / П.И. Гребенкин. – Пятигорск, 2002. – 146 с.

БАРИЛО Сергей Евгеньевич,
кандидат юридических наук, Санкт-Петербургская юридическая академия, доцент кафедры гражданского права; cebarilo@mail.ru

НЕДЯЛКОВА Екатерина Вячеславовна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; enedaylkova@list.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПОСТАВКИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

В статье анализируются особенности правового регулирования отношений поставки в исторической ретроспективе. Особое внимание в статье уделяется особенностям правового регулирования отношений по поставке товаров для государственных и муниципальных нужд.

Ключевые слова: договор поставки, договор купли-продажи, государственный контракт, муниципальный контракт, договор поставки, товары, государственные нужды, муниципальные нужды, государственный заказчик, муниципальный заказчик, поставщик, публичный заказ.

В период дореволюционного гражданского законодательства в России договор поставки выделялся в самостоятельную область наравне с договором купли-продажи. Такое разделение было связано с тем, что первым из них определялся промежуток времени между заключением и исполнением договора, т.к. второй не имел такой особенности. Но, несмотря на это, в то время не было достаточно веских причин разделять договор поставки и купли-продажи в самостоятельные, независимые виды договора.

Позднее договор поставки становится разновидностью договора купли-продажи. Продавец к установленному сроку должен предоставить покупателю определенное количество заменимых вещей, получая при этом денежную выплату.

Известный юрист, профессор Казанского и Московского университетов Г.Ф. Шершеневич писал о том, что на Западе правовое законодательство представляло единственное понимание купли-продажи, в то время как в России это понятие подразделялось на 3 вида: куплю-продажу, запродажу и поставку [1, с. 527]. Западная и Российская системы законодательства были различны по отношению друг к другу.

В начале XX века в гражданском кодексе не упоминалось о договоре поставки как самостоятельном. Однако к середине XX века данный вид договора снова отделяется, становится независимым, основной целью которого является сбыт продукции в народном хозяйстве [2, с. 21]. Договором поставки также определялось, что исполни-

тель может передать товар потребителю в срок, не совпадающий с моментом заключения договора.

Так, время от времени, в рамках законодательства менялась структура, порядок заключения договора поставки. В конечном итоге, в процессе принятия нового гражданского законодательства, и по сей день, договор поставки признается разновидностью договора купли-продажи, при этом он ориентирован на регулирование отношений, касающихся реализации товара.

Немаловажно, что и сам договор поставки имеет свою классификацию. Хотелось бы отметить особый вид данного договора – поставку товаров для государственных и муниципальных (публичных) нужд.

Публичные нужды представляют собой потребности государственного или муниципального заказчика, обеспечиваемые за счет средств государственного или муниципального бюджета РФ, а также за счет средств внебюджетных фондов. Заказчиком признаются федеральный орган исполнительной власти – Правительство РФ, а также органы субъектов Федерации, иные государственные органы, бюджетные учреждения, органы управления государственных внебюджетных фондов, муниципальные органы, иные лица по указанию соответствующих органов.

Государственный или муниципальный заказчик может заключить с исполнителем государственный (муниципальный) контракт на поставку товаров для государственных и муниципальных нужд. Данный контракт представляет собой соглашение между государственной и муниципальной организацией и поставщиком по поводу передачи последним определенного товара в указанный срок за определенную денежную плату.

Публичный заказ – это потребность публичного заказчика в товаре, изготовленного фирмой-продавцом. Главные плюсы публичного заказа для обеих сторон заключаются в том, что, например, публичный заказчик получает товар надлежащего качества, а поставщик получает гарантированную публичным образованием оплату за свою продукцию. Согласно договорным обязательствам, исполнитель может стать постоянным клиентом и получать определенную денежную выплату в виде премии за своевременную поставку качественной продукции, соответствующей требованиям заказчика. Фирме-продавцу гарантируется рост производительности труда, увеличение доходов[3, с. 99].

Процедура поставки товаров для государственных и муниципальных нужд включает следующие стадии:

- 1) публичный заказчик должен определиться, какой именно товар ему необходим;

- 2) по окончании выбора выдается публичный заказ на поставку данного товара, в котором указывается предпочтительная цена, скорость и сроки поставки;

3) размещение публичного заказа в открытой форме (в этом случае могут проводиться открытые или закрытые торги в виде конкурса); публичный заказчик имеет право размещать заказы путем применения запроса котировок;

4) размещение публичного заказа в закрытой форме; заказчик самостоятельно выбирает конкретного поставщика;

5) определяется поставщик, который принимает публичный заказ; заключается контракт на поставку товара.

Государственный и муниципальный контракт между заказчиком и исполнителем, в соответствии с которым договор поставки товаров для государственных и муниципальных нужд, заключается на основе заказа на поставку товаров для государственных и муниципальных нужд в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 27.06.2019) [4].

Разместивший заказ государственный и муниципальный заказчик обязан заключать контракт по поставке товаров, если иное не предусмотрено законом. Исполнитель же обязан заключать контракт только в случаях, предусмотренных законом, при условии, что государственный и муниципальный заказчик возместит ущерб поставщику за причиненные убытки в процессе исполнения контракта. Что касается казенных предприятий, то возмещение убытков в этом случае не осуществляется.

Контракт составляется публичным заказчиком и направляется для ознакомления исполнителю, который должен изучить его и подписать в течение 30 дней со дня поступления, либо составить протокол разногласий и вместе с контрактом направить его соответствующей стороне. Государственный или муниципальный заказчик, получивший контракт с протоколом разногласий в течение 30 дней должен принять решение об изменении или прекращении заключения контракта и уведомить другую сторону о соответствующем решении. А в случае отказа от заключения контракта поставщиком, составляется уведомление об отказе, которое также передается противоположному лицу в незамедлительный срок.

Государственный и муниципальный контракт, касающийся торгов на размещение заказа на поставку товаров для государственных и муниципальных нужд, заключается в течение 20 дней со дня проведения соответствующих торгов с учетом их результатов. Сторона, уклоняющаяся от обязательного заключения государственного и муниципального контракта, может быть привлечена судом по инициативе другой стороны к принуждению заключения такого контракта.

В соответствии с государственным и муниципальным контрактом, исполнитель может поставлять товар непосредственно государственному и муниципальному заказчику; иному лицу по указанию заказчика; покупателю, определяемому государственным и муниципальным заказчиком по договору поставки товаров для публичных нужд.

Относительно последнего публичный заказчик выдает извещение о прикреплении покупателя к поставщику, что является основанием для заключения договора между ними. Однако покупатель вправе отказаться от заключения договора и поставки товара, описанного в данном договоре. В этом случае поставщик уведомляет государственного и муниципального заказчика об отказе заключения договора с поручением предоставить ему другого покупателя.

В ситуации, когда публичный заказчик не выполняет свои обязательства в соответствии с законом, поставщик имеет право потребовать оплату за свой товар, либо реализацию товара с отнесением разумных расходов на данного заказчика[5, с. 167].

Оплата за товар, поставляемый непосредственно публичному заказчику, производится поставщику лично этим заказчиком. Оплата товара, поставляемого получателю, производится также публичным заказчиком. Что касается поставки товара покупателю, оплата возлагается непосредственно на покупателя, если договором не предусмотрено иное.

В основном поставляемым товаром являются вещи массового производства, используемые в хозяйственной деятельности. Но могут быть предусмотрены и иные, используемые в личных целях.

Таким образом, порядок заключения государственного и муниципального контракта и договора поставки товаров для государственных и муниципальных нужд является сложным процессом, требующим много внимания. Поэтому, прежде чем заключать соответствующий контракт (договор), стоит внимательно изучить все нормативы и условия документа, согласовать с договоренной стороной соответствующие решения, проанализировать и обсудить нюансы, возникшие по поводу заключения данного договора.

Список литературы:

1. Шершеневия, Г.Ф. Курс гражданского права / Г.Ф. Шершеневия. – Тула: Автограф, 2001. – 720 с.
2. Богданов, Е.В. Договоры купли-продажи и поставки: проблемы правоприменения и дифференциации / Е.В. Богданов // Законодательство и экономика. – 2017. – № 1. – С. 19-24.
3. Морозов, А.А. Эволюция развития механизма правового регулирования договора поставки для государственных нужд в Российской Федерации / А.А. Морозов // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 3. – С. 99-107.
4. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 27.06.2019) // СЗ РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.
5. Белов, В.Е. Поставка товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд: правовое регулирование / В.Е. Белов. – М.: Норма, Инфра-М, 2011. – 304 с.

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель руководителя Секретариата
Парламентской Ассамблеи ОДКБ;
bvv@paodkb.ru

КОЧАРЯН Вячеслав Карленович,
кандидат технических наук, советник
Секретариата Парламентской Ассамблеи
ОДКБ; kvk@paodkb.ru

МОДЕЛЬНОЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО ОДКБ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются направления и методологические основы модельного законотворчества Парламентской Ассамблеи ОДКБ.

Ключевые слова: *модельные законы и рекомендации, ОДКБ, потенциал модельного законотворчества, безопасность, экономика.*

Со времен римского права модельное законотворчество является эффективным подходом к сближению законодательств и синхронизации законодательных процедур заинтересованных в союзнических отношениях союзных государств.

Модельные законы позволяют адаптировать различные институты, субинституты, подотрасли и даже отрасли национального права к уставным целям того или иного объединения суверенных субъектов международных отношений, и до сих пор выступают эффективным средством оперативного урегулирования или опосредованного решения общих проблем, препятствующих достижению желаемых целей.

Изначальная стратегическая роль правовой гармонизации в развитии союзнических отношений заключается в обеспечении максимальной экономической интеграции и политической солидарности, о чем в новом времени и новейшей истории красноречиво свидетельствует, например, взаимовыгодное партнерство североамериканских штатов, стран Европы, а также характер сотрудничества государств, входящих в Союз Независимых Государств (далее – СНГ) или Организацию Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ).

Со временем парламентская дипломатия подключилась к правовому регулированию в сфере гуманитарного права, вопросов культуры, науки, образования, экологии и миротворческой деятельности.

Для современных межгосударственных объединений модельное законотворчество приобрело статус консолидирующего фактора, мотивирующего на создание согласованных систем регулирования отношений и заполнение правовых брешей и лакун в юридических системах независимых государств.

Исторически ОДКБ, ЕАЭС, СНГ, СГБР, ШОС и другие региональные объединения с участием стран постсоветского пространства развиваются под воздействием совокупности факторов, доминирующих в Евразии.

Из этого следует, что перспектива законотворческой деятельности Парламентской Ассамблеи ОДКБ (далее – ПА ОДКБ) и других межпарламентских структур, несмотря на специфику уставных целей, органически связана с парированием общих вызовов и угроз, прежде всего в экономике, региональной безопасности и защите прав человека.

Иммунитет к подобным взаимосвязанным факторам существенно повышается при достижении высокого уровня гармонизации национальных законодательств не только в сфере безопасности. Ведь экономическая и гуманитарная сферы неизбежно становятся объектами деструктивного воздействия в ходе любых войн.

Другое преимущество модельного законотворчества, отражающее демократичный подход к созданию единого правового пространства союзного объединения, заложен в основу механизма модельного законотворчества. Так, например, совместная работа парламентариев государств – членов ОДКБ базируется на принципе консенсуса, защищающем не только правовой, но и политический аспекты национального суверенитета.

Благодаря подобным моментам, модельное законотворчество защищено от возможного авторитарного давления со стороны его субъектов.

Подобный подход к сотрудничеству парламентариев в формате международных интеграционных объединений позволяет на справедливой демократической основе направлять и координировать процесс адаптации национальных правовых баз к актуальным задачам и тенденциям современности, среди которых – вопросы экономики, безопасности и соблюдения прав человека относятся к числу важнейших.

Парламентская Ассамблея ОДКБ с момента ее основания в 2006 году наделена компетенцией вести работу по гармонизации национальных законодательств, начатую на ранее площадке СНГ.

За указанный период накоплен внушительный опыт международного сотрудничества и разработки модельных правовых актов, в том числе по ряду социально-экономических аспектов.

На сегодняшний день потенциал модельного законотворчества ОДКБ:

- широкий круг регулярных мероприятий высокого уровня и других форм сотрудничества по вопросам международной и региональной безопасности;
- более 100 действующих положений, резолюций, заявлений, программ и иных документов, имеющих нормативно-правовой характер и регулирующих собственную деятельность ПА ОДКБ, так и модельных законов, рекомендаций, проектов типовых соглашений, со-

державных проекты нормативных установок, для достижения желаемых общих целей объединенных ими государств;

- арсенал методов и процедур, позволяющих преобразовать законодательные инициативы в конкретные правовые акты, а затем обеспечить их имплементацию.

Требуемое качество законотворческого процесса обеспечивается заинтересованным участием парламентских структур и компетентных органов государств – членов ОДКБ, а также статусным уровнем организаций и экспертов, привлекаемых к разработке и апробации проектов документов.

Одним из значимых подтверждений актуальности модельного правотворчества стал показатель реализации положений модельных актов в законодательстве союзных государств. В ряде случаев содержание модельных законов и рекомендаций формируется в упреждающем ключе. Это позволяет создать задел для скоординированного развития права на национальном уровне.

Согласно Уставу [1, ст. 3], цели ОДКБ ориентированы на обеспечение национальной и военной безопасности государств – членов Организации. В парламенты направлено более 80 модельных законов и рекомендаций по проблематике коллективной безопасности, 75-100% положений которых использовано для корректировки и создания норм национального права.

58 правовых актов принято непосредственно ПА ОДКБ. Большинство из них реализованы или находятся на этапе имплементации. Процент имплементации (инкорпорирования) находится в пределах от 40 до 100%. Сказываются характер проявления вызовов и угроз, особенности национальных правовых систем, устройства парламентов и др.

Организацию законотворческой деятельности Ассамблеи осуществляет Совет, возглавляемый ее Председателем, состоящий из руководителей палат парламентов [2, ст. 4].

Непосредственную работу по продвижению модельных инициатив осуществляют три постоянные комиссии: по вопросам обороны и безопасности; по политическим вопросам и международному сотрудничеству; по социально-экономическим и правовым вопросам.

Ключевую роль в реализации законодательных инициатив играет Экспертно-консультативный совет при Совете ПА ОДКБ.

Данная структурная организация позволяет своевременно пополнять потенциал модельного законодательства ОДКБ не только в национальной, военной, но и отдельных сегментах экономической и гуманитарных сфер.

Для качественного решения задачи создания модельных законов и рекомендаций ОДКБ в ходе многолетней практики выработан ряд последовательных процедур.

Этап 1. Выдвижение и включение инициатив по совершенствованию модельного законодательства в Программу деятельности ПА ОДКБ по сближению и гармонизации национального законодатель-

ства государств – членов ОДКБ на пятилетний период и планирование соответствующей работы на календарный год.

Результатами первого этапа являются формирование перечня модельных законов, рекомендаций и иных правовых актов, подлежащих разработке или уточнению; определение исполнителей, сроков работ и необходимых условий.

Этап 2. Проведение мониторинга военно-политической обстановки в регионах коллективной безопасности ОДКБ, в том числе в целях выявления потребностей в правовом регулировании проблемных моментов.

Результатами второго этапа являются своевременное выявление тенденций и определение динамики социально-экономических, политических, военных и иных факторов, оказывающих деструктивное влияние на обстановку в государствах – членах ОДКБ; обоснование внешних и внутренних вызовов и угроз для региона коллективной безопасности; выработка рекомендаций по недопущению кризисной ситуации или преодолению последствий.

Этап 3. Направление выводов из оценки обстановки и рекомендаций в Совет и постоянные комиссии ПА ОДКБ, Совет коллективной безопасности и другие органы ОДКБ, а также национальным парламентам, органам государственного управления, заинтересованным ведомствам и компетентным организациям, привлекаемым к законотворческой деятельности.

Результаты третьего этапа: формирование единого представления по обстановке и проблемным вопросам обеспечения безопасности в регионах коллективной безопасности; выработка инициатив по внесению дополнений в перечень разрабатываемых модельных законов и рекомендаций.

Этап 4. Разработка проектов модельных законов и рекомендаций. Результатами четвертого этапа являются: представление проектов правовых актов для рассмотрения рабочими органами ПА ОДКБ, их принятие и использование в целях совершенствования и гармонизации национальных законодательств.

Для ПА ОДКБ отправной точкой в создании модельных законов и рекомендаций, как правило, выступают следующие задачи:

- расширение возможностей по формированию и развитию системы коллективной безопасности с учетом тенденций военно-политической обстановки;
- адаптация Организации к меняющимся политическим, экономическим или гуманитарным реалиям современности, в том числе в целях обеспечения равных прав граждан на правовую защиту, социальные гарантии и гуманитарную помощь.

Своевременное выявление указанных изменений достигается регламентированным взаимодействием представителей национальных парламентских делегаций, профильных комиссий и Секретариата ПА ОДКБ.

Информационная и аналитическая достоверность обеспечивается непрерывным мониторингом регионов коллективной безопасности, взаимодействием с профильными парламентскими структурами, органами государственного управления и национальными ведомствами.

Результаты анализа проблем представляются Совету и постоянным комиссиям ПА ОДКБ, а также направляются заинтересованным органам для формирования единого представления о ситуации в регионах ОДКБ.

Принципами выполнения работ на всех этапах, предшествующих непосредственной разработке правовых актов и иных актов, являются непрерывный сбор и анализ информации; ее своевременное доведение до заинтересованных структур; оперативное реагирование и выработка проектов рекомендаций.

Задачи методологического обеспечения правотворческого процесса ПА ОДКБ возложены на следующие структуры Ассамблеи:

- Информационно-аналитический правовой центр, объединяющий для решения профильных задач свыше 20 экспертов и представителей национальных парламентов;

- Экспертно-консультативный совет, куда входят до 80 представителей национальных компетентных органов, учреждений науки и других заинтересованных организаций;

- Координационное совещание председателей комитетов (комиссий) по обороне и безопасности парламентов государств – членов ОДКБ.

Достоверность исходной информации и актуальность выработанных рекомендаций обеспечиваются комплексом взаимоувязанных мероприятий, которые Ассамблея организует и проводит ежегодно.

Основными формами межпарламентского сотрудничества по линии ПА ОДКБ являются заседания высших органов Ассамблеи, постоянных рабочих органов и групп по разработке модельных законов и рекомендаций; международные (выездные) конгрессные мероприятия по актуальным проблемам деятельности ОДКБ и ее парламентского измерения.

Составной частью мониторинга военно-политической обстановки являются парламентские наблюдения за учениями Коллективных сил ОДКБ, а наиболее интенсивными методами работы – наблюдение, ситуационный анализ и прогнозирование.

Достижение качества модельных законов и рекомендаций, удовлетворяющего требованиям имплементации, обеспечивается, в том числе обратной связью между их инициаторами, парламентариями, экспертами и разработчиками на этапах создания проектов документов, обеспечивающейся Секретариатом ПА ОДКБ.

При этом содержание правовых актов изначально разрабатывается в соответствии с нормами и принципами международного права; делегации национальных парламентов представлены депутатами, знакомыми с деятельностью ОДКБ, способными эффективно поддерживать политику Организации и воздействовать на нее на уровне

национальных парламентов; проект каждого документа проходит предварительную экспертизу и согласование не только на уровне представителей и делегации ПА ОДКБ, но и в заинтересованных национальных структурах.

Подобный подход придает модельным законам, рекомендациям и иным правовым актам ОДКБ прогрессивный характер и обеспечивает их ключевую роль в процессе гармонизации национальных законодательств.

Список литературы:

1. Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 07.10.2002 г. (в ред. от 08.11.2018 г.). – 2002. – Ст. 3.
2. Временное положение о Парламентской Ассамблее Организации Договора о коллективной безопасности от 30.03.2007. – 2007. – Ст. 4.

БРИКСА Ксения Олеговна,
Санкт-Петербургская юридическая академия,
старший преподаватель кафедры
гражданского права; briksa-ko@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОПЦИОННОГО ДОГОВОРА

В статье рассматриваются актуальные вопросы заключения и исполнения опционных договоров в Российской Федерации, исследуется вопрос о соотношении опционного договора со смежными договорными конструкциями.

Ключевые слова: *опционный договор, предварительный договор, опцион на заключение договора, рамочный договор, обязательства, оферта.*

Термин «опционный договор» был введен в ГК РФ в 2015 году, однако использовался в практике еще до 2015 года. Так, например, утративший силу Закон РФ от 20 февраля 1992 г. № 2383-1 «О товарных биржах и биржевой торговле» в ст. 8 оперировал понятием «опционная сделка», указание на опционный договор содержится также в п. 2 Указания Банка России от 16.02.2015 № 3565-У «О видах производных финансовых инструментов», зарегистрированном в Минюсте России 27.03.2015 № 36575.

Однако, несмотря на использование данной конструкции, уже в течение нескольких лет по сегодняшний день возникают вопросы, связанные с регулированием данного вида договоров.

Необходимо отметить, что термин «опцион» (опционный договор, контракт, от лат. optio – «выбор, желание, усмотрение») означает право выбора, получаемое за определенную плату [1, с. 193].

Пунктом 1 ст. 429.3 ГК РФ установлено, что по опционному договору одна сторона на условиях, предусмотренных этим договором, вправе потребовать в установленный договором срок от другой стороны совершения предусмотренных опционным договором действий (в том числе уплатить денежные средства, передать или принять имущество), и если уполномоченная сторона не заявит требование в указанный срок, опционный договор прекращается.

Существует два вида опционных соглашений: опционный договор и опцион на заключение договора. Заслуживает внимания вопрос о том, в чем заключается разница между данными конструкциями.

Опцион на заключение договора имеет место, когда одна из сторон предоставляет другой стороне безотзывную оферту на ограниченный срок на заключение определенного договора или на заключение договора на выдачу в будущем такой оферты при наступлении (выполнении) определенных опционом условий. Другая сторона при наступлении указанных в таком опционном договоре условий в установленный срок вправе принять (акцепт) такую оферту и заключить соответствующий договор. То есть опцион на заключение договора

является отдельным договором, из которого при поступлении от одной из сторон акцепта на свет появляется некий основной договор. Иначе говоря, опцион – это особая договорная конструкция, т.е. договор, который опосредует предоставление оферты.

А опционный договор – это основной договор, «в рамках которого одна сторона дает другой стороне секундарное право востребовать исполнение в определенный срок и/или при наступлении либо исполнении определенных условий» [2, с. 3].

Важно отметить, что опционный договор не является самостоятельным договорным типом. Это любой договор (купли-продажи, мены, аренды и т.п.), в котором исполнение основных обязательств обеих сторон договора ставится до востребования (п. 2 ст. 314 ГК РФ). В момент востребования не возникает некий новый договор, а созревает основание для исполнения тех основных обязательств, которые входят в предмет опционного договора. Опционный договор порождает не секундарное право односторонним волеизъявлением ввести в действие новый, основной договор, а секундарное право востребовать исполнение по уже заключенному договору. То есть вместо двух договоров мы имеем единый договор с исполнением, поставленным до востребования. По сути, это альтернативная модель структурирования схемы, при которой актуализация трансакции зависит от произвольного усмотрения одной из сторон, а отличие от опциона проявляется в виде разной структуры прав и обязанностей. По большому счету одну и ту же идею (например, куплю-продажу под условием выражения волеизъявления на то одной из сторон) можно реализовать как посредством оформления опциона, так и за счет опционного договора [3].

В отличие от опциона на заключение договора предметом опционного договора является право одной стороны (держателя опциона) требовать от другой стороны совершения определенных действий, предусмотренных в опционном договоре (например, передать имущество и др.).

Если в опционе на заключение договора держателю опциона предоставлено право заключения договора, то в опционном договоре держателю опциона предоставляется право требовать непосредственно исполнения договора (или отдельных договорных обязательств). А обязанность другой стороны исполнить опционный договор возникает не при заключении опционного договора, а лишь тогда, когда держатель опциона реализует свое право требования исполнения.

Таким образом, опционный договор позволяет стороне реализовать или нет свое право требования на исполнение другой стороной обязательств по договору в зависимости от складывающихся обстоятельств. И если право не было реализовано в установленный срок, опционный договор прекращается [4, с. 41].

Предметом опционного договора являются фактические действия: выполнение работ, поставка товаров, оказание услуг. Предмет же опциона на заключение договора носит неимущественный харак-

тер и представляет собой условия и порядок заключения иного гражданско-правового договора [5].

По мнению Р.М. Хатхоху, камнем преткновения в вопросе о соотношении опциона и опционного договора стоит определение значения платы по опционному договору [6, с. 42]. В.А. Белов и К.В. Дудченко указывают на то, что «главная разница между опционом на заключение договора и опционным договором состоит в различном юридическом значении такого действия, как уплата цены опциона. При опционе на заключение договора без такой уплаты нет самого главного последствия опциона – секундарного права; можно сказать, нет самого опциона. При опционном же договоре секундарное право налицо и без уплаты цены опциона, однако без нее не может появиться право субъективное. В первом случае уплаты цены – это основание возникновения секундарного права; во втором – одностороннее действие, которым это право осуществляется» [7, с. 18].

Интересен также вопрос о соотношении опционного договора с рамочным и предварительным договорами.

Самое главное отличие опционного договора от рамочного состоит в том, что рамочный договор может вообще не содержать условий обязательственных взаимоотношений сторон. Но, безусловно, рамочный договор должен определять порядок согласования сторонами условий обязательственных правоотношений между ними. В отличие от рамочного договора, все условия опционного договора стороны согласовывают заранее [8, с. 21].

В числе отличий опционного договора от предварительного исследователи называют отсутствие в момент заключения предварительного договора материальной выгоды для сторон, в то время как для опционного договора предусмотрена презумпция возмездности [9, с. 90]. Представляется, что возмездность не следует расценивать как существенное отличие опционного договора от предварительного, так как в соответствии с п. 2 ст. 429.3 ГК РФ опционный договор также может быть безвозмездным.

Актуальным является вопрос о том, что делать, если в опционном договоре не предусмотрен срок востребования. По мнению А.Г. Карапетова, должно применяться по аналогии закона положение п. 2 ст. 429.2 ГК РФ о том, что такой срок в таком случае будет равен году [3].

В ст. 429.3 ГК РФ не решен вопрос о том, возможен ли оборот прав по опционному договору. По мнению автора статьи, право востребовать исполнение может быть уступлено третьему лицу по общему правилу. При этом, так как секундарное право востребовать исполнение вытекает из права требования кредитора по обязательству и неразрывно с ним связано, уступка такого права возможна только с одновременной уступкой самого права по обязательству. Такая уступка будет в полной мере подчиняться правилам ГК РФ о цессии (гл. 24 ГК РФ).

Я.А. Чернобель при исследовании опционного договора рассмотрел следующий вопрос: будет ли оправданной государственная

регистрация опционного договора аренды недвижимого имущества, заключенного на срок более года, если учитывать, что при его регистрации имущество еще не будет передано во владение и пользование арендатора? По мнению Я.А. Чернобеля, соблюдение такого жесткого требования, как государственная регистрация договора, не должно стать для лица, предоставившего опцион, обременительным, так как в учет необходимо принимать цель опционного договора, которая заключается в том, чтобы создать управомоченному по опциону лицу условия получить реальное исполнение в любой момент после своего заявления [10, с. 115].

Между тем представляется очевидным, что органы Росреестра будут отказывать в регистрации опционных договоров. Как следствие, представляется целесообразным закрепить в ГК РФ обязательность регистрации подобных договоров.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что появление в ГК РФ правил об опционном договоре следует оценивать положительно, однако следует отметить, что существуют проблемы, с которыми могут столкнуться правоприменители при применении опционных договоров, и прежде всего, речь идет о проблемах с разграничением опционного договора со смежными договорными конструкциями.

Список литературы:

1. Папилин, И.И. Обзор судебной практики применения новых норм ГК РФ об опционе, опционном договоре и абонентском договоре / И.И. Папилин, М.Ю. До // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 12. – С. 193-207.
2. Шмелев, А.Д. Опционные соглашения: отличительные черты и перспективы применения на практике / А.Д. Шмелев, С.А. Кравцов // Ваш партнер-консультант. – 2015. – № 33 (9599). – С. 3-4.
3. Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2017. Электронное издание. Редакция 1.0. – 1120 с.
4. Ралько, В.В. Опцион на заключение договора и опционный договор в российском праве / В.В. Ралько // Нотариус. – 2016. – № 5. – С. 38-44.
5. Орлов, Г.Н. Особенности опционных договорных конструкций и правоприменительная практика / Г.Н. Орлов // Российский судья. – 2018. – № 8. – С. 12-17.
6. Хатхоху, Р.М. Место и роль опционных договорных конструкций в системе смежных гражданско-правовых договоров / Р.М. Хатхоху // Гражданское право. – 2019. – № 1. – С. 41-44.
7. Белов, В.А. «Договоры об обязательствах»: опционный и абонентский договоры, их понятие и место в системе смежных договоров / В.А. Белов, К.В. Дудченко // Законодательство. – 2016. – № 3. – С. 16-22.

8. Левушкин, А.Н. Специальные договорные конструкции: рамочный, опционный и абонентский договоры / А.Н. Левушкин // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 2. – С. 19-26.

9. Лебедев, В.Е. Квалифицирующие признаки опционного договора и его отличие от других производных финансовых инструментов / В.Е. Лебедев // Новый юридический журнал. – 2012. – № 3. – С. 88-92.

10. Чернобель, Я.А. Опционные конструкции в Гражданском кодексе РФ / Я.А. Чернобель // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2016. – № 1. – С. 110-121.

11. Синцов, Г.В. К вопросу об обязательном нотариальном удостоверении опционов и опционных договоров / Г.В. Синцов // Нотариус. – 2017. – № 1. – С. 14-16.

БРЯНСКАЯ Елена Васильевна,
*Санкт-Петербургская юридическая академия,
заведующая кафедрой уголовного процесса и
криминалистики; veret.1976@mail.ru*

АЛЕКСЕЕВА Александра Николаевна,
*Санкт-Петербургская юридическая академия,
студентка; aleksandra-alekseeva@yandex.ru*

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ И НЕДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассмотрены основания признания доказательств недопустимыми, проанализированы примеры судебной практики и те прецеденты, которые вызывают в научной сфере неоднократные споры.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, недопустимые доказательства, фальсификация доказательств.

В уголовном судопроизводстве регулярно обсуждается вопрос о признании доказательств недопустимыми. Поскольку в свете норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) недопустимыми признаются те доказательства, которые получены с нарушением закона, значит, такой факт влечет процессуальные последствия при рассмотрении уголовного дела в суде.

Работа с доказательствами требует правильного понимания целей и содержания этой деятельности, ее неразрывной связи с назначением уголовного судопроизводства. Процесс доказывания осуществляется с целью получения доброкачественных сведений об обстоятельствах совершенного преступления и достоверного их установления [1, с. 14].

Вопрос о допустимости или недопустимости доказательств решается в процессе их исследования и оценки. Исследование доказательств можно определить как непосредственное или опосредованное восприятие доказательства, направленное на установление практической достоверности и внутренней непротиворечивости всех собранных доказательств по конкретному уголовному делу. Оценка же является логическим продолжением этапа исследования доказательств. Исследование доказательств использует функцию отражения содержания доказательства в психике субъекта доказывания, а оценка доказательств – функцию выражения к отраженному субъективного отношения. Поскольку оценка доказательств направлена на установление наличия или отсутствия качественных юридически значимых свойств доказательств, для последующего обоснования ими выводов по уголовному делу. Исследование и оценка доказательств формируют внутреннее убеждение правоприменителя.

Внутреннее убеждение есть полная уверенность субъекта оценки доказательств относительно достоверности полученных выводов. Однако оно должно основываться не на отвлеченном мнении, а на оценке каждого из доказательств и всей их совокупности в целом. Оценить доказательства в совокупности – значит, не упустить ни одного из них.

В практической деятельности судей сложилось так, что в итоге при исследовании доказательств и рассмотрении вопроса об их допустимости или недопустимости, судья принимает одно из решений. Во-первых, судья вправе признать доказательства недопустимыми в полном объеме. Во-вторых, доказательства могут быть признаны недопустимыми в определенной части. В-третьих, судья может отклонить ходатайство об исключении доказательства и признать соответствующее доказательство допустимым. В-четвертых, судья может отложить рассмотрение вопроса о допустимости того или иного доказательства до стадии судебного разбирательства.

В этой связи заметим, что доказательства, признанные недопустимыми, сохраняются в деле на тот случай, если возникает сомнение в правильности вывода об их недопустимости, поскольку в таком случае возникает необходимость в проведении соответствующей проверки.

В тоже время вынесенное решение судьи о признании доказательства недопустимым не является окончательным, и в ходе судебного заседания стороны могут ходатайствовать об исследовании исключенного ранее доказательства.

В судебной практике доказательство может быть признано недопустимым в определенной части. Например, может быть признана недопустимой та часть заключения эксперта, которая касается исследования тех предметов, которые были обнаружены и изъяты с нарушением закона.

Допускаются различные нарушения требований УПК РФ, например: отсутствие подписи одного или двух понятых при производстве следственных действий, производство последних с участием одного понятого, неподписание следователем протокола следственного действия, предъявление для опознания только одной фотографии, проведение опознания при наличии менее трех предметов или разнородных предметов, отсутствие в материалах уголовного дела звукозаписи допроса, производство следственных действий по окончании срока предварительного следствия без продления его в предусмотренном законом порядке, отсутствие указания на дату производства следственных действий в протоколах последних, в протоколе допроса отсутствие указания на время окончания допроса и др. Последствия выявления этих нарушений будут различны: в одних случаях отмена приговора, в других – частное определение.

Вопрос недопустимости доказательств рассматривают с трех позиций. Во-первых, если сведения получены с нарушением предусмотренной законом формы, они независимо от характера процессу-

альных нарушений не будут иметь значения доказательств, поскольку форма их выявления и обнаружения лишает эти сведения их достоверности. Во-вторых, никакие нарушения не дают основания оставить без оценки по существу то или иное из рассмотренных доказательств, исключить его за недопустимость. В-третьих, нарушение процессуальной формы собирания доказательств не всегда влечет автоматическое исключение этих доказательств из сферы доказывания.

Недопустимы показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Запрет на показания по слуху относится только к тем сведениям, источник которых не может быть определенно указан свидетелем. Если же свидетель ссылается на конкретное лицо, от которого он услышал относящиеся к делу сведения, его показания допустимы. Сообщаемые свидетелем предложения и слухи, не будут доказательством, тем не менее, могут играть роль ценной ориентирующей информации, позволяющее определить направление расследования или судебного следствия. Как известно, процесс формирования свидетельских показаний состоит из трёх стадий: восприятие, запоминание и воспроизведение [2, с. 76]. Восприятие – это соединение ощущений с мыслительной деятельностью.

С 2017 г. в УПК РФ были внесены изменения в ст. 75 УПК РФ. В частности, признаются недопустимыми предметы, документы или сведения, входящие в производство адвоката по делам его доверителей, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий, за исключением предметов и документов, указанных в ч. 1 ст. 81 УПК РФ. Для нас же представился интересным вопрос о фальсификации доказательств адвокатами.

В аспекте признания доказательств недопустимыми учеными неоднократно поднимался вопрос о фальсификации доказательств. Например, 21 апреля 2019 года в Басманном районном суде г. Москвы рассматривались жалобы о незаконном обыске в адвокатском кабинете А. Лебедева. Адвокат обвиняется в фальсификации доказательств. 15 декабря 2019 года он был привлечен в качестве обвиняемого по факту того, что предоставил следователю заведомо подложную справку о посещении подзащитной К. медицинского перинатального центра. Данный документ был приобщен к материалам уголовного дела. Защитником адвоката А. Лебедева выступил Г. Резник, который пояснил, что собиранием и формированием доказательств занимаются органы уголовного преследования, на которые возлагается бремя доказывания. Применительно к статусу защитника такие положения формулируются только технически. Более того, при разрешении вопроса и соответствии свойствам доказательств данной справки стало очевидным, что по своей содержательной части она не имела никакого доказательственного значения, поскольку применительно к предмету доказывания не имела никакого отношения. В этой

связи мы можем полагать, что в данном вопросе затрагиваются нюансы асимметрии доказательств.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ защитник имеет право собирания и представления доказательств, необходимых для оказания юридической помощи. С.А. Шейфер писал о том, что «доказательственную деятельность защитника нельзя определять как собирание доказательств, так как в ней отсутствует основной признак данного элемента доказывания - преобразование полученной информации и облачение ее в надлежащую процессуальную форму, т.е. формирование доказательств» [3, с. 148]. Е.К. Доля считает, что «адвокат не может собирать и формировать доказательства, а может только заявлять ходатайства для проведения каких-либо следственных действий» [4, с. 80] в ходе расследования уголовного дела. Мы можем полагать, что следователь обязан проверить информацию, полученную от такого процессуального участника, как защитник. Информация приобретает доказательственное значение только после того как будет проверена субъектом, на которое возлагается бремя доказывания, на предмет относимости, допустимости, достаточности и достоверности. В этой связи вопрос о фальсификации доказательств напрямую зависит от проверки этого доказательства следователем на предмет его допустимости.

В настоящее время оригинальность уголовного процесса заключается в том, что сложно рассуждать о добропорядочности как участников со стороны защитники, так и со стороны органов уголовного преследования. На суд как государственный орган, который выступает независимым арбитром, выпадают непростые задачи исследования, проверки и оценки доказательств. Такие задачи следует выполнять с особой бдительностью и с высокой степенью критического отношения к тем или иным сведениям по уголовному делу.

Список литературы:

1. Копьева, А.Н. Доказывание по уголовным делам в вышестоящем суде / А.Н. Копьева. – Иркутск: ИГУ, 1990. – 191 с.
2. Гребенкин, П.И. Допустимость доказательств в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук / П.И. Гребенкин. – Пятигорск, 2002. – 146 с.
3. Соловьёв, А.Б. Процессуальные, психологические и тактические основы допроса на предварительном следствии / А.Б. Соловьёв. – М., 2002. – 187 с.
4. Шейфер, С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С.А. Шейфер. – М., 2014. – 240 с.
5. Доля, Е.К. К вопросу о праве стороны защиты собирать и представлять доказательства / Е.К. Доля // Уголовное право. – 2007. – № 4. – С. 79-83.

ВАРУШКИН Алексей Анатольевич,
кандидат юридических наук, Санкт-Петербургская юридическая академия, заместитель заведующего кафедрой уголовного права; aavarushkin@gmail.com

СМОЛИНА Яна Николаевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант 1 курса; sm120011997@gmail.com

МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ

В статье рассматривается анализ коррупционных деяний в государстве, анализируются проблемы проявления коррупции при прохождении государственной гражданской службы, а также возможные формы и методы борьбы с коррупционными проявлениями.

Ключевые слова: *противодействие коррупции, государственная гражданская служба, рейтинг, лоббизм, корыстный сговор, механизм противодействия.*

Противодействие коррупции в системе органов государственной власти является одним из приоритетных направлений государственной политики в реализации основ антикоррупционного механизма, выступающего гарантом публичности и открытости в функционировании государственных органов.

Проявление негативных тенденций, деструктивных процессов, связанных с ростом коррупции в современной России, создают реальную угрозу национальной безопасности государства, а также диктуют необходимость противодействия этому явлению прежде всего в системе государственной гражданской службы, где сосредоточено основное количество чиновников.

Коррупционными правонарушениями в России в настоящее время охвачены практически все сферы государственной власти и управления. Коррупция – это коррозия власти. Как ржавчина разъедает металл, так коррупция разрушает государственный аппарат и разъединяет нравственные устои общества [1, с. 52].

По результатам проведенного методом телефонного интервьюирования по случайной выборке 2000 респондентов в июле 2019 года ежегодного инициативного всероссийского опроса «ВЦИОМ-Спутник» к наиболее коррумпированным сферам отнесены медицина (23%), полиция (16%), сфера ЖКХ (16%), судебная система и прокуратура (14%). Четверть россиян убеждена, что во взяточничестве погрязли все сферы государственной и общественной жизни.

Статистические данные с официального сайта МВД России за период с 2010 года по 2018 год свидетельствуют о том, что преступ-

ления коррупционной направленности занимают 1/3 в общей доле экономических преступлений (24,99 % в среднем).

В международном рейтинге коррупции, по экспертной оценке неправительственной организации Transparency International (ТИ), Россия с 2010 года по 2018 год поднялась в рейтинге стран мира согласно расчетам Индекса восприятия коррупции на 8 позиций, что является положительным фактором (2010 год – 154 место из 178, 2018 год – 146 место из 183), но одновременно с этим с 2012 года по 2018 год для России индекс практически не меняется (2012 год – 27 баллов, 2018 год – 28 баллов), а ущерб от коррупции ежегодно составляет 7 трлн. рублей или 6-7% внутреннего валового продукта (ВВП), опережая темпы развития экономики.

Понятие коррупции выходит за рамки простого взяточничества. Коррупция – это социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда государственные служащие, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют свое служебное положение, статус и авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах.

Современные виды коррумпированного поведения должностных лиц далеко ушли за рамки простого подкупа. Повсеместное распространение получили криминальный лоббизм, корыстный сговор должностных лиц, инвестирование коммерческих структур за счет бюджета в ущерб интересам государства, необоснованная и убыточная для общества передача государственного имущества в управление коммерческим структурам, создание лжепредприятий, незаконные внешнеэкономические операции, совмещение государственной службы с участием в коммерческих организациях, неправомерное вмешательство в деятельность правоохранительных органов [2, с. 44].

Коррупция – явление объективное. Она возникла вместе с появлением государства и является не переменным атрибутом административно-управленческого механизма, то есть бюрократии. В то же время атрибутивность коррупции для государственного аппарата вовсе не означает, что с этим явлением бессмысленно бороться. Напротив, анализ исторической практики, а также международного и российского опыта показывает, что коррупция может быть поставлена под контроль государства и общества и существенно ограничена благодаря продуманной и взвешенной правовой политике.

Во-первых, эффективность противодействия коррупции в системе государственной гражданской службы предполагает строгую правовую регламентацию чиновников всех уровней с максимально возможным ограничением возможностей для субъективного усмотрения.

Во-вторых, дальновидная, широкомасштабная антикоррупционная политика государства должна опираться на диверсифицированное антикоррупционное законодательство с широким спектром правовых норм с превентивным потенциалом.

В-третьих, при выработке эффективного правового механизма противодействия коррупции необходимо исходить из широкого толкования и понимания этого явления, а не сводить суть проблемы только к взяточничеству.

В-четвертых, без включения в механизм противодействия коррупции правовой пропаганды и агитации, институтов гражданского общества, возможностей радио, телевидения. Интернета невозможно создание обстановки неприятия и нетерпимости к коррупции и коррупционерам всех мастей и во всех слоях современного общества.

В 2006 году Россия присоединилась к антикоррупционной инициативе по борьбе с коррупцией среди высших должностных лиц, а 1 февраля 2007 года официально вступила в «Группу государств против коррупции» (ГРЕКО) и уже в декабре 2008 года прошла международную процедуру оценки состояния противодействия коррупции. По мнению международных экспертов, в России весьма высокий уровень коррупции среди высших должностных лиц.

Большая часть коррумпированных должностных лиц по-прежнему остается безнаказанной в силу не только пробелов в федеральном антикоррупционном законодательстве и законодательстве о государственной гражданской службе, но и по причине паралича государственной воли в отношении коррумпированных представителей высших эшелонов власти, что оказывает серьезное деморализующее воздействие на нижестоящие властные структуры и выступает прямым примером и стимулом для подражания [4, с. 302].

Вопреки требованиям Федерального закона от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции» и Национального плана противодействия коррупции во многих республиках, краях и областях руководящие работники государственного аппарата продолжают активно внедряться в предпринимательские структуры. Используя свое служебное положение, они создают неоправданные привилегии для отдельных субъектов хозяйствования, способствуют подавлению конкуренции и предприимчивости, образуют «коридоры безопасности» для своих коррумпированных коллег.

Коррупция – это комплексная проблема. Она не может быть сведена к борьбе с ней в отдельно взятом ведомстве, как, например, это сейчас делается в ряде силовых ведомств (МВД, ФСБ, таможенной службе и других), где созданы подразделения по обеспечению собственной безопасности. Коррупция – это своеобразная болезнь, патология государственного аппарата, органов государственной власти, вызванная причинами как объективного, так и субъективного порядка. Для ее понимания и объяснения недостаточно смоделировать организационную структуру отдельно взятого органа – субъекта управления. Необходимо иметь представление о его внутренних связях (человеческих отношениях), мотивационной сфере членов органа, сложившихся стереотипах, конфликтах, связях с внешней средой.

В соответствии с законом развития систем и системных образований любой динамической системе (какой является и бюрократия)

присущи процессы энтропии, дезорганизации. Впервые обратил на это внимание С.Н. Паркинсон, сформулировавший один из своих знаменитых законов по которому «свойство бюрократии состоит в ее автоматическом увеличении» [3, с. 73]. Это происходит потому, что каждый чиновник стремится показать свою важность, необходимость иметь больше функций при уменьшении объема фактически выполняемой работы. В результате происходит непрерывное расширение бюрократии, преследующей свои собственные цели: она становится все более громоздкой, а ее деятельность – все более ненужной и непродуктивной. О живучести «закона Паркинсона» свидетельствуют статистические данные о численности чиновников в органах государственной власти Российской Федерации: в период с 2003 года по 2018 год, т.е. за последние 15 лет, после поэтапного (один раз в пять лет) трехразового сокращения госаппарата, численность чиновников возросла в три раза.

Предупреждение, профилактика коррупции и недопущение ее проявлений в системе государственной гражданской службы являются частью общей стратегии борьбы с коррупционными правонарушениями (и проступками, и преступлениями), и в конечном итоге определяются той концептуальной моделью, которая служит руководством к действию при принятии и осуществлении соответствующего комплекса мер со стороны государства [5, с. 73].

Существующие в современной теории и на практике реальные модели борьбы с коррупцией весьма динамичны и недолговечны, и, как правило, тяготеют к превращению из одного типа в другой. Так, например, высока вероятность модификации олигархической модели в авторитарную, или наоборот, тоталитарной в олигархическую. По причине нестабильности государства и общества все эти модели неустойчивы. Наиболее устойчива и перспективна с точки зрения борьбы с коррупцией идеальная модель, присущая цивилизованному обществу. Такая модель давно известна и во многом она воплощена в концепции правового государства. Хотя эта модель абстрактна и требует насыщения конкретным содержанием (должна соответствовать духовным и культурным, историческим традициям данного государства), она нацелена на будущее развитие общества и государства по цивилизованному, то есть правовому пути развития. Большое значение в этой модели имеет реализация таких идей, как равенство всех перед законом, согласованность права и нравственности, разумное ранжирование иерархии правоохранных ценностей, соответствие властных полномочий степени юридической (правовой) ответственности, формирование приоритетов борьбы с правонарушениями, поддержание обратных связей власти и населения [6, с. 92-98].

В плане противодействия коррупции в системе государственной гражданской службы важно обеспечить реальную реализацию такого принципа, как равенство всех перед законом. Необходимо свести к минимуму систему привилегий чиновников всех уровней, юридических и фактических иммунитетов. В современных условиях это при-

обретает особое значение, так как Россия приняла на себя международное обязательство значительно сократить количество категорий лиц, обладающих иммунитетом от преследования, практически до минимума, а также упростить процедуры снятия иммунитетов. Принятие таких мер, безусловно, должно оказать положительное влияние на снижение коррупции в стране. Таким образом, реализация данной цели государства возможна, но только при изменении отношения к праву, к закону.

Список литературы:

1. Кочнев, Р.Ю. Коррупция «одного окна»: теория и эмпирический анализ / Р.Ю.Кочнев, Л.И.Полищук, А.Ю.Рубин // Вопросы экономики. – 2018. – № 9. – С. 49-58.
2. Астафьева, А.С. Проблемы эффективности государственной гражданской службы России // А.С.Астафьева. – М.: Молодой ученый. 2018. – 77 с.
3. Синельщиков, Ю.П. Коррупция в России: история, состояние, причины, меры борьбы // Ю.П.Синельщиков. – М.: Москва, 2017. – 92 с.
4. Моисеев, В.В. Кому на Руси жить хорошо / В.В. Моисеев. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. – 464 с.
5. Суслин, Э.В. Правовые основы противодействия коррупции: учебное пособие / С.Ю. Косарев, Э.В. Суслин. - СПб.: НОУ СЮА, - 2016. - 188 с.
6. Суслин, Э.В. Коррупция в России: истоки, проблемы, опыт противодействия / Э.В. Суслин, И.И. Лиханова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. - 2016. - № 1(30). - С. 92-98.

ПОНЯТИЕ И ОСНОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Статья посвящена теоретическому и законодательному раскрытию понятия уголовной ответственности, а также основания её наступления по российскому уголовному праву.

Ключевые слова: *преступление, уголовная ответственность, вина, мотив, состав преступления, Уголовный Кодекс РФ.*

В свете постоянно видоизменяющейся преступности, под воздействием различных внешних и внутренних факторов встает необходимость в теоретическом обосновании тех или иных явлений в рамках уголовного права, так как невозможно бороться с общественно опасными деяниями без усвоения доктринальных основ. Важной составляющей учения в уголовном праве является понятие «уголовная ответственность», а также основания её возникновения. Интерес к изучению данной категории связан с отсутствием в действующем законодательстве России четко сформулированного определения уголовной ответственности, что породило большое количество споров и попыток ученых доказать ту или иную позицию по данному вопросу.

Первостепенно важно рассмотреть понятие «ответственность» не только с точки зрения права, так как это позволит выстроить его более четкую формулировку. С философской точки зрения, ответственность можно определить как некое проявление общественной упорядоченности. В.Ю. Голубовский относит ответственность к дуалистической категории, указывая, с одной стороны, на то, что человек несет ответственность перед обществом и государством, а с другой стороны – государство и общество несут ответственность перед личностью [3, с. 160].

Можно с уверенностью утверждать, что ответственность – это отношение между личностью и обществом, выражающееся в осуществлении взаимных требований, содержание которых определено объективной необходимостью. То есть такое взаимное «обязывание» и создает институт нормального функционирования общества, где существуют нормы общежития, а ответственность выступает регулятором этих отношений, заставляя выполнять стороны возложенные на них функции и обязанности.

С точки зрения же правовых дисциплин, ответственность может быть только юридической и выступать в различных направлениях права. Так, помимо уголовной, выделяют гражданскую, административную, конституционную ответственность и другие.

Юридическая ответственность представляется как одна из форм реагирования государства на нарушение установленного порядка регулирования общественных отношений [3, с. 161]. То есть одной из функций государства является поддержание порядка или, иначе гово-

ря, установленных правил, а юридическая ответственность в данном случае наступает при несоблюдении этих предписаний.

Примечательно то, что ни в уголовном, ни в уголовно-процессуальном законодательстве термин «уголовная ответственность» не раскрывается, определение данного понятия вырабатывается науками уголовного права и уголовного процесса. Существует спор касательно правильного толкования определения уголовной ответственности, так как есть множество научно обоснованных подходов, пытающихся обосновать ту или иную точку зрения.

Раскрытие понятия и основания наступления уголовной ответственности невозможно без обращения к главному источнику уголовного права – Уголовному Кодексу Российской Федерации, который гласит, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления [1, ст. 8]. Таким образом, мы видим, что невозможно наступление уголовной ответственности без наличия в деянии состава преступления.

Состав преступления – достаточно хорошо изученное понятие в уголовном праве, практически не вызывающее споров в научном сегменте. Под составом преступления следует понимать систему обязательных объективных и субъективных элементов деяния, характеризующих его как общественно опасное и структурированное по четырем подсистемам (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона) [10, с. 112].

Хорошо прослеживается легитимирование данного определения правовой позицией Конституционного Суда РФ, который в своем Постановлении № 2-П от 10.02.2017 указал: «криминализация тех или иных правонарушений, неразрывно связанная с конструированием состава преступления, системообразующими элементами которого являются объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона...» [2, с. 47].

Как уже отмечалось ранее, существует несколько подходов к трактовке понятия «уголовная ответственность» и основаниям ее возникновения. По утверждению В.Д. Филимонова, уголовная ответственность – это обязанность лица, совершившего преступление, претерпеть меры государственного принуждения [9, с. 109]. Автор указывает на то, что уголовная ответственность наступает с момента совершения преступления.

Нельзя в полной мере согласиться с мнением автора, ведь в России действует презумпция невиновности, закрепленная в части 1 статьи 49 Конституции РФ: «лицо считается невиновным, пока его виновность не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда». Таким образом, только суд может установить виновность лица и привлечь лицо к ответственности за совершенное уголовное преступление.

М.Ю. Дворецкий и В.Ю. Стромов говорят о том, что уголовная ответственность представляет собой правовое последствие совершения преступления, возникающее с момента осуждения лица судом,

вынесения обвинительного приговора и применения к лицу наказания и иных мер, предусмотренных уголовным законом [4, с. 258-259]. Санкции уголовного закона за совершенное преступление начинают действовать для субъекта с момента вынесения и вступления в законную силу обвинительного приговора суда. Только с этого момента лицо начинает нести ответственность за совершенное общественно опасное деяние.

Также одним из самых дискуссионных вопросов является основание уголовной ответственности.

Т.А. Огарь связывает наступление уголовной ответственности с вступившим в силу уголовным законом, то есть когда новый закон вступает в силу, он начинает распространяться на всех лиц, обязанных его исполнять [6, с. 110]. Отметим, что вступление нового уголовного закона в силу имеет обратную силу, если каким-либо образом устраняет преступность деяния, смягчает наказание. Уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет [1, ст. 10].

М.П. Редин в своей работе «Об основании уголовной ответственности и его законодательном определении» обозначает момент наступления уголовной ответственности совершение лицом деяния, запрещенного уголовным законом под угрозой наказания [7, с. 120]. При этом спорным является тот факт, почему автор связывает наступление уголовной ответственности с деянием, которое на момент совершения может быть известно лишь преступнику, то есть объективно его вина еще не доказана, в отношении него не вынесено санкционного акта.

М.А. Тульнев и О.С. Степанюк выделяют ещё два основания возникновения уголовной ответственности. Первое основание – с момента привлечения лица в качестве обвиняемого по уголовному делу, например, на основании вынесенного следователем обвинительного заключения. С момента обвинения к человеку применяются меры уголовно-процессуального принуждения [8, с. 138]. Второе основание – с того момента, когда в отношении лица вынесено обвинительное постановление суда и начинается процесс государственного принуждения, предусмотренного уголовным законом. Второе суждение кажется нам более вразумительным и обоснованным.

Наиболее важно, на наш взгляд, рассмотрение основания уголовной ответственности через призму субъективной стороны состава преступления, так как обязательным её элементом является вина [5, с. 158]. Согласно УК РФ, лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина [1, ч. 1 ст.5]. Таким образом, в законе закреплено основание уголовной ответственности – вина, которая должна быть установлена, то есть приведены те обстоятельства и факты, которые прямо указывают на совершение деяния обвиняемым лицом.

Органом, призванным объективно принять решение и вынести наказание, является суд.

Подводя итог, выделим несколько важных моментов. Первоочередное значение имеет раскрытие понятия «уголовная ответственность». Было установлено, что уголовная ответственность – это разновидность юридической ответственности, возникающей на основании деяния, содержащего все признаки состава преступления в отношении лица, чья вина доказана.

Уголовная ответственность наступает с момента вынесения и вступления приговора суда в силу, так как рассмотрение и разрешение уголовных дел в соответствии с Конституцией РФ и УПК РФ находится в ведении суда. Основанием же уголовной ответственности является доказанное виновное совершенное деяние, за которое в отношении субъекта вынесен обвинительный приговор и начат процесс государственного принуждения.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СЗ РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // Обзор судебной практики. – 2017. – № 6. – С. 44-50.
3. Голубовский, В.Ю. Теоретические проблемы уголовной ответственности / В.Ю. Голубовский, Е.В. Кунц // В сборнике: современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. – 2019. – С. 160-162.
4. Дворецкий, М.Ю. Основания уголовной ответственности в контексте эффективной ее реализации: проблемы теории и правоприменительной практики / М.Ю. Дворецкий, В.Ю. Стромов. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2015. – 734 с.
5. Каранович, К.К. Состав преступления как основание уголовной ответственности / К.К. Каранович // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2014. – № 22. – С. 156-160.
6. Огарь, Т.А. Уголовная ответственность и ее основания. Состав преступления и его виды / Т.А. Огарь // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 7. – С. 106-123.
7. Редин, М.П. Об основании уголовной ответственности и его законодательном определении / М.П. Редин // Современное право. – 2010. – № 5. – С. 119-124.
8. Тульнев, М.А. Понятие уголовной ответственности в Уголовном Кодексе Российской Федерации / М.А. Тульнев, О.С. Степанюк // Велес. – 2017. – № 3-2 (45). – С. 136-140.
9. Филимонов, В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству. 2-е изд., перераб. и доп. / В.Д. Филимонов. – М.: ЮрИнфоР-Пресс. 2016. – 247 с.
10. Чучаев, А.И. Уголовное право. Общая часть. 3-е издание, перераб. и доп. / А.И. Чучаев. – М.: Проспект, 2016. – 448 с.

ДЕНИСОВА Наталья Владимировна,
*Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
магистрант; ndenisova1986@mail.ru*

ФУНКЦИЯ И РОЛЬ СУДА В ПРОЦЕССЕ ПРИЗНАНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье освещены вопросы, связанные с порядком признания и исполнения иностранных судебных решений в общей системе гражданского/арбитражного судопроизводства Российской Федерации, а также с функцией и ролью суда в данном процессе, анализируются особенности и проблемы правового регулирования данного института в рамках национальной правовой системы.

Ключевые слова: иностранное судебное решение, признание и исполнение судебных решений, экзекватура, международные договоры, исполнительный документ, национальный суверенитет.

Длительное время многие страны придерживались позиции абсолютного суверенитета, отстаивая безусловную неподсудность государства в отношении любых требований независимо от их основы. В современных условиях высоких темпов глобализации и интеграционных процессов государства ведут речь об ограничении суверенных правомочий. Так, на практике часто возникает потребность в принудительном исполнении судебного решения за пределами страны его вынесения, что приводит к необходимости обращения в компетентные органы иностранного государства. Иностранное судебное решение за пределами государства вынесения само по себе правовой силы не имеет, а допускает получение ее лишь на основании процессуального законодательства другого государства. Признание решений судов иностранного государства означает придание этим решениям такой же юридической силы, какую имеют вступившие в законную силу решения собственных судов: они приобретают свойства неопровержимости, исключительности, обязательности и преемственности, а решения о присуждении (имущества или его стоимости) – также исполнимости; они обязательны для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, всех должностных лиц, граждан и организаций данного государства. В мировом сообществе государств признание и исполнение иностранных судебных решений не рассматривается как общепринятое и юридически обязательное. Доктрина исходит, как правило, из того, что обязанности признавать иностранные решения в силу общих норм международного права не существует. Допуская признание и исполнение решений, государство идет на определенное «самоограничение», исходя из необходимости развития своих международных свя-

зей и обеспечения в этих целях иностранцам льготных правовых условий [1, с. 751].

В настоящее время остается сложным конкретно определить институт признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений на территории Российской Федерации в системе видов гражданского/арбитражного судопроизводства, разграничить его процессуальные особенности, и, как следствие, отнести его к одному из видов судопроизводств. Это представляется невозможным ввиду специфичности ряда его черт. Ключевой особенностью является функция, которую осуществляет суд по данным нестандартным видам дел, т.к. признаются и приводятся в исполнение акты органа государственной власти (кроме решений третейских судов) иного суверенного, равного по статусу государства. При признании и приведении в исполнение актов иностранных судов спор о праве не разрешается, так как он уже был разрешен решением иностранного суда, установления юридически значимых фактов, как в особом производстве, либо оспаривания решения, действия, бездействия государственного органа либо должностного лица, как в административном судопроизводстве, также не происходит.

Исходя из этого, не происходит не только разрешение дела, но даже не проводится «проверка» решения суда (как, к примеру, в рамках производства об оспаривании решений третейских судов гл. 46 Гражданского процессуального кодекса РФ, глава 30 Арбитражного процессуального кодекса РФ) [2, с. 34].

В правовом институте признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений внимание следует обратить на сущность двух типов действий и роль суда в них:

- 1) на непосредственно само признание;
- 2) на процедуру принудительного исполнения иностранных судебных решений – экзекватура (*exequatur*).

Экзекватура (процесс, определяющий порядок придания решению иностранных судов юридической силы) в международном процессе бывает нескольких видов:

- возможность проверки дела по существу, когда суд, разрешающий исполнение, подвергает иностранное решение полной ревизии с точки зрения правильности разрешения дела по существу;

- возможность только ограниченного контроля со стороны суда, разрешающего исполнение: суд не проверяет правильность разрешения дела по существу, но вправе произвести полную ревизию в исключительных случаях по требованию должника;

- экзекватура выдается только при условии взаимности [3, с. 1].

Согласно ч. 3 ст. 6 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [4], обязательность на территории Российской Федерации постановлений судов иностранных государств, международных судов и арбитражей определяется международными договорами Российской Федерации. Признание и исполнение актов иностранных судов на

территории Российской Федерации в рамках норм национального законодательства осуществляется федеральными судами в соответствии с их компетенцией:

1. В гражданском процессе в соответствии с главой 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (далее – ГПК РФ) [5], которая входит в раздел V ГПК РФ «Производство по делам с участием иностранных лиц» иностранное судебное решение по гражданским делам, в том числе решение об утверждении мировых соглашений, признается и приводится к принудительному исполнению при условии, что выдача экзекютуры для таких решений предусмотрена международным договором (ч. 1 ст. 409 ГПК РФ).

2. В арбитражном процессе в соответствии с главой 31 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (далее – АПК РФ) [6], которая входит в раздел IV АПК РФ «Особенности производства в арбитражном суде по отдельным категориям дел», решения судов иностранных государств по спорам и иным делам, возникающим при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности, а также решения третейских судов и международных коммерческих арбитражей в этой сфере признаются и приводятся в исполнение, если это предусмотрено международным договором Российской Федерации и федеральным законом (ч. 1 ст. 241 АПК РФ).

Основной особенностью исполнения на территории Российской Федерации решений, вынесенных иностранными судами и арбитражами, является то, что оно регулируется прежде всего положениями договоров, в которых участвует Российская Федерация, а не только нормами действующего законодательства Российской Федерации.

Процесс признания иностранных судебных решений является одним из наиболее важных процедурных элементов полномочий суда в международном процессе. Эта значимость является результатом трех конкретных задач, стоящих перед судом, и эти задачи смешиваются друг с другом, хотя и являются в некоторой степени независимыми:

Первая из них связана с обязанностью судьи рассмотреть возможность принудительного исполнения с точки зрения неизбежности применения национального законодательства о принудительном исполнении (возможно ли как таковое принудительное исполнение в соответствии с национальным правом).

Вторая задача связана с необходимостью превращения решения зарубежного суда в исполнимую формулу принудительного исполнения с целью избежания потенциальных неточностей в понимании решения зарубежного суда и, таким образом, гарантировать исполнимость решений суда и отсутствие противоречий в работе органов принудительного исполнения. С этой целью сторона процесса просит суд вынести решение о существовании самого принудительного исполнения, т.е. издать исполнительный лист, в котором указано, что

необходимо исполнить и в каких сущностных, субъектных и временных границах. Данный исполнительный документ уполномочивает должностных лиц органов принудительного исполнения на осуществление принудительного исполнения по соответствующим делам.

Третья задача связана с полномочиями суда моделировать при необходимости в процессе преобразования решения материальные права и обязанности, установленные в судебном решении, с целью их соотнесения с конкретными способами принудительного исполнения, существующими в национальном праве.

Следовательно, когда право признания утверждается судом в рамках гражданского/арбитражного судопроизводства, результатом этого становится наделение иностранного судебного решения своими санкциями, позволяющими ему действовать в рамках национальной правовой системы. Таким образом, признающее государство ограничивает свой суверенитет, так как с момента признания все национальные органы власти, и все физические и юридические лица будут обязаны принять и применять иностранное судебное решение в качестве аналога национального судебного решения по существу гражданско-правового спора. Не существует другого правового института предоставления судебному решению возможности действовать в рамках правовой системы, учитывая существующую парадигму воздействия суверенитета на подчиненную ему территорию.

Так, компетентный российский суд выносит определение о признании и разрешении к принудительному исполнению на территории РФ судебного акта иностранного государства и на основании этого определения выдает исполнительный документ по форме, установленной законодательством РФ (экзекватура). При поступлении указанного исполнительного документа на исполнение судебному приставу-исполнителю он исполняется в порядке, предусмотренном законодательством РФ об исполнительном производстве как исполнительный документ, выданный компетентным органом РФ.

Однако, если в международном договоре РФ прямо указано, что судебный или иной акт (исполнительный документ), вынесенный компетентным органом иностранного государства, признается на территории РФ без процедуры признания (экзекватуры), то такой судебный акт или иной акт (исполнительный документ) предъявляется на исполнение судебному приставу-исполнителю с учетом особенностей, предусмотренных международными договорами.

Следует обратить внимание на тот факт, что возникающее после признания иностранного судебного решения право его принудительного исполнения является публичным в связи с его общественной важностью, неизбежно связанной с защитой национального суверенитета РФ. Ни одно государство не может позволить себе в рамках существующей парадигмы защиты национального суверенитета предоставлять другим государствам право решать, когда национальный суд

обладает полномочиями по рассмотрению дел или когда и в каком порядке может осуществляться принудительное исполнение.

Автоматическое действие в настоящее время возможно в случаях «передачи суверенитета». Так, например, в рамках Европейского союза в настоящее время сложилось правовое и судебное пространство, обеспечивающее взаимное признание и исполнение судебных решений. Правомерность решения, вынесенного судом одного из государств ЕС, предполагается, проверка его в другом государстве сводится к минимуму.

В Регламенте Совета Европейского союза № 1215/2012 от 12 декабря 2012 г. (Брюссель I bis) [7] о юрисдикции, признании и принудительном исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам, имеющем приоритет над национальным правом, были созданы единые правила упрощенной процедуры признания и исполнения решений: была отменена процедура экзекватуры среди европейских стран (любое решение, вынесенное в одном государстве – члене ЕС, приравнивается к решению, вынесенному в том государстве – члене ЕС, в котором запрашивается исполнение); стороне достаточно представить компетентному органу копию решения и сертификат, подтверждающий, что решение подлежит исполнению, выданный судом, вынесшим решение. В исполнении решения может быть при определенных условиях отказано, но только по ходатайству заинтересованной стороны. Для сравнения: решения, вынесенные в различных штатах США, требуют признания в других штатах.

В большинстве случаев вопрос признания акта иностранного происхождения (иностранной юрисдикции) наравне с национальными актами, а, следовательно, вопрос ограничения возможностей государства по рассмотрению дела по существу (таким образом, возникает феномен конфликта суверенитетов, в частности конфликта юрисдикций) просто не может решаться методами частного права на основе равенства сторон и свободы договора (принцип свободы воли сторон). Так, на основании п. 5 ч. 1 ст. 412 ГПК РФ в принудительном исполнении решения иностранного суда может быть отказано в случае, если исполнение решения может нанести ущерб суверенитету Российской Федерации или угрожает ее безопасности либо противоречит публичному порядку. Даже в случае, если сторона, действуя добросовестно, требует исполнения в полной мере «законного» решения суда или арбитража по праву страны, в которой оно было вынесено, в таком исполнении может быть отказано. Таким образом, допускается возможность ограничения легальных прав и интересов конкретного лица в пользу защиты публичного интереса [2, с. 35].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что в рамках института признания и приведения в исполнение актов иностранных судов специфичными являются цель и задачи судопроизводства по данным категориям дел, функция суда, принципы судебной деятельности и сама процедура. В процессе сравнения двух типов судебных разбирательств (признания и исполнения иностранных су-

дебных решений) полагаем, что не существует принципиальной разницы между процедурой признания и процедурой принудительного исполнения, т.к. данные судебные действия имеют практически одинаковое содержание и идентичные критерии и требования для их совершения. Исключительно с правовой точки зрения можно говорить, что судья в рамках этих двух производств решает вопрос наличия или отсутствия права на признание, основанного на критериях возможности признания, так как не существует отдельных критериев для признания наличия права на принудительное исполнение. Признание иностранного судебного решения и его окончательность, а также возможность принудительного исполнения предоставляются законом. Однако суд не предоставляет эти свойства самостоятельно. Суд просто должен оценить содержание судебного решения и определить, что принудительное исполнение требуется в соответствии с национальным законодательством, и если оно действительно требуется, он установит это в исполнительном листе с целью избежания правовой неопределенности. В данном отношении действия суда – такие же, как и в отношении национального судебного решения: он определяет, что права являются обоснованными и неудовлетворенными, что означает обеспечение силой принудительного исполнения. Также в случае признания и исполнения решений иностранных судов на территории Российской Федерации полагаем возможным говорить о некой «контрольной» роли суда на соответствие иностранных актов определенным критериям, в том числе на соответствие основополагающим принципам Российской Федерации, ее публичному порядку и отечественному законодательству в целом. Охрана публичного интереса в рамках рассматриваемых дел возложена отнюдь не на стороны, принцип активности которых является одним из ведущих в гражданском/арбитражном судопроизводстве, а на суд. Таким образом, суд выполняет «непривычную» для себя роль с высокой степенью его процессуальной активности.

Значительной проблемой на практике при признании и исполнении иностранных судебных решений является то, что данные судебные решения могут иметь различные цели и содержание, которые часто являются спорными даже в рамках юрисдикции страны, издавшей решение. Официальная статистика не содержит информации о том, сколько иностранных решений было признано и принудительно исполнено, но на основании анализа, проведенного в этой статье, становится ясно, что исполнение иностранных судебных решений проблематично и может сильно варьироваться в зависимости от мнения конкретного судьи. В настоящее время наблюдается четкая позиция российских судов, заключающаяся в отказе от приведения в исполнение решений «сомнительных» иностранных гражданских/арбитражных институтов. В связи с возросшим количеством иностранных решений и ввиду лишь отрывочно регулирования в законодательстве РФ данного вопроса судьи санкционируют зарубежный порядок разрешения гражданско-правового спора только после

того, как они полностью уверены, что рассматриваемое иностранное решение может быть включено в национальную правовую систему и что оно соответствует требованиям защиты национального суверенитета.

Список литературы:

1. Международное частное право: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / сост.: В.Н. Борисов, Н.В. Власова, Н.Г. Доронина и др.; отв. ред. Н.И. Марышева. – М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. – 848 с.

2. Закирова, И.И. Признание и приведение в исполнение решений иностранных судов / И.И. Закирова // Мировой судья. – 2018. – № 2. – С. 33-35.

3. Клинова, К. Экзекватура – акт взаимности. Получить свое в иностранной юрисдикции / К. Клинова // ЭЖ-Юрист. – 2013. – № 46. – С. 1-4.

4. О судебной системе Российской Федерации: федер. конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 06.01.1997. – № 1. – Ст. 1.

5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. – М.: Омега-Л., 2018. – 164 с.

6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации – М.: Эксмо., 2018. – 192 с.

7. Регламент Совета Европейского союза № 1215/2012 от 12 декабря 2012 г. (Брюссель I bis) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2012/1215/oj> (дата обращения: 02.10.2019).

ДЕНИСЮК Светлана Петровна,
кандидат юридических наук, Санкт-Петербургская юридическая академия, доцент
кафедры гражданского права;
Svetlana-zhuravleva@yandex.ru

СИСТЕМА СТРАХОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НЕКОТОРЫЕ ПОНЯТИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ)

Статья посвящена страховой деятельности в Российской Федерации. Автором проведено исследование отдельных понятий и определений, рассмотрены некоторые положения в законодательстве Российской Федерации, на которые необходимо обратить внимание при заключении договора личного страхования, страхования имущества или ответственности.

Ключевые слова: *страхование, объект страхования, договор страхования, страховой полис.*

Страхование определяется как отношения по защите имущественных интересов физических и юридических лиц при наступлении определенных событий (страховых случаев) путем денежных фондов, формируемых из уплачиваемых ими страховых взносов (страховых премий).

Н.А. Голубев утверждает, что страхование – это особый вид экономических отношений, призванный обеспечить страховую защиту людей (или организаций) и их интересов от различного рода опасностей [3, с. 5622-5625].

Е.А. Бермас и Р.Р. Яруллин отмечают, что одной из наиболее актуальных проблем гармоничного развития страховой отрасли в России возникает падение общественной значимости страхования. Подобная тенденция выражается в устойчивом недоверии страховщикам, падении спроса на добровольные виды страхования, явной конфронтации широких слоев населения в отношении продающих подразделений страховых компаний. Очевидно, что причины такого явления зародились в результате монополизации государственной системы страхования и последствий экономического кризиса 1998 г. К сожалению, в дальнейшем, несмотря на рыночные методы управления экономикой, создание условий для развития частной собственности, в том числе страхового бизнеса, и как следствие, новых конкурентных возможностей, антагонизм в отношениях между страховщиками и страхователями только усиливался [2, с. 165-169].

По мнению А.А. Мамедова, страхование как неотъемлемая функция государства, являясь необходимым условием его развития и стабильности, позволяет не только минимизировать экономические потери, но в ряде случаев сохранить саму государственность, экономический суверенитет государства [4, с. 45.].

Страхование в Российской Федерации регулируется следующими основными нормативными правовыми актами:

1. Гражданским кодексом Российской Федерации.
2. Законом РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (далее – Закон о страховании).
3. Федеральным законом от 29 ноября 2007 г. № 286-ФЗ «О взаимном страховании».
4. Федеральным законом от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств».
5. Федеральным законом от 28.03.1998 № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы».
6. Федеральным законом от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации».
7. Федеральным законом от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции».
8. Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».
9. Другими нормативными документами.

Важно понимать, что помимо указанных НПА регулирование страхования производится по обоюдному согласию сторон правилами страхования соответствующего вида, принятых страховщиком.

Согласно ст. 928 ГК РФ, запрещено страхование противоправных интересов; расходов, к которым лицо может быть принуждено в целях освобождения заложников, убытков от участия в играх, лотереях и пари.

Необходимо учитывать то, что ГК РФ не делегирует федеральным органам по надзору за страховой деятельностью прав по изданию локальных документов, регламентирующих страхование.

Что же касается Постановлений Правительства РФ, то они являются источником регулирования страховой деятельности, насколько они зафиксированы федеральными законами Российской Федерации. Постановления Правительства Российской Федерации создаются во исполнение требований законов и обеспечивают функционирование в целом системы страхования в Российской Федерации, с целью взаимодействия различных государственных и коммерческих структур, связанных со страхованием.

НПА министерств и ведомств Российской Федерации определяют отдельные организационно-технические вопросы страховой деятельности в части, касающейся компетенции данного министерства или ведомства.

Центробанк Российской Федерации, к примеру, утвердил несколько документов касательно оценки устойчивости банков в целях страхования вкладов.

Страхование – это предпринимательская деятельность, относящаяся к важнейшей сфере экономики. При этом с развитием гражданско-правового оборота в Российской Федерации появляются и институты, которые основывают свою профессиональную деятельность именно в нем. Гражданско-правовые отношения между предпринимателями и потребителями этого рынка создается уже исключительно на договорной основе. Важно отметить, что особую роль в страховой деятельности как вида предпринимательской деятельности играет предпринимательский риск, обязывающий страховщика компенсировать ущерб, обусловленный ранее.

Объектом страхования считается соответствующие законодательству Российской Федерации имущественные интересы страхователя, связанные с его материальными, нематериальными ценностями, то есть предметами страхования, связанные с жизнью, здоровьем, трудоспособностью граждан (в личном страховании); с владением, пользованием, распоряжением имуществом – в имущественном страховании; с возмещением страхователем причиненного им вреда личности или имуществу физического или юридического лица (страхование ответственности).

Объектами страхования жизни предусматриваются имущественные интересы, связанные с дожитием граждан до определенных возраста или срока либо наступлением иных событий в жизни граждан, в том числе с их смертью.

Объектами страхования от несчастных случаев и болезней могут быть имущественные интересы, связанные с причинением вреда здоровью граждан, в том числе с их смертью в результате несчастного случая или болезни.

Объектами медицинского страхования могут быть имущественные интересы, связанные с оплатой организации и оказания медицинской и лекарственной помощи (медицинских услуг) и иных услуг вследствие расстройства здоровья физического лица или состояния физического лица, требующих организации и оказания таких услуг, в том числе проведения профилактических мероприятий, снижающих степень вредных для жизни или здоровья физического лица угроз и (или) устраняющих их.

Объектами страхования имущества могут быть имущественные интересы, связанные с риском утраты (гибели), недостачи или повреждения имущества.

Объектами страхования финансовых рисков в имущественном страховании могут быть имущественные интересы страхователя (застрахованного лица), связанные с риском неполучения доходов, возникновения непредвиденных расходов физических лиц, юридических лиц.

Объектами страхования предпринимательских рисков могут быть имущественные интересы, связанные с риском возникновения убытков от предпринимательской деятельности из-за нарушения своих обязательств контрагентами предпринимателя или изменения условий этой деятельности по независящим от предпринимателя обстоятельствам, включая риск неполучения ожидаемых доходов.

Объектами страхования гражданской ответственности могут быть имущественные интересы, связанные с риском наступления ответственности за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу граждан, имуществу юридических лиц, муниципальных образований, субъектов Российской Федерации или Российской Федерации; с риском наступления за нарушение договора.

Российское законодательство устанавливает три основных отрасли страхования:

- 1) личное;
- 2) имущественное;
- 3) страхование ответственности.

Что касается первой отрасли страхования, то она производится путем заключения публичного договора страхования, по которому одна сторона (страховщик) обязуется за плату, уплачиваемую другой стороной (страхователем) одновременно или периодически, выплатить обусловленную сумму в случае причинения вреда жизни и здоровью самого страхователя или другого застрахованного им лица при наступлении страхового случая.

По мнению М.Н. Скрыпниковой, в отличие от объектов имущественного страхования объекты личного страхования не имеют стоимости. Поэтому при личном страховании не происходит возмещение материального ущерба, а выплачивается денежная компенсация в соответствии с договором страхования, что направлено на выравнивание потерь в семейных доходах вследствие негативных последствий страховых событий [6, с. 63-67].

Т.Е. Афоничева и А.А. Полякова отмечают, что в условиях рыночной экономики особое значение в области страховой деятельности приобрело имущественное страхование, которое с первых лет своего существования стало одной из важнейших проблем государственной системы страхования в России [1, с. 1-4].

Страхование возможно по договору страхования в пользу страхователя (выгодоприобретателя), имеющего основанный на законе или ином акте интерес этого имущества.

Договор страхования без указания выгодоприобретателя может выдаваться «за счет кого следует».

При заключении такого договора страхователю выдается полис на предъявителя. В случае осуществления каких-либо действий (прав) выгодоприобретателем по такому договору важно представить его страховщику.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день страхование представляется перспективным сектором рынка, реагирующим на все происходящие в этой сфере изменения.

В юридической литературе длительное время ведется дискуссия, касающаяся вопроса правовой квалификации договора страхования риска гражданской ответственности как договора в пользу третьего лица. В ходе дискуссии сформировались две основные точки зрения. Согласно одной из них, разделяемой многими юристами, договор страхования риска гражданской ответственности необходимо признать договором в пользу третьего лица, конструкция которого предусмотрена ст. 430 ГК РФ. Противники же данной точки зрения считают, что по формальным признакам договор страхования риска гражданской ответственности под данную категорию не подпадает.

Причиной возникновения разногласий, по мнению В.В. Рассохина, является положение п. 3 ст. 931 ГК РФ, в соответствии с которым договор страхования риска ответственности за причинение вреда считается заключенным в пользу третьих лиц, которым может быть причинен вред (выгодоприобретателей), даже когда договор заключен в пользу страхователя или иного лица, ответственных за причинение вреда, либо в договоре не сказано, в чью пользу он заключен [5, с. 118-130].

При страховании риска по обязательствам, вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, возможно страхование риска ответственности страхователя или лица, на кого эта ответственность должна быть возложена.

Лицо, риск ответственности которого застрахован за причинение вреда, должно быть названо в договоре страхования. Когда лицо не названо, застрахованным будет являться риск самого страхователя.

Договор страхования риска ответственности за причинение вреда считается заключенным в пользу лиц, которым возможно причинение вреда (выгодоприобретателей), даже в том случае, когда договор заключен в пользу страхователя или иного лица, ответственных за причинение вреда, либо в договоре не сказано, в чью пользу он заключен.

Страхование риска ответственности за нарушение договора допускается в случаях, предусмотренных законодательством.

По договору риска ответственности за нарушение договора страхуется исключительно риск ответственности страхователя. Договор, не соответствующий этим требованиям, ничтожен.

Договор страхования предпринимательского риска в пользу лица, не являющегося страхователем, считается заключенным в пользу страхователя.

Список литературы:

1. Афоничева, Т.Е. Современное состояние и перспективы развития имущественного страхования / Т.Е. Афоничева, А.А. Полякова // Молодой ученый. – 2016. – № 12.5. – С. 1-4.

2. Бермас Е.А. Страхование в России: тенденции, проблемы и перспективы развития / Е.А. Бермас, Р.Р. Яруллин // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2013. – № 8 (157). – С. 165-169.

3. Голубев, Н.А. О страховании в России / Н.А. Голубев // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2-25. – С. 5622-5625.

4. Мамедов, А.А. Страхование и финансовое право / А.А. Мамедов // Современная теория финансового права: Сборник материалов международной научно-практической конференции. – М., 2011. – С. 43-48.

5. Рассохин, В.В. К вопросу о правовой природе договора страхования риска гражданской ответственности / В.В. Рассохин // Журнал российского права. – № 8 (152). – 2009. – С. 118-130.

6. Скрыпникова, М.Н. Личное страхование / М.Н. Скрыпникова // Российское предпринимательство. – 2001. – № 8 (20). – С. 63-67.

ДОЛМАТОВ Александр Васильевич,
*доктор педагогических наук, профессор
Санкт-Петербургская юридическая академия,
профессор, заведующий кафедрой социально-
гуманитарных дисциплин; adolmatov@inbox.ru*

ДОЛМАТОВА Людмила Алексеевна,
*Санкт-Петербургская юридическая академия,
старший преподаватель кафедры социально-
гуманитарных дисциплин; ladolm24@inbox.ru*

ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕЗАВИСИМОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются особенности нормативного регулирования независимой оценки качества образования, проблемы законодательства и нормативно-правовой базы в данной сфере, направления их разрешения.

Ключевые слова: оценка качества, образование, нормативное регулирование, проблемы, особенности, условия осуществления, образовательная деятельность, подготовка обучающихся.

Качество образования является одним из приоритетов государственной политики в этой сфере. Инструментом общественного контроля за деятельностью общеобразовательных организаций является независимая оценка качества образования. Порядок проведения данного вида оценки нормативно был определён в статье 95 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1].

С вступлением в действие с 6 марта 2018 г. Федерального закона от 05.12.2017 № 392-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования проведения независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы» [2] порядок организации и проведения независимой оценки качества образования (НОКО) претерпел ряд существенных изменений.

В соответствии с внесенными изменениями «независимая оценка качества образования включает в себя независимую оценку качества подготовки обучающихся; независимую оценку качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, осуществляющими образовательную деятельность». (п. 2 в ред. Федерального закона от 05.12.2017 № 392-ФЗ).

Данная формулировка конкретизирует норму закона в части второй составляющей, теперь это оценка качества «условий осуществления образовательной деятельности». Термин «условия» соот-

ветствует Федеральным государственным образовательным стандартам (ФГОС) и отражает совокупность материальных, финансовых, кадровых, информационных ресурсов, определённых лицензионными и аккредитационными требованиями. Таким образом, проверка данных условий представителями общественности является средством обеспечения возможности их улучшения и приведения в соответствие с нормами и стандартами. Особенно важным является сохранение принципа рекомендательности результатов НОКО, отражённого в части 6 и 7 статьи 95.

«6. Результаты независимой оценки качества образования не влекут за собой приостановление или аннулирование лицензии на осуществление образовательной деятельности, приостановление государственной аккредитации или лишение государственной аккредитации в отношении организаций, осуществляющих образовательную деятельность.

7. На основе результатов независимой оценки качества образования могут формироваться рейтинги организаций, осуществляющих образовательную деятельность, и (или) реализуемых ими образовательных программ» [1].

Первая составляющая независимой оценки качества образования – оценка качества подготовки обучающихся – конкретизирована в статье 95.1. (введена Федеральным законом от 21.07.2014 № 256-ФЗ) [4].

«1. Независимая оценка качества подготовки обучающихся проводится по инициативе участников отношений в сфере образования в целях подготовки информации об уровне освоения обучающимися образовательной программы или ее частей, предоставления участникам отношений в сфере образования информации о качестве подготовки обучающихся.

2. Организации, осуществляющие независимую оценку качества подготовки обучающихся, устанавливают виды образования, группы обучающихся и (или) образовательных программ или их частей, в отношении которых проводится независимая оценка качества подготовки обучающихся, а также условия, формы и методы проведения независимой оценки качества подготовки обучающихся.

3. Независимая оценка качества подготовки обучающихся осуществляется также в рамках международных сопоставительных исследований в сфере образования в соответствии с критериями и требованиями российских, иностранных и международных организаций» [1].

Статья 95.2 гласит: Независимая оценка качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, осуществляющими образовательную деятельность (введённая Федеральным законом от 21.07.2014 №256-ФЗ) претерпела изменения в соответствии с вступлением в действие Федерального закона от 05.12.2017 № 392-ФЗ [1; 2; 3; 4]. Ее первая часть представлена в следующей редакции.

«1. Независимая оценка качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, осуществляющими образо-

вательную деятельность (далее — организации), проводится в целях предоставления участникам отношений в сфере образования информации об уровне организации работы по реализации образовательных программ на основе общедоступной информации» [1; 2].

Следует подчеркнуть, что одной из целей изменений в законе являлась реализация принципа минимальной дополнительной нагрузки на образовательные организации за счёт использования операторами НОКО общедоступной информации, представленной на сайтах учреждений, отзывов родителей и социальных партнёров.

Федеральным законом от 05.12.2017 № 392-ФЗ конкретизирован порядок формирования общественных советов по проведению НОКО. Теперь эти функции возложены на общественные палаты (советы) 3 уровней: 1) Федерального; 2) субъектов РФ; 3) муниципальных образований. Эти общественные организации по обращению органов исполнительной власти субъектов РФ в месячный срок формируют «из числа представителей общественных организаций, созданных в целях защиты прав и законных интересов обучающихся и (или) родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся, общественных объединений инвалидов общественные советы по проведению независимой оценки качества условий осуществления образовательной деятельности государственными ОО субъектов РФ, а также муниципальными ОО, за исключением МОО, в отношении которых независимая оценка проводится общественными советами, созданными при органах местного самоуправления, и иными организациями, расположенными на территориях субъектов РФ и осуществляющими образовательную деятельность за счёт бюджетных ассигнований бюджетов субъектов РФ, и утверждают их состав» [1; 2; 3; 4].

Состав советов утверждается сроком на три года. При формировании общественного совета на новый срок осуществляется изменение не менее трети его состава. «В его состав не могут входить представители органов государственной власти и органов местного самоуправления, представители общественных объединений, осуществляющих деятельность в сфере образования, руководители (их заместители) и работники организаций, осуществляющих деятельность в указанной сфере. При этом общественный совет может привлекать к своей работе представителей общественных объединений, осуществляющих деятельность в сфере образования, общественной палаты для обсуждения и формирования результатов такой оценки. Число членов общественного совета по независимой оценке качества не может быть менее чем пять человек. Члены совета осуществляют свою деятельность на общественных началах. Информация о деятельности совета подлежит размещению в сети Интернет на официальном сайте соответственно федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, осуществляющего государственное управление в сфере образования,

органа местного самоуправления муниципального района или городского округа» [1; 2].

Реализация данной нормы встречает определённые трудности. В состав совета не могут входить члены общественных палат, однако именно эти организации такой совет формируют и считают естественным включение в него своих представителей.

Система критериев НОКО практически не изменилась, за исключением пункта, касающегося удовлетворённости условиями образовательной деятельности. Критерии в редакции Федерального закона от 05.12.2017 № 392-ФЗ:

- открытость и доступность информации об организациях, осуществляющих образовательную деятельность;
- комфортность условий, в которых осуществляется образовательная деятельность;
- доброжелательность, вежливость работников;
- удовлетворённость условиями ведения образовательной деятельности организаций, а также доступность услуг для инвалидов.

«Показатели, характеризующие общие критерии оценки качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, устанавливаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, с предварительным обсуждением на общественном совете по независимой оценке качества» (часть 5 ст. 95.2 в ред. Федерального закона от 05.12.2017 № 392-ФЗ) [1; 2]. Законодатели в этой формулировке смешивают понятия «критерий» и «показатель». В данном конкретном случае под критериями следует понимать обобщённые интегративные показатели, в состав которых входят частные. Критерии служат мерилom оценки показателей, поэтому в контексте приведённой нормы необходимы конкретные критериальные значения. Они, как правило, детализируются в соответствующих нормативно-методических документах. Там же детализируются шкалы оценивания частных показателей и методики их агрегирования [5; 6].

Независимая оценка качества условий осуществления образовательной деятельности проводится общественными советами по независимой оценке качества не чаще чем один раз в год и не реже чем один раз в три года в отношении одной и той же организации. Федеральным законом от 05.12.2017 № 392-ФЗ скорректированы функции общественных советов, которые осуществляют следующие функции:

«1) определяют перечни организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в отношении которых проводится независимая оценка, предусмотренная настоящей статьёй;

2) принимают участие в рассмотрении проектов документации о закупках работ, услуг, а также проектов государственного, муниципального контрактов, заключаемых федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере

образования, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими государственное управление в сфере образования, органами местного самоуправления с организацией, которая осуществляет сбор и обобщение информации о качестве условий осуществления образовательной деятельности организациями (далее – оператор);

3) проводят независимую оценку качества условий осуществления образовательной деятельности организациями с учётом информации, представленной оператором;

4) представляют соответственно в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в сфере образования, органы местного самоуправления результаты независимой оценки качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, а также предложения об улучшении их деятельности» (в ред. Федерального закона от 05.12.2017 № 392-ФЗ) [1; 2].

Новая редакция закона конкретизирует порядок определения оператора НОКО и заключения с ним государственного контракта.

«Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в сфере образования, органы местного самоуправления по результатам заключения государственных, муниципальных контрактов оформляют решение об определении оператора, ответственного за сбор и обобщение информации о качестве условий осуществления образовательной деятельности организациями, а также при необходимости предоставляют оператору общедоступную информацию о деятельности данных организаций, формируемую в соответствии с государственной и ведомственной статистической отчётностью (в случае, если она не размещена на официальном сайте организации)» (в ред. Федерального закона от 05.12.2017 № 392-ФЗ) [1; 2].

В качестве операторов до настоящего времени выбирались региональные институты системы дополнительного профессионального образования. В изменениях к закону определено, что «операторами не могут являться государственные и муниципальные организации, оказывающие гражданам услуги в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания, и федеральные учреждения медико-социальной экспертизы, а также негосударственные организации, оказывающие гражданам услуги в указанных сферах за счёт средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации». Таким образом, подчёркивается значимость принципа независимости таких организаций. Данное требование следует трактовать примени-

тельно к образовательным организациям, осуществляющим деятельность на одном уровне образования. По мнению экспертного сообщества, целесообразно эти функции оставлять в региональных системах дополнительного профессионального образования.

Информация о результатах независимой оценки качества образования размещается органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими государственное управление в сфере образования, и органами местного самоуправления на своих официальных сайтах и официальном сайте для размещения информации о государственных и муниципальных учреждениях в сети Интернет. Следует отметить введенное требование об обеспечении технической возможности выражения мнений гражданами о качестве условий осуществления образовательной деятельности организациями на их официальных сайтах в сети Интернет.

Результаты независимой оценки качества образования рассматриваются на заседаниях общественных советов ежеквартально. Образовательными организациями составляются планы устранения недостатков, общественность информируется об их выполнении через сайты этих организаций [5; 6].

Принципиально новыми являются введенные законом положения об ответственности руководителей образовательных организаций. «Руководители государственных и муниципальных организаций, осуществляющих образовательную деятельность, несут ответственность за непринятие мер по устранению недостатков, выявленных в ходе независимой оценки качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, в соответствии с трудовым законодательством.

В трудовых договорах с руководителями указанных организаций в показатели эффективности работы руководителей включаются результаты независимой оценки качества условий осуществления образовательной деятельности организациями и выполнения плана по устранению недостатков, выявленных в ходе такой оценки» (часть 14 статьи 95.2 введена Федеральным законом от 05.12.2017 № 392-ФЗ) [1; 2].

Особенно значимыми являются изменения, предусматривающие также ответственность руководителей различных уровней исполнительной власти.

«Результаты независимой оценки качества условий осуществления образовательной деятельности организациями учитываются при оценке эффективности деятельности руководителя федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и руководителей органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, руководителей органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов

гов» (часть 15 ст. 95.2 введена Федеральным законом от 05.12.2017 № 392-ФЗ) [1; 2].

Таким образом, изменения в системе и механизмах нормативного регулирования независимой оценки качества образования направлены на повышение ее значимости, вовлечение в эту деятельность общественных палат (советов) различных уровней управления, обеспечения информированности общественности о результатах НОКО, реализации предложений и устранении недостатков. Существенно повышена ответственность за результаты не только образовательных организаций, но и руководителей исполнительной власти различных уровней. Опыт проведения НОКО показал ее действенность и эффективность, в то же время практика выявила определённые проблемы в нормативном регулировании этой деятельности, которые должны устраняться внесением соответствующих уточнений и дополнений в локальные акты органов управления образованием и образовательных организаций.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 29.12.2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»; (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.03.2018) // URL <http://consultant.ru>

2. Федеральный закон от 05.12.2017 года № 392-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования проведения независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы» // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.10.2018).

3. Федеральный закон от 4.04.2005 года № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2005. – № 15. – Ст. 1277. СЗ РФ. – 2013. – № 30. – Ст. 4068.

4. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 256-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования» // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.10.2018).

5. Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 14.09.2016 № 02-860 «Методические рекомендации по расчёту показателей независимой оценки качества образовательной деятельности организаций, осуществляющих образовательную деятельность» // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.10.2018).

6. Долматов, А.В. Проблемы проектирования и внедрения адаптивных систем управления качеством образования / А.В. Долматов, Е.А. Долматов // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2016. – № 4 (33). – С. 112-117.

ДУЛИЧ Леонид Михайлович,
кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургская юридическая академия,
почетный работник высшего
профессионального образования Российской
Федерации, заведующий кафедрой
государственно-правовых дисциплин;
dln_spb@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИЯ

В статье рассматриваются права и свободы человека и гражданина в Федеративной Республике Германия, показываются особенности их конституционно-правового регулирования.

Ключевые слова: *права, свободы, человек, гражданин, «основные» права, конституционные права, «немцы», ограничение прав и свобод, личные права, политические права, социально-экономические права, социально-культурные права, конституционные гарантии, обязанности.*

Регулирование прав и свобод человека и гражданина в Основном законе ФРГ имеет ряд особенностей. Учитывая особое значение основных прав, создатели Основного закона выделили их в самом начале текста, в первом разделе конституции, который называется «Основные права». Основной закон исходит из естественной принадлежности человеку его прав, которые не создаются конституцией, а признаются ею. Основные права являются непосредственно действующими. Центральное место в системе основных прав занимают защита человеческого достоинства и право каждого на свободу (ст. 1 и 2). Уважение и защита человеческого достоинства составляют обязанность всей государственной власти [1, с. 8].

Наряду с правами, обеспечивающими свободы, основной закон закрепляет право, обеспечивающее равенство. Кроме общей формулировки принципа равенства, данной в ч. 1 ст. 3, имеются также конкретные положения, обеспечивающие равенство прав: равноправие мужчин и женщин (ч. 2 ст. 3), недопустимость ущемления или предпочтения кого-либо на основании его пола, происхождения, расы, языка, родины и родства, вероисповедания, религиозных и политических воззрений, инвалидности (ч. 3 ст. 3).

Согласно ст. 6 Основного закона, равноправие гарантируется внебрачным детям, которым законодательство должно обеспечивать такие же условия для их физического и духовного развития и положения в обществе, как и детям, рождённым в браке.

В Основном законе закрепляется также равенство статуса граждан (ст. 33) [2, с. 537].

К особенностям конституционного регулирования прав и свобод также относится разграничение в Основном законе понятий «основные права» (зафиксированы в первом разделе конституции) и «конституционные права, не входящие в число основных» (они находятся в других ее разделах). Только основные и специально упомянутые в конституции (ст. 93) права защищаются Федеральным конституционным судом. Отсюда – позитивистский подход к регулированию прав и свобод: непосредственно действующими объявляются лишь права, зафиксированные в Основном законе (ст. 1).

Для обозначения граждан ФРГ используется термин «немцы». При этом Основной закон поясняет, что это не этническое, а государственно-правовое понятие, охватывающее всех граждан ФРГ. Согласно ст. 116 Основного закона, немцем является каждый, кто обладает германским гражданством или был принят на территории Германской Империи в границах на 31 декабря 1937 г. в качестве беженца или перемещенного лица, принадлежащего к немецкому народу, либо в качестве его супруга или потомка. Бывшие германские граждане, лишённые гражданства в период между 30 января 1933 г. и 8 мая 1945 г. по политическим, расовым или религиозным основаниям, и их потомки подлежат по их ходатайству восстановлению в гражданстве. Они не считаются утратившими гражданство, если после 8 мая 1945 г. обрели местожительство в Германии и не выразили противоположной воли.

Еще одна особенность конституционного регулирования прав и свобод в ФРГ – регламентация ограничений прав и свобод и возможность индивидуального их лишения Федеральным конституционным судом (ст. 18).

Среди особенностей так же можно выделить включение в Основной закон предписаний, направленных на защиту от антидемократического развития. К ним, в частности, относятся закреплённая в ч. 3. ст. 79 недопустимость изменения важнейших принципов конституции, а так же закреплённые ограничения в осуществлении прав и свобод. Тот, кто злоупотребляет свободой мнений, в особенности свободой печати, свободой преподавания, свободой собраний, объединений, тайной переписки и т.д., собственностью или правом убежища для борьбы против основ свободного демократического строя, утрачивает эти основные права. Утрата прав и ее пределы определяются решением федерального конституционного суда [2, с. 537-538].

Характеризуя особенности регулирования правового статуса личности, необходимо отметить, что в Основном законе закреплён широкий перечень прав и свобод.

В числе личных прав и свобод Основной закон закрепляет право на жизнь и личную неприкосновенность (ст. 2), свободу передвижения (ч. 1 ст. 11), право на неприкосновенность жилища (ст. 13), гарантии тайны переписки, почтовой, телефонной, телеграфной и иной электронной связи (ст. 10), свободу вероисповедания и свободу совести (ст. 4) и др.

В ряду важнейших политических прав и свобод, установленных в Основном законе, можно отметить свободу выражения и распространения своего мнения, свободу печати, беспрепятственный доступ к информации посредством радио и кино, отсутствие цензуры (ч. 1 ст. 5), право и свободу мирных собраний без предварительного заявления и разрешения (ст. 8), право создавать союзы и общества (ст. 9), право каждого письменно обращаться в государственные органы с просьбами и жалобами (ст. 17) и др.

Граждане ФРГ имеют право избирать и быть избранными. Выборы в соответствии со ст. 28 и 38 Основного закона признаются всеобщими, прямыми, свободными, равными и тайными. Активным избирательным правом пользуются все немцы, достигшие 18 лет, владеющие не менее трёх месяцев жильём, находящимся на территории, на которую распространяется действие закона, не лишённые избирательного права. Более высокие требования установлены в законе применительно к пассивному избирательному праву.

Основной закон так же закрепляет возможность проведения других форм непосредственной демократии – референдума, народной инициативы и народного опроса в связи с изменением территориального деления Федерации.

Референдум проводится в двух или нескольких землях, на территории которых должна быть образована новая земля или земля с новыми границами (затрагиваемые земли). На голосование выносятся вопрос, должны ли затрагиваемые земли оставаться такими, какими были, или следует образовать новую землю либо землю с новыми границами (ч. 3 ст. 29). Общегосударственные референдумы в ФРГ не предусмотрены.

Если во взаимосвязанном, отграниченном населённом и хозяйственном пространстве, части которого расположены в нескольких землях и которое имеет не менее миллиона жителей, одна десятая его жителей, имеющих право избирать в Бундестаг, посредством народной инициативы потребует ввести для этого пространства принадлежность к одной земле, то федеральный закон в течение двух лет должен определить, будет ли изменение ее принадлежности к земле, или в затрагиваемых землях будет проведен народный опрос (ч. 4 ст. 29).

Народный опрос направлен на то, чтобы установить, встречает ли поддержку изменение принадлежности к землям, которое должно быть предложено в законе. Закон может вынести на народный опрос разные предложения, но не более двух (ч. 5 ст. 29).

Решение, принятое в ходе референдума, народной инициативы или народного опроса, считается действительным, если оно принято большинством поданных голосов избирателей соответствующих земель, при этом оно должно составлять не менее четверти избирателей Бундестага (ч. 6 ст. 29).

Основной закон закрепляет определённый круг социально-экономических и социально-культурных прав и свобод: право собственности и право наследования (ст. 14), хотя конституцией допус-

кается возможность отчуждения и обобществления собственности на возмездной основе (ч. 3 ст. 14 и ст. 15); право выбора профессии, места работы и места получения образования (ч. 1 ст. 12); запрет принудительных работ (принудительный труд допускается только при лишении свободы по приговору суда); право создавать объединения для охраны и улучшения условий труда; свободу искусства, науки, исследования и преподавания (ч. 3 ст. 5).

Конституционными гарантиями основных прав являются следующие: право лиц, чьи права были нарушены, обращаться в суд; невозможность ограничения прав человека иначе, чем на основании закона; обязанность государства, его органов нести ответственность за действия своих служащих в случае нарушения ими своих служебных обязанностей в отношении третьих лиц [3, с. 207].

Раздел I Основного закона содержит и некоторые обязанности: обязанность родителей заботиться о своих детях и воспитывать их (ст. 6), воинская обязанность (ст. 12-а), обязанность собственника использовать собственность на общее благо (ст. 14) и др.

Список литературы:

1. Конституционно право: учебное пособие в 4-х частях. Ч. 3. Особенная часть. Раздел II. Основы конституционного права отдельных зарубежных стран / Э.В. Суслин, Л.М. Дулич, П.В. Иванов [и др.]; под общей ред. д.ю.н., проф. Э.В. Суслина. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 160 с.
2. Конституционное право зарубежных стран: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 976 с.
3. Комкова, Г.Н. Конституционное право зарубежных стран: учебник для академического бакалавриата. 6 изд., испр. и доп. / Г.Н. Комкова, Е.В. Колесников, О.В. Афанасьева. – М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2018. – 380 с.

ЖАРКОЙ Михаил Эмильевич,
кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России,
доцент кафедры теории и истории государства
и права; jarckoy@yandex.ru

ВОПРОСЫ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН СССР ОРГАНАМИ КВАЗИСУДЕБНОЙ ЮСТИЦИИ В СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.

В статье рассматриваются проблемы ограничения прав и свобод граждан СССР, возникшие после реформы правоохранительных органов 1934 г. в связи с учреждением органов внесудебной юстиции новой формации. Автор обращает внимание на легитимность репрессий в условиях грозящей военной опасности.

Ключевые слова: конституционная законность, права человека и гражданина, свободы человека и гражданина, репрессии, суд, формы классовой борьбы.

Конституция СССР 1936 г. (Конституция РСФСР 1937 г.), закрепляя построение основ социализма, характеризует природу советского государства как «социалистического государства рабочих и крестьян», в котором «вся власть принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся», что означало переход от диктатуры пролетариата к иной форме государственности. Однако известная неопределенность указанных дефиниций допускала временное сохранение пережитков диктатуры пролетариата в лице ее отдельных институтов.

Следует иметь в виду, что декларированные в Конституции СССР 1936 г. права и свободы опирались исключительно на государственные гарантии. Главная же конституционная обязанность советских граждан, вытекающая из смысла главы X, состояла в укреплении государства рабочих и крестьян и в обеспечении интересов трудящихся. Иными словами говоря, права и свободы граждан имели целевое назначение. Те лица, которые занимали иные идеологические позиции, могли рассматриваться как «враги социализма» и подвергались репрессиям. В результате ограничения прав меньшинства, не выполняющих свои конституционные обязанности перед государством, обеспечивались права большинства населения. При подобной модели свобода слова не могла трансформироваться во вседозволенность, доминировали правовые запреты. Эту мысль проводит Л. Фейхтвангер, в 1937 г. посетивший Советский Союз. Он справедливо пишет: «В основном диктатура Советов ограничивается запрещением распространять словесно, письменно и действием два взгляда: во – первых, что построение социализма в Союзе невозможно без мировой революции (троцкизм – М.Ж.) и, во – вторых, что Советский Союз

должен проиграть грядущую войну (пораженческие настроения – М.Ж.)» [1, с. 207].

Исследуя линию законодателя на ужесточение репрессий, считаем необходимым разобрать несколько правовых актов, имеющих основополагающее значение для всей системы карательной политики Советского государства в 1930 гг.

Как известно, Постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. был создан общесоюзный НКВД [2], а постановлением ЦИК СССР от 5 ноября 1934 г. утверждено положение «Об Особом Совещании при НКВД СССР» [3 с. 370]. Напомним, что ранее особое совещание было образовано на основании Постановления о правах ОГПУ в части административной высылки и заключения в концентрационный лагерь еще 28 марта 1924 г. [3, с. 371].

Следует отметить, что реформа 1934 г. имела свои причины и, согласно замыслу, была направлена на достижение вполне разумных целей. Так, во-первых, назрела необходимость ликвидировать судебную функцию ОГПУ, т.е. внесудебное рассмотрение уголовных дел в целях укрепления законности, а также «развеивания буржуазного мифа о том, что советский режим может существовать лишь на базе внесудебного подавления». Во-вторых, обстановка в стране давала возможность отказаться от методов борьбы с «массовой контрреволюцией» и перейти к следственным действиям, обоснованным фактическими данными. В-третьих, пришла пора повысить качество следственной работы. Предполагалось расценивать как преступление, причем с наказанием вплоть до расстрела, любое запугивание арестованного, подлог или фальсификацию следственных материалов [4, с. 203]. Весьма интересна позиция профессора В.М. Курицына, который не без оснований полагает, что проведенная реорганизация правоохранительных органов явилась продолжением принятой в 1932 г. линии на некоторое смягчение карательной практики [5, с. 102-103].

В состав Совещания входили высшие должностные лица, оно было законным, но вспомогательным органом карательного характера. Согласно утвержденному Положению, оно обладало правами ссылки, высылки, заключения в лагерь до 5 лет, а иностранцев, являющихся общественно опасными, высылать за пределы СССР. В апреле 1937 г. оно получило право выносить решения о лишении свободы с заключением в ИТЛ на срок до 8 лет, а в ноябре 1941 г. – вплоть до расстрела [3, с. 371]. Отличием Особого Совещания от обычной судебной системы выступало то, что не было никаких особых совещаний при наркоматах республик и УНКВД областей. При рассмотрении дел сам обвиняемый не вызывался, что аналогично порядку рассмотрения дел Верховным судом, который рассматривает дела в порядке кассации в отсутствие подсудимых.

В дальнейшем демократические принципы организации и деятельности органов суда в СССР, закрепленные в Конституции 1936 г., требовали коренного изменения судебных органов. О.И. Чистяков полагал, что и Конституция, и принятый в 1938 г. специальный закон

о судоустройстве не внесли принципиальных изменений в судебную систему, а лишь обобщили уже накопившейся опыт [6, с. 264].

Тем не менее, в названных документах по-новому определялись конституционные основы правосудия. В частности, несмотря на утверждение профессора В.М. Сырых об отсутствии в законодательстве закрепления единства правосудия [7, с. 253], ст. 102 Конституции СССР 1936 г. (ст. 107 Конституции РСФСР 1937 г.; ст. 1 Закона «О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик» [8]) устанавливала положение о том, что правосудие в стране осуществляется только судом. Причем В.М. Курицын обращает внимание на то, что предложение А.Я. Вышинского в процессе обсуждения проекта Конституции о возможности применения уголовных наказаний органами, охраняющими государственную безопасность [5, с. 126], было отвергнуто И.В. Сталиным, несмотря на продолжение в дальнейшем практики квазисудебной юстиции. При этом заметим, что основной закон, в отличие от современного, не предусматривал, но и не запрещал учреждение чрезвычайных органов репрессий.

Поэтому в известном Оперативном приказе НКВД СССР от 30 июля 1937 г. № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов» констатировалось, что материалами, имеющимися в распоряжении НКВД, установлено, что указанные антисоветские элементы выступают главными зачинщиками всякого рода контрреволюционных и диверсионных преступлений. Перед органами государственной безопасности ставилась задача разгромить эти антисоветские элементы, защитить трудящийся советский народ от их происков и таким образом покончить с попытками подорвать основы советского государства [9].

В связи с проведением массовых репрессивных операций в отношении бывших кулаков, членов антисоветских партий, белогвардейцев, жандармов и чиновников царской России, бандитов, резмигрантов, участников антисоветских организаций, церковников и сектантов, уголовников-рецидивистов приказом НКВД СССР от 30 июля 1937 г. были созданы республиканские, краевые и областные тройки для рассмотрения дел указанных категорий лиц, которые по мерам наказания разбивались на две категории: к «первой» относились «наиболее враждебные из перечисленных выше элементов», подлежащие расстрелу; ко «второй» – остальные, подлежащие заключению в лагерь или тюрьму на срок от 8 до 10 лет. Совершенно анекдотичным выглядит трактовка этих органов внесудебной юстиции Дж. Хоскингом, который считает, что «судьбу большинства арестованных определял тайный военный трибунал...» [10, с. 180].

Помимо общих «троек» при управлениях милиции НКВД союзных и автономных республик и управлениях милиции краев и областей учреждены были и так называемые «милицейские тройки» в составе начальника соответствующего управления сначала ОГПУ, а потом и НКВД, начальника управления милиции и начальника отдела, представлявшего дело в «тройку». Милицейские «тройки», в от-

личие от общих «троек», рассматривали дела в присутствии обвиняемого с обязательным участием прокурора. К их «подсудности» относились дела лиц, имеющих судимости за уголовные преступления и не порвавших с преступной средой; лиц, хотя и не имеющих судимостей, но не занятых общественно-полезным трудом и связанных с преступной средой, в том числе притоносодержателей и скупщиков краденого; хулиганов-рецидивистов, ранее не менее двух раз судимых за хулиганство; нищих-профессионалов; злостных нарушителей паспортного режима [5, с. 258].

Применение репрессии «милиейскими тройками» носило в большей степени превентивный характер, т.е. не столько привлекало к ответственности конкретного преступника, сколько подвергало разрушению саму криминальную среду, не позволяя ей консолидироваться и спланироваться. Сразу же оговоримся, что это и подобные ему указания полностью соответствовало действующему уголовному законодательству, и деятельность правоохранительных органов по их реализации строго проводилась в рамках ст. 7 УК РСФСР, согласно которой в отношении лиц, совершивших общественно-опасные действия или представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности, применялись меры социальной защиты.

В целях быстрого рассмотрения дел на лиц, арестованных как бывших белогвардейцев, служащие КВЖД, польские шпионы и некоторые другие категории приказом НКВД СССР от 17 сентября 1938 г. при каждом территориальном управлении НКВД были образованы Особые тройки [11, с. 172].

До сих пор в научной литературе происходит путаница в природе и организации деятельности органов советской внесудебной юстиции. Дело в том, что с появлением так называемых «Особых троек» деятельность общих, «судебных», милиейских троек не прекращалась, хотя и изменялся их персональный состав. Различия были исключительно в их юрисдикции, подсудности рассмотрения дел и категорий обвиняемых, правах по вынесению репрессивных решений. Таким образом, все элементы системы внесудебной юстиции действовали параллельно.

Приказы НКВД СССР от 11 августа и 20 сентября 1937 г. учредили «двойки», в состав которых входили наркомы внутренних дел республик и начальники УНКВД совместно с соответствующим прокурором республики, края, области [12]. Кроме того, существовал порядок рассмотрения дел без вызова обвиняемого и свидетелей в суд так называемой «высшей двойкой» в составе Председателя Верховного суда СССР и Прокурора СССР. Правда, постановления этого органа при наличии оснований могли отменяться и пересматриваться пленумом Верховного суда СССР [13, с. 82].

Таким образом, мы видим, что правовое положение всех этих органов регулировалось ведомственными циркулярами, приказами, инструкциями. Данные ведомственные акты не публиковались в пе-

чати. Сказанное свидетельствует, что реализация конституционных положений объективно входила в противоречие с практикой правоприменения, обусловленной теми революционными задачами, которые ставила государственная власть в ходе осуществления конституционной реформы и в преддверии проведения впервые в истории страны свободных выборов. Подчеркнем, что формально юридических препонов для создания органов внесудебной юстиции в тот момент не существовало.

В дальнейшем развитие конституционных положений в законе о судостроительстве привело к единству правосудия, упразднению непредусмотренных конституцией спецколлегий и органов внесудебной юстиции, что способствовало укреплению принципов справедливости и равенства в советском уголовном судопроизводстве. Кроме того, когда идет речь о борьбе с преступностью, то во главу угла ставятся интересы государства и, как совершенно правильно выразился А.И. Зубков, «презюмируется, что в этой борьбе издержки в виде нарушения прав и свобод человека неизбежны» [14].

В заключение подчеркнем, что репрессии не вызывали массовых протестов в тех масштабах, как это имело место в дореволюционный период. Думается, что это объясняется следующими обстоятельствами: насилие со стороны властей применялось в основном к маргинальным элементам, мешающим достижению стратегических целей всеобщего блага – бесклассового общественного строя, и такие меры в основном были одобряемы народом. Во-вторых, власть провозглашала ожидаемые для большей части населения цели: построение государства трудящихся, уничтожение эксплуатации, устранение деления общества на классы и т.д. В-третьих, неудачи и имеющиеся просчеты логично объяснялись обострением форм классовой борьбы. Это обосновывало необходимость ограничения отдельных прав и интересов граждан, включая естественные права, что опять же было близко и понятно населению.

Список литературы:

1. Фейхтвангер, Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. Два взгляда из-за рубежа / Л. Фейхтвангер //– М.: Политиздат, 1990. – 270 с.
2. СЗ СССР. – 1934. – № 36. – Ст. 283.
3. МВД России. Энциклопедия / под ред. В.Ф. Некрасова, В.И. Полубинский. – М.: ОЛМА-Пресс, 2002. – 642 с.
4. Воронцов, С.А. Правоохранительные органы Российской Федерации. История и современность / С.А. Воронцов. – Ростов/наД.: Феникс, 2001. – 608 с.
5. Курицын В.М. История государства и права России. 1929-1940. – М.: Междунар. Отношения, 1998. – 230 с.
6. История отечественного государства и права. Ч. II / под ред. О.И. Чистякова. – М.: Бек, 1997. – 496 с.

7. Сырых, В.М. История государства и права России. Советский и современный периоды / В.М. Сырых. – М.: Юрист, 1999. – 488 с.
8. Ведомости ВС СССР. – 1938. – № 11.
9. Кубанская, Ч.К. Органы госбезопасности Кубани в документах и воспоминаниях / Ч.К. Кубанская. – Краснодар: Совет. Кубань, 1997. – С. 129-130; История государства и права России в документах и материалах. 1930-1990-е гг. – Минск: Амалфея, 2000. – С. 112.
10. Хоскинг, Дж. История Советского Союза. 1917-1991 / Дж. Хоскинг. – Смоленск.: Русич, 2001. – 496 с.
11. Иванов, В.А. Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х-40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР) / В.А. Иванов. – СПб.: ЛИСС, 1997. – 461 с.
12. Во исполнение постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17.11.38 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» приказом НКВД от 26.11.38 г. «двойки», «тройки» при НКВД были упразднены // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 10.
13. Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 10.
14. Зубков, А.И. Проблемы реформирования уголовной (карательной) политики на современном этапе / А.И. Зубков, В.И. Зубкова // Журнал российского права. – 2002. – № 5.

ЗАХАРЕНКО Ирина Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургская юридическая академия, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин; zarina-60@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЛИЦ, С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

В статье рассматриваются права людей с ограниченными возможностями и международные механизмы их защиты, созданные на основе международно-правовых актов, как универсального характера в рамках Организации Объединенных Наций и на уровне Европейского Союза.

Ключевые слова: *права людей с ограниченными возможностями, международная защита прав инвалидов, деятельность ООН в области защиты прав инвалидов.*

В современной литературе международная защита прав человека представляет собой совокупность международно-правовых принципов и норм, определяющих общие стандарты и рамки поведения государств в их деятельности по признанию, защите и контролю за соблюдением социально обусловленных прав и свобод физических лиц и их объединений на определенной территории, а также для регулирования межгосударственного сотрудничества в этой области [1, с. 43].

Число лиц с ограниченными возможностями в мире на сегодняшний день достигло 1 миллиарда (15% населения). Зачастую лица с ограниченными возможностями не могут вести полноценный образ жизни из-за существующих социальных и физических барьеров, препятствующих их полноправному участию в жизни общества. Сталкиваются они и с различными формами дискриминации. Улучшению положения инвалидов и условий их жизни уделяется внимание не только в каждой стране в отдельности, но и в международном масштабе. Особого внимания заслуживает международное сотрудничество государств в области защиты прав инвалидов [2, с. 104].

В Уставе ООН закреплено, что каждый человек имеет право на удовлетворение разносторонних социальных потребностей. А инвалидность в большей степени является не только медицинской, но и социальной проблемой. С самого начала своего существования Организация Объединенных Наций уделяла внимание положению лиц с ограниченными возможностями и улучшению условий их жизни. ООН в своих докладах периодически затрагивала вопросы улучшения жизни и социального обеспечения инвалидов, однако концепция прав человека касательно лиц с ограниченными возможностями получила международное признание лишь в 70-х гг. XX в. В 1975 г. была принята Декларация о правах инвалидов, в которой были установлены нормы обеспечения одинаковых условий и равного доступа к обслу-

живанию [3, с. 359]. В 1981 г. ООН была принята Всемирная программа действий в отношении инвалидов [4]. Цель Всемирной программы действий в отношении инвалидов заключается в содействии эффективным мерам в целях предупреждения инвалидности, восстановления трудоспособности и реализации целей «равенства» и «полного участия» инвалидов в социальной жизни и развитии. Это означает создание таких же условий жизни, что и для всего населения, и равной доли в улучшении условий жизни в результате социального и экономического развития. Эти концепции должны применяться одинаковым образом и иметь равную первоочередность во всех странах, независимо от их уровня развития. Правительства государств должны проявлять инициативу в более широком ознакомлении населения своих стран с теми выгодами, которые могут получить отдельные лица и общество в результате вовлечения инвалидов во все сферы социальной, экономической и политической жизни. Правительства также должны обеспечить, чтобы лица, становящиеся зависимыми в результате серьезной инвалидности, имели возможность достигнуть одинакового со своими согражданами уровня жизни. Неправительственные организации могут оказывать государствам различную помощь путем выявления нужд, предоставления услуг, дополняющих услуги, оказываемые в рамках культурных традиций этих государств. Главным итогом специальной программы ООН по защите прав инвалидов (1983-1992 гг.) стали Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов. В 1992 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о провозглашении 3 декабря Международным днем инвалидов [5]. 13 декабря 2006 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию о правах инвалидов и Факультативный протокол, которые были открыты для подписания 30 марта 2007 г. Конвенция вступила в силу 3 мая 2008 г. Конвенция разрабатывалась как документ по правам человека, в котором содержится аспект социального развития. Конвенция конкретно признает инвалидность как вопрос прав человека. Притом что Конвенция не создает новых прав, она четко запрещает дискриминацию в отношении людей с инвалидностью во всех сферах жизни, в том числе в отношении гражданских прав, доступа к правосудию и права на образование, услуг здравоохранения и доступа к транспорту. Она дает общее представление о категориях инвалидов и указывает сферы, в которые требуется внести изменения, чтобы лица с ограниченными возможностями успешно могли реализовывать свои права. Отсутствие дискриминации, уважение достоинства и личной независимости, полное вовлечение инвалидов в общество, уважение их особенностей, равенство возможностей являются основными принципами данной Конвенции. Конвенция содержит требование о том, чтобы государства обеспечивали надзор за осуществлением положений Конвенции и создавали координационные центры с участием государственных и негосударственных представителей [6, с.45-67]. Европейский Союз ратифицировал Конвенцию ООН о правах инвалидов, став первой региональной интеграции

онной организацией, которая подписала какой-либо договор в области прав человека. Все учреждения и сотрудники ЕС призваны укреплять ценности этой Конвенции по всем направлениям политики, находящимся в их компетенции, обеспечивая координацию действий в отношении инвалидности: от транспорта до занятости и от информационно-коммуникационных технологий до развития сотрудничества. Они должны также обеспечивать доступность их зданий и их политику занятости и коммуникаций.

Европейский союз проводит активную политику по обеспечению прав инвалидов. На уровне Европейского Союза Европейский форум по вопросам инвалидности (ЕФИ) – европейская зонтичная организация, представляющая интересы 80 миллионов людей с инвалидностью – вместе с другими продвигала вопросы признания прав людей с инвалидностью. Первым шагом в этом направлении стал Амстердамский договор 1997 г., который содержал запрет всех форм дискриминации в отношении инвалидов. В 1999 г. Совет ЕС принял резолюцию, в которой призвал страны ЕС усилить политику в сфере занятости лиц с ограниченными возможностями и их интеграции в частный и государственный сектор. В статьях 21 и 26 Хартии основных прав ЕС (2000 г.) вновь подтверждены запрет на все формы дискриминации и призыв к уважению прав инвалидов. В 2000 г. Европейская Комиссия подготовила доклад «К Европе без барьеров для людей с ограниченными возможностями», в котором содержались рекомендации устранить любые барьеры, мешающие инвалидам полноценно интегрироваться в общество посредством законодательства [7]. Совет Европы (СЕ) также проводит политику защиты прав инвалидов. В основе работы СЕ по ликвидации дискриминации лежат «Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод» (1950 г.), «Европейская социальная хартия» (1961 г.), в которой содержатся конкретные положения о правах людей с инвалидностью на независимость, социальную интеграцию и участие в жизни сообщества. В соответствии со статьей 15 Европейской социальной хартии стороны обязуются принимать необходимые меры для обеспечения лицами с физическими и умственными недостатками необходимой ориентации, образования и профессиональной подготовки в рамках, когда это возможно, соответствующих общих систем, а когда это невозможно – через специализированные государственные и частные учреждения.

Исходя из вышесказанного, следует отметить, что основной тенденцией дальнейшего развития международной защиты прав инвалидов является разработка на базе общедемократических представлений о месте и роли человека в современном мире, единой межцивилизационной концепции сущности и содержания прав и свобод, и, как следствие этого, расширение права международного сообщества, рассматривать различные аспекты соблюдения прав инвалидов в отдельных странах.

Список литературы:

1. Международная и внутригосударственная защита прав человека: Учебник / под ред. Р. – М. Валеева, Изд-во «Статут», 2011. – 413 с.
2. Ларицкая, М.Л. Права лиц с ограниченными возможностями и механизмы их защиты на международном и российском уровне / М.Л. Ларицкая // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 373. – С. 104-107.
3. Декларация о правах умственно отсталых лиц, 1971 г. // Права человека: сб. междунар. договоров. Том I (часть первая (В)): Универсальные договоры. – URL: <http://www.ohchr.org/english/about/publications/docs/compilRU1b.pdf>
4. Всемирная программа действий в отношении инвалидов // ООН. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prog1.shtml
5. Международный день инвалидов // Всемирная организация здравоохранения. – URL: http://www.who.int/mediacentre/events/annual/day_disabilities/ru/index.html
6. Конвенция о правах инвалидов (принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 13.12.2006 № 61/106, ратифицирована Федеральным законом от 03.05.2012 № 46) // Бюллетень международных договоров. – 2013. – № 7. – С. 45-67.
7. Доступ людей с ограниченными возможностями к социальным правам в Европе // Совет Европы. – URL: http://www.coe.int/t/e/social_cohesion/soc-sp/ID%209427%20Acces%20aux%20droits%20sociaux%20en%20russe.pdf
8. Справочник по практике Совета Безопасности ООН. <http://www.un.org/ru/sc/repertoire/aktions.shtml>

ЗУЕВ Андрей Вячеславович,
кандидат исторических наук, Санкт-Петербургская юридическая академия, доцент
кафедры гражданского права;
univerandrey@mail.ru

КОРДОВОВСКАЯ Ксения Евгеньевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия,
магистрант; kordobovskaya@mail.ru

СИСТЕМА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматривается система гражданско-правовых средств защиты прав собственности, анализируются проблемные аспекты ее регулирования.

Ключевые слова: *система, защита, гражданско-правовые средства, право собственности.*

Отношения собственности в гражданском государстве являются основополагающими, так как востребованы в любую эпоху времени. Поэтому защищать собственность и право ее обладанием, а также право на орудия труда, согласно курсу теории государства и права, стало основой для создания государства и правовой системы в целом.

Изучая гражданско-правовую систему, можно сказать, что под определением гражданско-правовой защиты права собственности и других вещных прав можно понимать совокупность предусмотренных гражданским законодательством средств, которые собственник или иной титульный владелец может применить против нарушений этих прав и направить в их защиту [1, с. 45-50]. Все основные положения о защите субъективных гражданских прав применимы к защите права собственности.

Можно выделить формы защиты гражданских прав и интересов:

- судебная защита, осуществляемая подведомственностью дел, которые установлены процессуальным законодательством и судами;
- административная защита, которая в подавляющем большинстве случаев не является обязательным к исполнению и может быть обжалована в вышестоящем органе;
- самозащита, осуществляемая в рамках действий фактического или юридического лица, которая должна быть соразмерима с нарушением, не должна выходить за пределы действий по его устранению.

Гражданское законодательство предполагает защиту прав и интересов при помощи способов и средств. Способы защиты гражданских прав представляют собой закрепленные законом меры принудительного характера, посредством которых осуществляется восстановление нарушенных или оспариваемых прав. Открытый перечень дан-

ных средств приведен в статье 12 ГК РФ [2] и главе 20 ГК РФ. Средства защиты права собственности и иных вещных прав неоднородны по своей юридической природе, поэтому подразделяются на несколько самостоятельных групп.

Вещно-правовые средства защиты характеризуются непосредственно защитой права собственности как абсолютного субъективного права, не связанного ни с какими другими обстоятельствами. Их цель – восстановить владение, пользование, распоряжение собственника либо создать условия для осуществления правомочий. Для того чтобы воспользоваться данными средствами защиты, необходимо использовать следующие виды исков: иск об истребовании имущества из чужого незаконного владения (виндикационный иск); иск собственника об устранении нарушений, не связанных с лишением владения (негаторный иск); иск о признании права собственности (титальный иск).

В случае если права между собственником и правонарушителем связаны обязательственными отношениями, используются обязательно-правовые средства защиты. Целью является защита субъективных прав собственника. Для осуществления этих средств защиты используются иски: иск о возмещении причиненного собственнику вреда; иск о возмещении имущества в натуре в случае утраты, повреждения его (предоставлении вещи того же рода и качества, исправлении поврежденной вещи); иск о возврате неосновательно полученного или сбереженного имущества; иск о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением договора; иск о возврате вещей, предоставленных в пользование по договору и т.п. К примеру, если собственник сдал в аренду принадлежащее ему на праве собственности имущество, а арендатор уклоняется от возврата данного имущества по истечению срока действия договора, то права собственника будут защищаться нормами о договорном праве, а не нормами о праве собственности, таким образом, обязательно-правовые средства начнут действовать только в конечном счете.

Различные институты гражданского права составляют третью группу гражданско-правовых средств защиты прав [3, с. 10-17] – иные гражданско-правовые средства защиты прав, к которым относятся правила о защите имущественных прав собственника, признанного в установленном порядке безвестно отсутствующим или объявленного умершим, в случае его явки (ст. 43, 46 ГК РФ); защита интересов сторон в случае признания сделки недействительной (ст. 167-180 ГК РФ); иски об ответственности залогодержателя за порчу и утрату имущества (ст. 344 ГК РФ) и др. [4].

Гражданско-правовые средства, направленные на защиту интересов собственника при прекращении права собственности по основаниям, предусмотрены в законе. Согласно ст. 306 ГК РФ, споры, возникающие по случаю возмещения лицом, обязанным возместить убытки собственнику, разрешаются в судебном порядке, а вышеуказанным лицом является государство. Таким образом, обязательная

выплата стоимости имущества предусматривается законом даже в случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотии и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер (реквизиция), также при изъятии у собственника путем выкупа государством или продажи с публичных торгов бесхозно содержимых культурных ценностей (ст. 240 ГК РФ), при изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд (ст. 279-283 ГК РФ) и в некоторых других случаях [5].

Подводя итог, можно сказать о том, что вышеуказанная система средств защиты права собственности, с разделением на определенные неоднородные группы имеет значимое распространение в юридической литературе. В отечественной литературе в своих трудах данной систематизации придерживаются проф. А.П. Сергеев [6] и М.В. Перова [7]. Однако мнения авторов расходятся, и систему гражданско-правовых средств защиты информации разделяют на три категории: вещно-правовые, обязательно-правовые и иные средства защиты права собственности. Данной классификации придерживаются Е.М. Михайленко [8], Г.А. Воронцов [9, с. 71-72].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что изложенные способы защиты права собственности и других вещных прав различаются по характеру посягательства на права собственника и содержания предоставляемой защиты, в связи с чем возникает проблема выбора способа защиты нарушенного права и соответственно нормы права. Исходя из убеждений истца, способ защиты права собственности или иного вещного права может быть выбран любой, наиболее оптимальный, который реализуется посредством указания в исковом заявлении, обращенном к суду, предмета требований, а именно конкретный способ защиты права.

Подобная проблема выбора способа защиты «ложиться на плечи» квалифицированного специалиста, способного оценить потенциал любого из возможных способов защиты прав учесть процессуальную возможность фактической реализации выбранного способа защиты как с точки зрения особенностей судебного доказывания, так и вероятности фактического исполнения возможного судебного акта.

Список литературы:

1. Колесникова, М.М. Гражданско-правовые способы защиты личных неимущественных прав / М.М. Колесникова, А.В. Таркинская // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2017. – № 3 (36). – С. 45-50.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 29.09.2019).
3. Богданова, О. Понятие защиты, субъекты права на защиту и формы защиты интеллектуальных авторских прав / О. Богданова // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2012. – № 6. – С. 10-17.

4. Ковалев, А.А. Международная защита прав человека: Учебное пособие / А.А. Ковалев. – Москва: Статус, 2013. – 353 с.
5. Судебная практика по гражданским делам (1993-1996 гг.). – М.: Юридическое бюро «Городец», 1997. – 336 с.
6. Сергеев, А.П. и коллектив авторов. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. / А.П. Сергеев. – Москва: Проспект, 2018. – 802 с.
7. Перова, М.В. Система способов защиты права собственности в современном гражданском праве: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.03 / М.В. Перова. – Краснодар, 2007. – 177 с.
8. Михайленко, Е.М. Гражданское право. Общая часть: учеб. пособие для прикладного бакалавриата. 4-е изд., перераб. и доп. / Е.М. Михайленко. — М.: Издательство Юрайт, 2014. – 215 с.
9. Воронцов, Г.А. Гражданское право. Изд. 10-е / Г.А. Воронцов. – Ростов н/Д: Феникс, 2017.

ИВАНОВ Константин Дмитриевич,
кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургская юридическая академия, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин; ikd54@yandex.ru

МУХАМБЕТОВА Виктория Андреевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; vika.mukhambetova@mail.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье анализируется и дается характеристика преступности несовершеннолетних в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Авторы акцентируют внимание на активности и динамичности преступности несовершеннолетних и связью с взрослой преступностью.

Ключевые слова: *преступность несовершеннолетних, подросток, перевоспитание, групповое преступление, возраст.*

Удельный вес подростковой преступности в структуре преступности в целом сравнительно невелик, однако недооценивать эту опасность неверно, так как помимо существенного материального и физического вреда она причиняет целый ряд деструктивных социальных последствий, имеющих выраженный криминогенный характер.

Во-первых, подростковая преступность является мощным источником самодетерминации преступности как таковой. Криминальная зараженность сегодняшних несовершеннолетних продуцирует преступность лиц молодого возраста, транслирует негативный криминальный опыт в будущее, который по законам социального обучения вновь «возвращается» завтрашним подросткам в качестве «социального наследия» предыдущих поколений. Не стоит забывать и о том, что несовершеннолетние преступники являются социальной базой организованной и рецидивной преступности.

Во-вторых, преступность несовершеннолетних способствует распространению криминального образа мыслей и способа поведения в «здоровой» подростковой среде, ведет к ее криминальному заражению.

В-третьих, подростковая преступность причиняет вред личностному развитию самого несовершеннолетнего преступника, способствуя тем самым продолжению криминальной деятельности несовершеннолетнего [5].

Поэтому преступность несовершеннолетних следует рассматривать в качестве одной из наиболее серьезных и значимых социально-правовых проблем современного российского общества.

Данная преступность по сравнению с взрослой отличается высокой степенью активности, динамичностью. Люди, вставшие на путь совершения преступлений в юном возрасте, трудно поддаются исправлению и перевоспитанию и, как правило, представляют собой резерв для взрослой преступности. Между преступностью несовершеннолетних и преступностью взрослых существует тесная связь. Неслучайно в литературе упоминается, что преступность несовершеннолетних есть будущая преступность [4].

Состояние преступности несовершеннолетних в Российской Федерации вызывает обоснованную тревогу в обществе. Особую озабоченность вызывает рост российских подражателей «Колумбайна» (массовое убийство в школе «Колумбайн» США 20 апреля 1999 года унесло жизни 12 учеников и 1 учителя). Это расстрел 17 октября 2018 г. студентом Керченского политехнического колледжа своих однокурсников. Погиб 21 человек, ещё 67 были ранены. 15 января 2018 г. в пермской школе два вооруженных подростка ворвались в класс и стали резать ножами детей. 12 учеников и учитель попали в больницу. Подготовка взрывов в школах в Свердловской области и г. Кирове.

Региональные различия преступности несовершеннолетних дают возможность учитывать территориальную специфику, что позволяет проводить профилактику преступности более целенаправленно, улучшать методы борьбы с ней, выявлять причины преступности, тенденции ее изменений [1].

Прогнозы специалистов свидетельствуют о том, что в недалёкой перспективе прогнозируется рост преступности несовершеннолетних.

Статистика по несовершеннолетним, совершившим преступления, общественно опасные деяния и правонарушения на территории Санкт-Петербурга свидетельствует о том, что, уровень подростковой преступности в 2018 году возрос на 3,3% по сравнению с показателями прошлого года и составил 594 проявления. В структуре подростковой преступности снижением отмечены групповые преступления (меньше на 1,5%; с 195 до 192), в том числе в составе смешанных групп (меньше на 27,4%; с 85 до 53) [7].

Показатели криминальной активности несовершеннолетних в 2012-2018 годах

Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Количество общественно-опасных деяний, совершенных несовершеннолетними (преступлений, совершенных детьми в возрасте до 14 лет)	370	317	355	301	249	113	77
Количество участников общественно-опасных деяний	434	363	404	349	302	125	91
Количество преступлений, совершенных детьми (до 18 лет)	681	847	768	805	703	575	594
Количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных детьми	231	254	240	243	224	222	160

*Статьи Уголовного кодекса Российской Федерации
и количество преступлений по ним*

Статьи УК РФ	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год
105 (убийство)							
106 (убийство матерью новорожденного ребенка)	5	3	6	6	1	5	2
107 (убийство, совершенное в состоянии аффекта)							
111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью)	7	8	10	18	5	4	10
112 (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью)	15	18	9	20	16	12	15
115 (Умышленное причинение легкого вреда здоровью)	12	18	11	19	4	7	12
116 (побои)	15	12	17	18	3	1	2
158 (кража)	291	379	384	378	340	223	305
159 (мошенничество)	16	20	12	16	6	13	3
161 (грабеж)	76	84	76	73	88	77	61
162 (разбой)	35	53	54	32	35	38	33
163 (вымогательство)	4	7	3	10	3	3	-
166 (неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения)	28	34	35	39	9	15	28
167 (умышленные уничтожение или повреждение имущества)	1	3	4	7	3	5	2
213 (хулиганство)	5	1	8	1	3	-	-
228 (незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества)	96	116	74	71	76	78	46
228.1 (незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества)	50	62	51	74	64	66	45

Как видно из представленной таблицы, на протяжении более чем пяти лет в общей структуре уголовно-наказуемых деяний преобладают преступления против собственности 432 деяния. В 2018 году их число также возросло по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (432; + 58).

В том числе 51% от общего числа преступлений составляют кражи. Доля грабежей составляет 10%, разбоев – 5,5% [2, с. 3-5].

При общем снижении количества преступлений, совершенных подростками, на 41% возросло количество деяний против жизни и здоровья и составило 6,9% от общего числа. Из них более чем в два раза увеличилось умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

Доля преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков составляет 15% от общего числа (25% – в 2017 году; 20% – в 2016 году).

По сравнению с аналогичным периодом прошлого года отмечается снижение подростковой преступности по тяжким и особо тяжким преступлениям при увеличении на 44% преступлений средней тяжести.

Уголовные наказания в отношении лиц, осужденных без изоляции от общества, в том числе в отношении несовершеннолетних, исполняет Уголовно-исполнительная инспекция УФСИН России. На территории Санкт-Петербурга расположено 16 филиалов учреждения.

В 2018 году по учетам филиалов ФКУ УИИ УФСИН России г. Санкт-Петербурга всего прошло 210 несовершеннолетних:

- 15 подростков, в отношении которых избиралась мера пресечения в виде домашнего ареста;
- 168 подростков, осужденных условно с испытательным сроком (179 – в 2017 году; 214 – в 2016 году);
- 18 подростков, осужденных к обязательным работам (21 – в 2017 году; 14 – в 2016 году);
- 7 подростков, осужденных к исправительным работам (2 – в 2017 году; 1 – в 2016 году);
- 2 подростка, осужденных к ограничению свободы (4 – в 2017 году; 1 – в 2016 году) [6].

При этом 66,2% от общего числа несовершеннолетних осуждено за совершение преступлений имущественного характера, 8,8% – за преступления против жизни и здоровья человека (ст. 111, 112 УК РФ), 23,5% – за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств.

В 2018 году уровень повторной преступности среди несовершеннолетних повысился и составляет 5,2%.

Возрастная структура несовершеннолетних, преступивших закон, представляет собой следующую градацию:

- подростки в возрасте 17 лет составляют 73,8% от общего числа;
- подростки в возрасте 16 лет составляют 24,6% от общего числа;
- подростки в возрасте до 16 лет составляют 1,6% от общего числа.

Стоит отметить, что доля девушек, совершивших преступления, составляет 10,7%.

В течение 2018 года 61 несовершеннолетний достиг восемнадцатилетнего возраста и был переведен на взрослый учет.

Уголовно-исполнительные инспекции призваны не только следить за исполнением приговоров и поведением осужденных, но и обладают правом ходатайствовать об освобождении от отбывания наказания, снятии судимости, о замене оставшейся не отбытой части наказания более мягким или более строгим видом наказания.

В 2018 году в целях принятия мер профилактического воздействия в отношении подростков, состоящих на учете, со стороны УИИ в суды направлены представления:

- 22 представления на продление подросткам испытательного срока (в трех случаях судом отказано в удовлетворении);
- 10 представлений на отмену условного осуждения, замену наказания на более строгий вид наказания (в одном случае судом отказано в удовлетворении);
- 27 представлений на возложение дополнительных обязанностей и ограничений (в двух случаях судом отказано в удовлетворении).

В отношении только троих ребят уголовно-исполнительные инспекции посчитали возможным направить представления на отмену условного осуждения и снятие судимости.

Таким образом, криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних в Санкт-Петербурге и Ленинградской области говорит о том, что необходима серьёзная профилактическая работа с неблагополучными семьями в первую очередь в школах, по месту жительства [3].

Борьба с преступностью несовершеннолетних – одно из ведущих направлений в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. [8].

Список литературы:

1. Антипова, А.В. Региональные особенности преступности несовершеннолетних / А.В. Антипова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 2. – 563 с.
2. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития : аналитический обзор / Ю.М. Антонян, Л.А. Бражников, М.В. Гончарова и др. – М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. – 86 с.
3. Геворкян, Э.Н. Некоторые особенности преступности несовершеннолетних в Санкт-Петербурге / Э.Н. Геворкян // Молодой ученый. – 2018. – № 48. – 438 с.
4. Демидова-Петрова, Е.В. О преступности несовершеннолетних и ее особенностях / Е.В. Демидова-Петрова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2013. – № 4. – 460 с.
5. Курганов, С.И. Криминология: учебное пособие / С.И. Курганов. – М.: Юнити-Дана, 2015. – 184 с.
6. Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики // URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 10.09.2019).
7. ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области // URL: <https://78.mvd.ru>
8. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537 // Российская газета. – 2009. – 19 мая.

ИВАНОВ Павел Васильевич,
кандидат юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургская юридическая акаде-
мия, профессор кафедры государственно-
правовых дисциплин, заслуженный юрист
Российской Федерации, почетный работник
высшего профессионального образования
Российской Федерации; ipv1948@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА 2019-2025 гг.

В статье рассматриваются вопросы совершенствования миграционной политики России, проблемы, связанные с незаконной миграцией и обеспечение выполнения принятой в 2018 году Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы.

Ключевые слова: *миграция, соотечественники, миграционное законодательство, концепция, миграционная политика, национальная безопасность.*

В России миграционные процессы происходили постоянно. С этой проблемой сталкиваются многие современные государства. Миграция (от лат. migration – переселение) – перемещение населения в пределах одной страны или из одной страны в другую [1, с. 95]. Вопросы совершенствования миграционной политики и миграционного законодательства в нашей стране находятся в постоянном развитии. Влияние на миграционную политику оказывают многие факторы: меняется экономическая и политическая ситуация, возникают новые приоритеты в отношениях с другими странами, экологические и техногенные катастрофы. Но главным остается то, что любые изменения в миграционной политике должны быть законодательно обоснованы и направлены на улучшение жизни в первую очередь граждан России.

Президент Российской Федерации неоднократно обращался к вопросам совершенствования миграционной политики. В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации на 2018 год он отметил: «Вызывает озабоченность и то, что в мире, причём даже в самых благополучных, казалось бы, странах и устойчивых регионах, возникает всё больше новых разломов и конфликтов на политической, национальной, религиозной, социальной почве. Всё это накладывается на острейший миграционный кризис, с которым столкнулись, например, европейские и другие страны. Мы хорошо знаем, какие последствия несут так называемые великие потрясения» [2].

Учитывая это, Президент поставил задачу совершенствования миграционной политики, где приоритетом остается оптимизация и

организация миграционных процессов внутри страны и привлечение из-за рубежа наших соотечественников.

Миграционная политика, проводимая последние годы в нашем государстве, опирается на ряд объективных факторов, которые ее формируют. Эти факторы могут носить как положительный, так и отрицательный характер. Причины проведения либеральной государственной миграционной политики состоят следующем:

- миграционные процессы в России имеют такую же природу, что в Европе и других развитых странах;

- невысокий уровень рождаемости в России остро ставит вопрос о дефиците рабочих, а одним из источников их пополнения является население иных стран;

- иммигранты не занимают чужие рабочие места, так как часто делают ту работу, от которой отказываются местные жители;

- выходцы из стран СНГ являются для коренного населения России «соотечественниками», т.к. родились с ними в одном государстве (СССР), владеют русским языком, имеют сходный менталитет, бытовые привычки и т.д.

Однако расширение внешней миграции, как показывает практика, имеет и отрицательные тенденции:

1. Наблюдается значительное преобладание нелегальной иммиграции над легальной. Неуклонный рост нелегальной иммиграции свидетельствует о потере государством контроля над положением в миграционной сфере, что является прямой угрозой национальной безопасности России.

2. Идет формирование крупного сегмента теневой экономики, контролируемого мигрантами, что наносит значительный ущерб экономическим интересам России и её граждан.

3. Рост миграции, особенно нелегальной, из зарубежных стран, является важнейшим фактором постоянного ухудшения криминогенной обстановки во многих регионах России, что создаёт угрозу жизни, здоровью и имуществу граждан, правам человека и гражданина, авторитету государства. Некоторые этнические диаспоры, черпая ресурсы в контролируемых ими теневых секторах экономики, претендуют на положение центров силы, альтернативных официальным государственным структурам, даже сражаются с ними, усугубляя их коррумпированность.

4. Неуправляемые миграционные процессы в ряде регионов России формируют атмосферу социальной напряжённости, часто приобретающей этническую окраску и перерастающей в острые конфликты. Это говорит о серьезных недостатках, которые выражаются в несогласованности миграционной политики с социально-экономической политикой государства.

В связи с этим следует подходить к миграционной политике на основе принципа обеспечения сбалансированности общественных отношений, необходимо рассматривать миграционную политику с позиции теории экономических циклов. Обеспечивать приоритет пра-

вовых мер в комплексе механизмов реализации миграционной политики [3, с. 84-85]

Вместе с тем в результате проведенных исследований Российская Федерация вошла в мировую тройку лидеров в миграционном отношении. Страна принимает огромное количество иностранцев, уступая только США и Германии. В России за период с января по август 2018 года на миграционный учет было поставлено 11960763 иностранца. В 2018 году было оформлено около 340,7 тысячи приглашений иностранным гражданам и лицам без гражданства. Разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства в 2018-м было выдано 80,5 тысячи. При этом высококвалифицированным специалистам было выдано более 17 тысяч виз, а квалифицированным – почти 12 тысяч. За восемь месяцев 2018 года российское гражданство приобрели почти 173 тысячи человека.

Причину этого феномена эксперты видят в том, что государство проводит грамотную миграционную политику, привлекая иностранную рабочую силу для обеспечения своих национальных и экономических интересов [4]

Однако эти официальные цифры далеко не раскрывают действительных масштабов иммиграции в Россию, осуществляющихся большей частью нелегально. Различные эксперты приходят к выводу о наличии до 14 миллионов иностранных граждан, нелегально живущих и работающих в России, сверх легальных мигрантов.

Для решения этих вопросов и в связи с необходимостью актуализации целей, задач и основных направлений деятельности Российской Федерации в сфере миграции Указом Президента Российской Федерации утверждена Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы, а Правительству Российской Федерации предписано обеспечить реализацию Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации [5].

Концепция разработана с учетом основополагающих документов, затрагивающих вопросы реализации миграционной политики, прежде всего Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года, Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года, Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года, Прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года.

Целью миграционной политики является создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода.

Концепция предполагает совершенствование миграционного законодательства Российской Федерации и прежде всего установление простых, понятных для граждан и исполнимых правил, отвечающих цели, принципам и задачам миграционной политики, свободных от административных барьеров и обусловленных ими издержек. В Концепции также изложены основные принципы и задачи миграционной политики.

Осуществление более полной законодательной регламентации прав мигрантов на федеральном уровне на практике позволит обеспечить единые подходы к реализации миграционной политики на всей территории страны, установит общие принципы и стандарты законодательного регулирования в данной области, гарантирует организацию должной защиты переселенцев от дискриминации по мотивам происхождения, социального и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений и другим обстоятельствам, определит соответствующие государственные полномочия в этой сфере. Органам государственной власти субъектов Федерации и органам местного самоуправления могут передаваться исполнительные полномочия в случаях, предусмотренных федеральными законами, с одновременным предоставлением необходимых материальных и финансовых средств на их осуществление.

Решение многих проблем в области миграции зависит и от согласованных действий государств – участников СНГ. В последние годы на этом уровне принят ряд документов, направленных на упорядочение государственного миграционного обмена и организации контроля за этими процессами, синхронизации визовой политики в отношении граждан, выезжающих из третьих стран, а также создания межгосударственного координирующего органа в целях объединения усилий в борьбе с незаконной миграцией, но они, к сожалению, не всегда выполняются.

Проблема регулирования миграции в настоящее время остро встала не только в нашей стране, она приобретает международное и общенациональное значение, требует формирования регулирующих механизмов на международном уровне. Мы должны использовать международный опыт решения этих проблем, учитывать его и не допускать ошибок.

В ряде развитых стран миграционная политика становится предметом широкой общественной дискуссии. Основные параметры миграционной политики постоянно подвергаются коррекции в соответствии с текущими нуждами страны и общественным мнением. В частности, правые и даже крайне правые политические партии, настаивающие на ужесточении миграционной политики вплоть до полного запрета на въезд и принудительной депортации всех иммигрантов, свободно выражают свои взгляды, участвуют в выборах, создают фракции в парламентах своих стран, а в некоторых странах даже претендуют на ведущую роль в формировании правительства. В то же время, в ряде стран действующее руководство предпринимает весьма радикальные шаги в отношении не только иммигрантов, но и собственных граждан, поощряющих незаконную миграцию [6, с. 3].

Только комплексное решение указанных проблем позволит создать действительно эффективную миграционную политику, которая должна стать составной частью внутренней и внешней политики нашего государства, одним из приоритетных направлений деятельности органов государственной власти с целью превращения миграции в позитивный фактор экономического и социального развития государства и общества. Управление миграционными процессами на уровне государства должно регулироваться наряду с конституционным также административным, административно-процессуальным [7], трудовым, семейным, жилищным законодательством России с участием субъектов Российской Федерации в этом законоотворчестве.

Список литературы:

1. Конституционное право: учебное пособие в 4-х частях. Ч. 4. Словарь основных терминов, понятий и определений / сост.: О.С. Зыбина, Э.В. Суслин, О.В. Виноградов, Л.М. Дулич, П.В. Иванов, К.Д. Иванов; под общей ред. д.ю.н., проф. Э.В. Суслина. – СПб: НОУ СЮА, 2015.
2. Послание президента РФ Федеральному собранию. Полный текст Опубликовано 01.11.2016 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>
3. Суслин, Э.В. Правовые основы миграционной политики в условиях кризиса / Э.В. Суслин, Э.К. Васильева // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2016. – № 2 (31). – С. 84-87.
4. Сколько мигрантов прибыло в Россию в 1918 году // URL: <https://tj.sputniknews.ru/migration/20181022/1027193073/russia-172-tsyach-migranty-sng-grazhdane.html>
5. Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы» // Государственная система правовой информации. Официальный интернет-портал правовой информации. 2005-2019 гг. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201810310046>

6. Новая миграционная политика как условие выживания и инструмент реализации исторических интересов России // Агентство Политических Новостей. – 1999-2008.

7. Жеребко, А.Н. Административная ответственность в миграционном праве Российской Федерации: материалы и процессуальные аспекты: научно-практическое пособие / А.Н. Жеребко, Е.Ф. Малышев. – «Юстицинформ». 2019. – 252 с.

Иванова Ангелина Игоревна,
Санкт-Петербургская юридическая академия,
магистрант; zvezda394@mail.ru

ИНСТИТУТ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ И АДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье отражены содержание и сущность воспитательно-го потенциала пенитенциарных учреждений Российской Федерации, выделены основные проблемы социальной адаптации лиц, освобождающихся из мест лишения свободы.

Ключевые слова: пенитенциарная система, адаптация, ресоциализация, осужденные, исправительные учреждения, Федеральная служба исполнения наказаний.

Борьба с преступностью, а также реализация превентивных мер обуславливают необходимость повышения эффективности функционирования уголовно-исполнительной системы, так как большинство осуждённых, отбывших наказание, снова совершают общественно опасные уголовные деяния.

Согласно п. 1. ст. 1. Уголовно-исполнительного кодекса РФ, целью уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации является исправление осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений [1].

Целью ресоциализации и адаптации осуждённых является формирование в их мышлении и поведении уважительного отношения к человеку и обществу, а также нормам, правилам и традициям человеческого общежития, что повысит образовательный и культурный уровень граждан, освободившихся из мест лишения свободы [4, с. 275].

Содержание процесса ресоциализации и адаптации включает в себя не только пенитенциарный, но и постпенитенциарный период воспитательной работы с личностью. Однако, на наш взгляд, процесс ресоциализации осужденных в местах лишения свободы не сводится только к воспитательной работе, имеет четкую правовую регламентацию, а также сопряжен с негативными последствиями изоляции для психического и физического здоровья человека, что определяет его специфику.

Полагаем, что ресоциализация осужденных к лишению свободы включает в себя процесс усвоения позитивных норм, убеждений, установок, принятых в обществе, и приобретения социально-полезных навыков в период отбывания наказания, необходимых для адаптации к жизни на свободе после освобождения. Таким образом, ресоциализация представляет собой ряд мер нравственно-социального характера, направленных на исправление личности с антиобщественной манерой поведения.

Важной составляющей в процессе ресоциализации является психотерапевтическая коррекция. Необходимым условием ресоциа-

лизации является исправление осужденного, что особенно трудно, так как ресоциализация осужденных к лишению свободы осложнена большинством негативных факторов, ключевым из которых является невозможность изменения отрицательной социальной среды, а также комплексом факторов, присущих наказанию в виде лишения свободы, в частности принудительной изоляцией от общества, включением индивидов в однополюсные группы, жесткой регламентацией поведения во время отбывания наказания.

Также крайне неблагоприятным фактором является стремление группы заключённых из числа уголовников-рецидивистов, а также так называемых «авторитетов» и «воров в законе» навязывать свои порядки и правила остальным гражданам.

Такие группы осуждённых (в основном к длительным срокам лишения свободы) крайне негативно воздействуют на общую массу лиц, отбывающих наказание, воздействуют на них, прививают чуждые, антисоциальные взгляды, подстрекают к противодействию персоналу исправительного учреждения, пытаются привлечь на свою сторону для совершения преступлений в учреждениях уголовно-исправительной системы.

Для минимизации таких рисков необходимо изолировать группы так называемых «авторитетов» от остальной массы заключённых с целью недопущения деструктивного воздействия на последних.

В целях минимизации отрицательных эффектов изоляции Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 [2] года предусматривает следующие меры:

- разработку новых форм проведения воспитательной работы и организацию образовательного процесса, а также трудовой занятости осужденных;

- совершенствование уголовной и уголовно-исполнительной политики государства;

- создание условий для существенного снижения количества осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях, особенно несовершеннолетних лиц;

- осуществление раздельного содержания осужденных с учетом тяжести преступлений и криминологической характеристики;

- изменение идеологии при применении средств исправления осужденных с усилением психолого-педагогической работы с личностью и подготовки её к жизни в социуме;

- закрепление в уголовно-исполнительном законодательстве новых форм социальной, психолого-педагогической работы с осужденными;

- помощь в последующем трудоустройстве при выходе из мест лишения свободы.

Необходимо выделить особенности процесса социальной адаптации осужденных:

- данный процесс воздействует только на граждан, которые освобождаются из мест лишения свободы;

- процесс связан с элементами принуждения, которые являются последствиями отбывания наказания, вытекающими из института судимости.

Необходимо отметить, что процесс социальной адаптации делится на две взаимосвязанные стадии:

1. Стадия нравственно-психологической, правовой и организационной подготовки осужденных к жизни в обществе.

2. Стадия приспособления освобожденных к условиям жизни на свободе, определения ими своих социальных позиций и ролей, восприятия требований и системы ценностных ориентаций нового социального окружения, руководство этим процессом со стороны государства и общества.

Для возврата к нормальной жизни осужденный должен снова пересмотреть все нормы и правила, а также суметь адаптироваться к новой жизни, при этом реализовать нормальную дальнейшую жизнь возможно только при помощи внешних факторов и собственных адаптивных способностей. Именно реализация нормальной жизни – проблема для многих осужденных в настоящее время [3, с. 74-79].

Согласно статистике, в 2018 году в учреждениях ФСИН России находились 602 тыс. 176 человек [6]. При этом штатная численность персонала УИС составляла всего 295 967 человек. Следовательно, на двух заключенных приходится 1 сотрудник ФСИН. Поэтому организация исправительно-воспитательной работы с осужденными является приоритетной целью и является важной задачей для всей пенитенциарной системы.

Обеспечение исправительных учреждений высококвалифицированными специалистами в области социальной работы способствует повышению эффективности в решении проблем, связанных с ростом рецидивной преступности, особенно в подростково-молодежной среде, а также среди женщин.

Так, в 2018 г. в исправительных учреждениях содержалось свыше 48 тыс. осужденных к лишению свободы женщин. Необходимо отметить, что лица женского пола в силу своего социального положения являются уязвимой группой, поэтому проблемы их ресоциализации в исправительных колониях имеют свою специфику. Специфика преступниц-женщин характеризуется эмоциональной нестабильностью, они подвергаются в большей степени отрицательному влиянию и способны длительное время сохранять антиобщественное поведение и взгляды [5, с. 350-351].

Специалисты групп социальной помощи и поддержки осужденных совместно с заинтересованными службами исправительного учреждения оказывают содействие в следующем:

- составляют социальную карту для каждого осужденного лица;
- оказывают индивидуальную психологическую помощь;
- консультируют осужденных по вопросам пенсионного и жилищного законодательства;

- проводят среди осужденных работу по их подготовке к освобождению;
- оказывают содействие в решении вопросов бытового устройства.

Следует отметить, что бывшим заключенным создают проблемы некоторые факторы, которые мешают полноценной ресоциализации и адаптации их в обществе:

- отсутствие работы;
- отсутствие места жительства;
- отсутствие денежных средств;
- наличие судимости;
- отсутствие психологической и социальной помощи;
- употребление спиртных и наркотических веществ.

Поэтому необходимо осуществлять контроль за данной категорией лиц, чтобы предотвратить совершение ими новых преступлений.

Таким образом, следует отметить, что эффективная работа по ресоциализации и адаптации бывших осужденных невозможна без усилий со стороны государства, в том числе в виде финансирования и принятия необходимых законодательных актов.

Существует необходимость обоснованного законодательного регулирования деятельности по реабилитации и социальной адаптации осужденных с учетом специфики контингента, находящегося в исправительных учреждениях. Решение подобных вопросов, безусловно, требует тщательной и взвешенной проработки, поскольку служит обеспечению общественной безопасности в государстве.

Необходимо использовать и применять положительную практику правоприменения с учетом зарубежного и отечественного опыта, когда предлагается решить проблему социализации и адаптации осужденных путем принятия Федерального закона «О мерах по социальной поддержке осужденных и лиц, освобожденных из мест лишения свободы».

Подобный законопроект еще в 2012 году был подготовлен авторским коллективом ФКУ НИИ ФСИН России. Основной сутью законопроекта является оказание помощи гражданам, освобожденным из мест лишения свободы в трудовом и бытовом устройстве.

Социальная реабилитация и адаптация бывших осужденных после освобождения из мест лишения свободы – сложный процесс. После отбытия наказания бывшие осужденные сталкиваются с рядом проблем. Для помощи в решении этих проблем в России распространяется социальная практика создания специализированных центров по реабилитации бывших заключенных.

Важно подчеркнуть, что ключевая роль в работе с осужденными принадлежит ФСИН, поскольку у ведомства есть закрепленные в законодательстве полномочия по воспитанию осужденных и постепенному сопровождению.

Именно поэтому необходимо проводить политику в сфере адаптации и ресоциализации бывших осужденных на базе Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // СЗ РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Борсученко, С.А. Ресоциализация и социальная адаптация осуждённых к лишению свободы: понятие, содержание, правовое регулирование / С.А. Борсученко // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – № 2. – С.74-79.
3. Зубкова, В.И. Цель исправления как путь ресоциализации осужденного / В.И. Зубкова // Ресоциализация осужденных в условиях развития гражданского общества: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Киров, 2014.
4. Ромашов, Р.А. Концепция развития УИС РФ до 2020 г. в системе современного права России / Р.А. Ромашов // Юридическая пресса. – 2012. – № 6.
5. Сарычева, Н.В. Проблемы ресоциализации и адаптации женщин, осужденных к лишению свободы / Н.В. Сарычева // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 3. – С. 350-351.
6. Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний – ФСИН // URL: <http://www.fsin.su> (дата обращения: 18.09.2019).

ИВАШКЕВИЧ Елена Францевна,
кандидат педагогических наук, доцент,
Витебский государственный университет
имени П.М. Машиерова, заведующая кафедрой
истории и теории права;
elena.ivashkevich@bk.ru

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ОМБУДСМЕНА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ, ЮГО-ВОСТОЧНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В статье рассматриваются основные вехи возникновения института омбудсмена в постсоциалистических европейских странах, анализируются особенности и проблемы их функционирования в начале становления и развития.

Ключевые слова: *омбудсмен, уполномоченный, права человека, функции уполномоченного.*

В рамках демократизации режима в странах Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы в конце 80-х годов XX века наступает новый этап развития института омбудсмена. Польша стала первой страной «соцлагеря», учредившей службу омбудсмена. Возможность создания данного института обсуждалась в научном сообществе Польши уже в 60-70 годы, появлялись сравнительно-правовые исследования по этому вопросу. В 1981 г. Комитет юридических наук Польской академии наук официально высказался в пользу создания Уполномоченного по правам граждан в Польше (инициатива даже обсуждалась на X съезде ПОРП) [1, с. 35]. В результате в июле 1987 г. был принят Закон об Уполномоченном по правам граждан, который давал Уполномоченному возможность инициировать расследования как по собственной инициативе, так и по обращениям, право возбуждать уголовное преследование (тем самым польский омбудсмен выходил на уровень шведского прототипа). После принятия 7.04.1989 Закона об изменении Конституции Польши он обрёл статус конституционного. В августе 1991 г. в Закон 1987 г. были внесены изменения, снявшие некоторые ограничения компетенции Уполномоченного и вводившие процедуру утверждения кандидатуры после выборов в Сейме Сенатом [2, с. 25-30]. Согласно Закону об уполномоченном по правам граждан Польши, он исследует в делах о защите гражданских прав и свобод, имели ли место нарушения права, принципов социальной справедливости со стороны госорганов, учреждений и организаций [3, с. 133-141]. В настоящее время его статус регулируется ст. 208-212 Конституции 1997 г. и Законом 1987 г. в современной редакции. Конституция предусмотрела еще одного уполномоченного, и 06.01.2000 г. был принят Закон об Уполномоченном по правам ребенка, закреплено положение, что эти уполномоченные взаимодействуют [4, с. 686-732].

Законом от 23.10.1989 об изменении Конституции Венгрии был учреждён пост уполномоченного Государственного собрания по правам граждан. Уполномоченный осуществляет проверку нарушений закона в процедурах, затрагивающих гражданские права, и принимает общие или отдельные меры для их исправления [5]. Первым чешским омбудсменом в декабре 2000 г. стал доктор права О. Мотейл, который функцию общественного защитника прав исполнял до своей смерти в мае 2010 г. Его преемником стал доктор П. Варваржовски. Омбудсмен действует в качестве внешнего, независимого, бесплатно, относительно оперативного, наименее формального по процедуре института. Однако в Чешской Республике омбудсмен не имеет в принципе никаких прямых средств принуждения. Для целей исправления нарушений омбудсмен обращается в госорганы, их допустившие, и требует принятия исправительных мер. Если соответствующий орган не исправит возникшее нарушение, омбудсмен обращается в вышестоящую инстанцию или передает дело правительству. Задача омбудсмена не состоит в изменении или замене решений органов государственного управления, он требует, чтобы для исправления нарушения использовались собственные контрольные, исправительные и санкционные законные полномочия. Задача омбудсмена также заключается в регулярном посещении мест, в которых люди могут подвергаться ограничению свободы (кроме мест заключения, таковыми, например, являются учреждения для иммигрантов-иностранцев: приемники, места проживания, интеграционные центры, предоставляющие убежище). Омбудсмен добивается уважения основных гражданских прав, защищает право на равное обращение и защиту от дискриминации [6; 7, с. 165-167].

После распада СССР в республиках, входивших в его состав, введение поста омбудсмена происходило в условиях гораздо более неблагоприятных, нежели в развитых демократических государствах, так как роль парламента в общественно-политической жизни страны была незначительна, роль исполнительной власти значительно гипертрофирована, в судах преобладал обвинительный уклон, существовал высокий уровень бюрократизации и коррумпированности государственного аппарата, СМИ находились под контролем государства. Введение поста омбудсмена потребовало времени, целенаправленной работы, преодоления сопротивления ряда госструктур [8, с. 154-155].

Международные стандарты предопределили создание института омбудсмена в соответствии с Конституцией или специальным законом. Из бывших советских республик, ставших членами Совета Европы, первой закон «О Контролерах Сейма» приняла Литва 11 января 1994 г. В 1996 году законы об омбудсмene принимают Грузия – Закон «О Народном Защитнике Грузии», Россия – ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», Латвия – «О Государственном бюро по правам человека» (в 1995-2006 гг. функции омбудсмена в Латвии выполняло Государственное бюро по правам человека, а в 2006 г. Латвия приняла специальный Закон «Об

омбудсмене»). В 1997 г. законы принимают Молдова – «О парламентских адвокатах», Украина – «Об Уполномоченном Верховной Рады Украины по правам человека». В Эстонии в соответствии с Законом «О Канцлере юстиции» от 25 февраля 1999 г. функции омбудсмана официально были возложены на Канцлера юстиции. В 2001 г. Конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека (омбудсмене)» был принят в Азербайджане, в 2003 году в Армении принимается Закон «О Защитнике прав человека». В настоящее время только два государства из постсоветских республик не ввели у себя институт омбудсмана: Беларусь и Туркменистан [9, с. 63-73; 10].

Грузия стала первой Закавказской страной, где появилась должность Народного Защитника. Уже в Конституции 1995 г. содержалась ст. 43 с описанием цели и задач института Народного защитника Грузии, процедуры его избрания. Кроме того, в ст. 89 о деятельности Конституционного Суда Грузии Народный защитник был указан как одна из госструктур, способных инициировать рассмотрение дела в КС. 16 мая 1996 г. Парламентом Грузии был принят и Органический (конституционный) закон о Народном защитнике [5]. Подготовка и обсуждение Закона о Народном защитнике проходили при активном участии ученых-юристов, политологов, политических партий и неправительственных организаций, а также экспертов из международных организаций. Таким образом, Конституция Грузии, в отличие от конституций многих других постсоветских стран, где Уполномоченный по правам человека упоминается лишь в числе высших должностных лиц, назначение которых находится в ведении парламента страны, содержала отдельную статью, из которой следовало, что «на территории Грузии надзор за защитой прав и свобод личности осуществляет Народный Защитник Грузии, избираемый сроком на 5 лет большинством полного состава Парламента Грузии. Народный Защитник вправе выявлять факты нарушения прав и свобод личности, сообщать об этом соответствующим органам и лицам. Создание препятствий деятельности Народного Защитника карается по закону. Полномочия Народного Защитника Грузии определяются органическим законом» [11]. Выгодно модель Грузии отличается и от принятой год спустя после Грузии Конституции Украины, в которой Уполномоченному Верховной Рады была посвящена отдельная статья, но лишь констатирующая наличие такого института, и тем более от Конституций Азербайджана, Армении, Молдовы, Узбекистана, в которых упоминание об институте омбудсмана отсутствует [12, с. 147-148].

Закон Азербайджана «Об Уполномоченном по правам человека (омбудсмене)» принят 28 декабря 2001 г. Отчасти это было обусловлено стремлением страны стать членом Совета Европы [7, с. 9]. В декабре 2002 г. в 1-ом чтении был принят Национальным собранием и Закон Республики Армения «О защитнике прав человека». После международной экспертизы 21 октября 2003 г. Закон был принят в 3-ем чтении и после подписания вступил в силу с 1 января 2004 г. [7, с. 38].

Институт Уполномоченного по правам человека отдельной статьей предусматривался в 1-ой редакции проекта новой Конституции РСФСР, подготовленного рабочей группой конституционной комиссии Съезда народных депутатов в 1990 г. Статья сохранялась во всех последующих редакциях проекта Конституции, так как идея института омбудсмена прочно вошла в юридический оборот. Первоначально в проектах омбудсмен именовался Государственным комиссаром ВС РСФСР по правам человека, в последующем – Парламентским уполномоченным по правам человека, Уполномоченным ВС РСФСР по правам человека [13, с. 21-31].

Однако острая конфронтация между Президентом и Верховным Советом РФ в 1992-1993 гг. привели к тому, что в проекте Конституции РФ, обсуждавшемся Конституционным совещанием и вынесенном с модификациями на референдум 12 декабря 1993 г., определение «парламентский» исчезло, и единственная норма, касающаяся Уполномоченного по правам человека (ст.103), относит к ведению Госдумы назначение на должность и освобождение от должности Уполномоченного по правам человека, действующего в соответствии с ФКС [14, с. 101]. До принятия Закона институт Уполномоченного действовал на основании Указа Президента РФ «О мерах по обеспечению конституционных функций Уполномоченного по правам человека», подписанного в августе 1994 г. [15]. Первым Уполномоченным по правам человека в РФ, назначенным постановлением Государственной думы в 1994 г., стал известный российский правозащитник С. А. Ковалев. Однако он не был защищен соответствующим законом, после его активной антивоенной позиции по поводу Чечни он был отстранен от должности весной 1996 г. также постановлением Госдумы. Дополнительным стимулом к правовому оформлению статуса Уполномоченного стало Заключение № 193 (1996) ПАСЕ по заявке России на вступление в Совет Европы. ФКЗ РФ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» вступил в силу лишь в начале 1997 г. [16]. На федеральном уровне пост оставался вакантным еще 3 года, пока в мае 1998 г. ГД полноправным Уполномоченным был избран д.ю.н., профессор О.О. Миронов.

Одновременно в этот период происходил процесс развития института Уполномоченного по правам человека на уровне субъектов Российской Федерации. Так, действующий на основе регионального закона, Уполномоченный по правам человека в Республике Башкортостан был избран на этот пост еще в 1996 г., Уполномоченный по правам человека в Свердловской области – в 1997 г. В настоящее время уполномоченные действуют во всех российских регионах. В сентябре 2002 г. в г. Екатеринбурге состоялся 6-ой Круглый стол Уполномоченных по правам человека в субъектах РФ. В результате анкетирования удалось установить, что из 4-х перечисленных основных функций омбудсмена российские Уполномоченные на 1-е место единодушно ставят содействие жителям в восстановлении нарушенных властью прав. На 2-ом месте находится реализация функции по-

средника между обществом и властью. Содействие же эффективной работе власти находится на 3-ем месте, на 4-ом – реализация функции внесудебного расследования [17, с. 69-82].

При рассмотрении моделей возникновения и функционирования данного правового института в постсоциалистических странах по отношению к уже существующим в странах Западной и Северной Европы, по мнению ряда авторов, можно представить несколько вариантов:

1. Копирование. Вариант характерен для бывших республик СССР, в особенности стран Балтии, Молдовы. Их желание как можно скорее стать европейскими странами (или походить на Румынию, как в случае с Молдовой) в сочетании с серьезной международной финансовой поддержкой часто приводил к прямому копированию иностранных институтов. Так, в Румынии институт омбудсмана существует в виде 3-х парламентских адвокатов, и в Молдове он развивается именно в такой форме. В Швеции институт омбудсмана существует сегодня в виде нескольких «профильных» омбудсменов, и в Литве сегодня уже существует семь омбудсменов [7].

2. Адаптация как наиболее плодотворный, на наш взгляд, вариант имеет место в России как на федеральном, так и региональном уровне, а также в Украине, Грузии. Пример деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ убедительно показывает, что институт постепенно завоевал признание в обществе, готовность к сотрудничеству со стороны первоначально настроенных отрицательно правозащитников. На уровне субъектов РФ происходит адаптация института омбудсмана к реальным условиям отдельного региона, поиск своего лица и способа действия. Результат зависит как от ситуации в регионе, от позиции власти и структур гражданского общества, так и от личности самого Уполномоченного [12].

3. Имитация. Этот вариант возможен при авторитарных или полувластительных режимах, которые, однако, хотя бы показывают наличие у них всех необходимых демократических и правовых институтов. К таким странам относятся Азербайджан, Армения. Ярким примером является создание института омбудсмана в Узбекистане, где на эту должность вначале была избрана дочь бывшего первого секретаря Компартии Узбекистана Рашидова. Институт имеет интернет-сайт и все необходимые атрибуты, но говорить о его реальном влиянии на ситуацию с правами человека в стране пока не приходится.

4. Отторжение. В наиболее яркой форме феномен отторжения института Уполномоченного по правам человека проявился когда-то в Архангельской области, где после 8 месяцев деятельности института Уполномоченный был смещен с должности, офис распущен, и в течение 4-х лет губернатор блокировал все попытки депутатов восстановить этот институт. В таких регионах, как Хабаровский край и Мурманская область, были случаи, когда главы администраций использовали право вето на принятые депутатами законы «Об уполномоченном по правам человека...», а депутаты не смогли его преодо-

леть. В других случаях блокировались сами попытки рассмотрения законопроектов в законодательных органах субъектов федерации (например, в Ростовской области) [18, с. 185-188].

В декабре 2004 г. на 24-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – стран участников СНГ был принят Модельный закон о статусе Уполномоченного по правам человека, регулирующий основные положения статуса омбудсмана, принципы и гарантии его деятельности, компетенцию и полномочия. В ст. 1 Модельного закона отмечается, что государственная должность Уполномоченного по правам человека учреждается Законом «в целях осуществления независимого контроля за исполнением конституционных обязательств демократического правового государства о признании и соблюдении прав и основных свобод человека и их государственной защиты» [19].

Основной целью омбудсмана в странах Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы становится содействие реализации прав и свобод человека. Несмотря на то, что институт омбудсмана на постсоциалистическом пространстве возник недавно, и процесс его становления и развития продолжается, он востребован у граждан. При обсуждениях перспектив развития института омбудсмана в его различных видах и формах часто обсуждается, что его несовершенной стороной является необязательность решений омбудсмана, их рекомендательный характер. Однако эта «слабость», по мнению ряда исследователей, является одновременно и важным достоинством института, обеспечивая высокую вариабельность, инициативность в принятии решений или образе действия при реагировании на выявленные нарушения прав человека (обнаруженные недочёты в работе администрации). Для определения этого преимущества на английском языке используют термин «Flexibility» как противоположность ригидности, закостенелости. Работа омбудсмана, с одной стороны, близка к деятельности конфликтолога, с другой – к полю восстановительного правосудия, когда целью ставится не наказание виновного, а восстановление нарушенного права и разрешение социального конфликта. Как показывает мировой опыт, институт омбудсмана вводится различными путями: 1) на основе конституционных положений, развитых в дальнейшем в законодательстве; 2) в результате принятия специального закона и последующего закрепления указанного института на конституционном уровне; 3) на базе только специального закона. В числе стран, избравших первый путь, можно назвать Швецию, Венгрию, Испанию, Данию и др. Вторым путем пошли такие страны, как Португалия, Польша и др. Третий путь избрали, например, Франция, Великобритания.

Рассматривая функционирование института Уполномоченного по правам человека в России, исследователь Бойцова В.В. выделяет следующие проблемы, с которыми сталкиваются, на наш взгляд, большинство постсоциалистических стран ЦЮВЕ: 1) неукорененность, невстроенность института УПЧ в систему власти на всех тер-

риториальных уровнях; вместо того чтобы адаптироваться к новому правовому институту, традиционные правовые институты пытаются подстроить его под себя; 2) в ряде случаев УПЧ не готовы взаимодействовать с общественными правозащитными организациями на партнерских основах, иногда к этому не готовы и общественные правозащитные организации; 3) сами Уполномоченные по правам человека ясно видят только часть задач, стоящих перед данным институтом, существует недооценка этого института как важного механизма повышения эффективности структур исполнительной власти; 4) существует определенный дефицит в законодательном оформлении на федеральном уровне деятельности региональных УПЧ; 5) отмечаются определенные проблемы в менеджменте, в организации работы аппарата Уполномоченных [18, с. 185-188].

При анализе деятельности омбудсменов в странах Центральной и Восточной Европы можно отметить, что существенную часть рабочего времени занимают системные проверки работы тех или иных правительственных служб или агентств, например, системы образования или здравоохранения, при этом основной целью таких проверок является выстраивание, отлаживание в этих ведомствах эффективной внутренней системы работы с жалобами и обращениями жителей. Отсюда понятно, почему институт омбудсмена все исследователи относят к одному из важных правовых институтов предупреждения коррупции.

Список литературы:

1. Автономов, А.С. Основы конституционного права Польской Народной Республики: учебное пособие / А.С. Автономов; отв. ред. д.ю.н., проф. И.П. Ильинский. – М.: МГИМО, 1987. – 125 с.
2. Вашкевич, А.Е. Эволюция института омбудсмена в Республике Польша / А.Е. Вашкевич // Сравнительное конституционное обозрение. – 2006. – № 1. – С. 25-30.
3. Лентовска, Е. Омбудсмен в странах Восточной и Центральной Европы (Польский опыт): Обзорный доклад о деятельности омбудсмена в Польше, 1994 г. / Е. Лентовска // Российский бюллетень по правам человека. – 1995. – № 7. – С. 133-141.
4. Конституция Республики Польша от 2 апр. 1997 г. // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2 / под ред. Л.А. Окунькова. – М.: Волтерс Клувер, 2001. – С. 686-732.
5. Конституция Грузии от 24 авг. 1995 г. // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. – URL: <http://worldconstitutions.ru> (дата обращения: 22.09.2019).
6. Конституция Чешской Республики от 16 дек. 1992 г. // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. – URL: <http://worldconstitutions.ru> (дата обращения: 25.09.2019).
7. Уполномоченные по правам человека (омбудсмены) стран Европы и СНГ: сборник нормативных правовых актов / рук. проекта проф. О.О.Миронов; сост.: Р.С. Фейзуханов, В.Э.Толмачев, Ю.Г. Спичак. – М.: Юриспруденция, 2003. – 204 с.

8. Цыганкова, Л.И. Институт омбудсмена на постсоветском пространстве: становление, проблемы, перспективы / Л.И. Цыганкова // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2012. – № 2 (130). – С. 154-155.
9. Башимов, М.С. Институт омбудсмена в странах СНГ и Балтии / М.С. Башимов // Государство и право. – 2004. – № 5. – С. 63-73.
10. Деятельность омбудсменов в различных странах мира // Европейский омбудсмен. – URL: http://euro-ombudsman.org/ombudsmen_activities/mass-media/kto-takoy-ombudsmen (дата обращения: 24.09.2019).
11. Народный защитник Грузии // Европейский омбудсмен. – URL: http://euro-ombudsman.org/ombudsmen_activities/ex-ussr/pervuj-ombudsman-v-zakavgze (дата обращения: 15.09.2019).
12. Сунгуров, А.Ю. Институт Омбудсмена: эволюция традиций и современная практика дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / А.Ю. Сунгуров. – М.: МГИМО, 2007. – 250 с.
13. Комарова, В. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации / В. Комарова // Государство и право. – 1999. – № 9. – С. 21-31.
14. Цымбалова, Н.Н. Институт омбудсмена в современном мире: история развития и общая концепция / Н.Н. Цымбалова. – СПб.: Стратегия, 2003. – 156 с.
15. О мерах по обеспечению конституционных функций Уполномоченного по правам человека: Указ Президента РФ № 1587 от 4 авг. 1994 г. // СЗ РФ. – 08.08.1994. – № 15. – Ст. 1713.
16. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ от 26 февраля 1997 г. (в ред. 31.01.2016) // СПС «КонсультантПлюс». – М., 2019.
17. Курманов, М.М. Актуальные проблемы осуществления законодательным органом субъекта Российской Федерации контрольных полномочий / М.М. Курманов // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 5. – С. 69-82.
18. Бойцова, В.В. Служба защиты прав человека и гражданина. Мировой опыт / Бойцова В.В. – М.: Издательство БЕК, 1996. – 408 с.
19. Модельный закон о статусе уполномоченного по правам человека: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ № 24-7 от 4 дек. 2004 г. // СПС «КонсультантПлюс». – М., 2019.

КАЙНОВ Владимир Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
Российский государственный университет
правосудия, заведующий кафедрой
государственно-правовых дисциплин;
kaynov_v@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ПРИВИЛЕГИИ КАК МЕРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЮ ПРАВОМ

В современной правовой действительности уже сложилось представление о злоупотреблении правом, при этом отсутствует механизм, гарантирующий эффективную защиту. В статье автор предлагает конструкцию процессуального правоотношения, содержащего в себе правовые привилегии и их признаки как элемент механизма противодействия злоупотреблению правом.

Ключевые слова: правоотношение, содержание правоотношения, правовые привилегии, злоупотребление правом, административно-процессуальное право, гражданско-процессуальное право, арбитражный процесс.

Злоупотребление правом – закрепленная в законе дефиниция. Это явление и теоретически проработанная научная идея часто встречается в правоприменительной практике, но не имеет общетраслевого понимания.

Правовое содержание злоупотребления правом закреплено в ч. 3 ст. 17 Конституции России: «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц».

Особое требование содержится в ч. 1 ст. 55 Конституции Российской Федерации, устанавливающее, что «перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина». При этом права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации).

Приведенная в Конституции Российской Федерации формула прямо указывает на противоправный характер злоупотребления правом, именно поэтому многие отраслевые источники имеют нормы о злоупотреблении: в гражданском праве это ст.ст. 10, 19, 33, 188.1, 1512 Гражданского Кодекса Российской Федерации; в уголовном праве – ст. 185, 201, 202, 285 Уголовного Кодекса Российской Федерации; в административном праве – ст. 13.15 «Злоупотребление свободой массовой информации» и ст. 14.31 «Злоупотребление доминирующим положением на товарном рынке» Кодекса Российской Феде-

рации об административных правонарушениях; в арбитражном процессе – ст. 111 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации «Отнесение судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами». Правовая норма о злоупотреблении правом присутствует в ряде федеральных законов.

В теории права злоупотребление правом также известно под термином «шикана» (лат., англ., гр.: «chicanе» – придира́ться) и понимается как «одна из форм злоупотребления правом, при которой субъект осуществляет принадлежащее ему право, одновременно с этим нарушая пределы осуществления своего права с целью причинения вреда правам и свободам других участников общественных отношений при наличии последствий в виде причинения вреда другому лицу» [1, с. 133-137].

Если обратиться к вопросу о первопричинах злоупотреблением правом, то можно согласиться с мнением о том, что таких причин несколько: «под влиянием страстей», из-за «неправильного понимания или незнания субъектом права истинной сущности своих интересов», «конфликта интересов» [2, с. 49]. При этом отмечается, что это становится возможным вследствие несовершенства формулировок законодательства [2, с. 49]. Таким образом, следует сделать вывод о том, что злоупотребление правом есть 1) способ удовлетворения потребностей лица; 2) реализуется при несовершенстве законодательной нормы.

Наиболее типичные юридические основания для злоупотребления правом изложены в Федеральном законе от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» по причине того, что в коррупции злоупотребление правом – наиболее распространённая форма извлечения коррупционной выгоды, при условии, что коррупционер часто приобщён к нормативному творчеству. Таковыми факторами являются, согласно правилам проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, закрепленных Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 (ред. от 10.07.2017) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»:

а) широта дискреционных полномочий (по срокам, условиям или основаниям принятия решения, дублирование полномочий должностных лиц);

б) предоставление субъективного права для обязывания граждан и организаций;

в) наделение правом принимать решение «в качестве исключения»;

г) способность подзаконного нормотворчества в пределах бланкетных и отсылочных норм;

д) принятие нормативного правового акта за пределами своей компетенции;

е) использование пробелов в праве и законе для установления обязательных правил;

ж) отсутствие или неполнота необходимых процедур определённых действий;

з) отказ от конкурентного способа предоставления права (конкурс, аукцион) и реализация такого права в административном порядке;

и) использование юридических противоречий (коллизий в праве) как возможность произвольного выбора «нужных» норм;

к) установление нечетких, трудновыполнимых и обременительных требований;

л) злоупотребление процессуальными полномочиями;

м) создание лингвистически сложного юридически значимого документа (двусмысленные понятия и условия, неразборчивый или мелкий шрифт, перегруженность документа текстом и пр.).

Большинство авторов, занимающихся изучением этого вопроса, сходятся во мнении, что злоупотребление правом – особая разновидность правонарушения, что может быть описано его конструкцией [3, с. 21-26], где, по-нашему мнению, присутствуют:

1) объект – нарушенные и (или) нереализованные интересы участников правоотношения, выраженные в субъективных правах и юридических обязанностях;

2) объективная сторона – реализация законного права и исполнение обязанности в пределах своих прав и полномочий, вытекающих из содержания правоотношения (как деяние) и воспрепятствование для реализации прав и обязанностей для иной стороны (как последствие);

3) субъективная сторона может существовать только в форме умысла, когда лицо осознавало, что использует свой правовой статус вопреки интересам другого лица (первый интеллектуальный момент), предвидело ущемление прав и законных интересов, а также воспрепятствование исполнению обязанности (второй интеллектуальный момент) и желало этих последствий (волевой момент прямого умысла), а если не желало, то сознательно допускало эти последствия (волевой момент косвенного умысла);

4) субъект – лицо, наделенное в силу закона, профессии, должности или службы, договорного обязательства субъективным правом и (или) юридической обязанностью совершать действия, способные определять для правоотношения юридические последствия.

Из этого следует, что правовое положение субъектов не является равнозначным из-за несоразмерности у сторон объёмов прав и обязанностей, что происходит по ряду причин.

Во-первых, юридическую норму и конкретное правоотношение идеально сконструировать невозможно ввиду «жесткой» формальной конструкции правовой нормы, которую можно только изменить или отменить; динамичности общественных отношений, которые всегда

опережают любую норму и имеют более широкий спектр представления о действительности.

Во-вторых, в любой жизненной ситуации, независимо от ее отраслевой принадлежности, одно из лиц, как сторона правоотношения, имеет преимущество, не всегда содержащееся в норме права, но всегда способное предоставить возможность обратить содержание сделки или процедурный вопрос полностью или частично в свою пользу. Такое преимущество может быть обусловлено правовым положением (статусом) одной из сторон, или вытекать из реального положения вещей. Примером такой реальности могут быть финансовая или иная зависимость, административный или иной ресурс, грубая физическая сила. В таком случае получение правовых «дивидендов» осуществляется через злоупотребление правом [4, с. 10-11] или фактическое уклонение от юридических обязанностей, что не меняет оценки этого явления.

Согласно сложившейся практике, неисполнение юридических обязанностей – это правонарушение и основание юридической ответственности. Однако злоупотребление правом – правонарушение, «завуалированное» под законность, не является однозначным основанием для привлечения к юридической ответственности. Так, Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», где речь идет о применении ч. 1 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой «не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)», предлагается злоупотребление правом квалифицировать по усмотрению суда.

Для предотвращения и преодоления таких диспропорций уже есть определённый механизм. Речь идет о механизме, предусматривающем правовые привилегии. Такие привилегии даются лицу, наиболее уязвимому в возможности реализации своих прав. Термин «правовые привилегии» в юридической теории – явление не новое [5, с. 145-156] и рассматривается как разновидность правовых льгот наряду с правовым иммунитетом [6], обозначаемое формулой «исключительное право» [7, с. 6]. Тем не менее, правовые привилегии в теории правоотношения следует рассматривать несколько шире. В результате применения механизма правовых привилегий мы получаем новую структуру правоотношения.

В данном случае внесенное дополнение в виде пункта и есть правовые привилегии как предоставленные преимущества ущемленной стороне для общего нивелирования содержания правоотношения с тем условием, чтобы сделать более справедливым [8] и соответствовать идеям «формального равенства».

Поясним, что ситуацию, при которой возможно злоупотребление правом, необходимо конструировать как противоправную. Критерии правовых привилегий:

- возведение правовых привилегий в ранг принципов права;
- научное обоснование и формальное закрепление;
- междисциплинарная (межотраслевая) принадлежность, охватывающая систему норм как материального, так и процессуального права;
- предоставление только физическому лицу и участнику конкретного правоотношения.

Таким образом, правовые привилегии – это структурная часть содержания правоотношения, устанавливающая (предоставляющая, содержащая в себе) дополнительные субъективные права участнику правоотношений, в которых противоположная сторона имеет определенное преимущество в качестве меры предотвращения злоупотребления правом [9, с. 469].

Список литературы:

1. Шашерина, Е.П. Шикана как форма злоупотребления правом / Е.П. Шашерина // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). – Казань: Бук, 2015.
2. Токарев, Д.А. Причины возникновения злоупотреблений правом в коммерческих организациях / Д.А.Токарев // Адвокат. – 2010. – № 5.
3. Гогин, А.А. Злоупотребление правом и правонарушение: проблемы дифференциации / А.А. Гогин // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – Тольятти: Тольят. гос. ун-т, 2011.
4. Герасимова, О. Злоупотребление правом / О. Герасимова // Правосудие в Восточной Сибири. – 2003. № 2-3.
5. Малько, А.В. Привилегии как специфическая разновидность правовых льгот / А.В. Малько, И.С. Морозова // Правоведение. – 1999. – № 4. – С. 143-156.
6. Сүменков, С.Ю. Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002.
7. Тенденции развития гражданского права: коллективная монография / А.Г. Матвеев, В.Ю. Мельников, Н.А. Орлов, В.Н. Орлова. – М.: АНО Изд. дом «Науч. обозрение», 2014.
8. О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 (ред. от 23.06.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 9; 1997. – № 5.
9. Семухин, О.А. Правовые привилегии в содержании правоотношения как способ гарантии и защиты субъективных прав / О.А. Семухин // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение: Сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции. – СПб.: Издательство САУ, 2016.

КАСИНЕЦ Анастасия Васильевна,
*Санкт-Петербургская юридическая академия,
магистрант; Nastas988@inbox.ru*

ИСТОРИЯ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ КРИМИНОЛОГИИ

В статье дается понятие криминологии как науки с дословным переводом слова «криминология» с латинского языка. Автором раскрывается суть криминологии, делается акцент на предмете криминологии.

Ключевые слова: криминология, преступность, основоположники, криминологическая наука, классическая школа, позитивизм, постмодерн, критическая криминология, наказание, правонарушитель.

Криминология – это самостоятельная, комплексная, междисциплинарная, постоянно развивающаяся наука, теснейшим образом связанная с жизнью людей, ее проблемами и конфликтами [1, с. 54]. Она имеет свою историю, использует оригинальные методы исследования и имеет разветвленную сеть институтов и организаций во всем мире. Само слово «Криминология» состоит из двух частей: латинского слова «crime» (преступление) и греческого слова «logos» (учение). Буквальный перевод сочетания этих двух слов на русский язык означает «учение о преступлении». Суть криминологии заключается в том, что она разрабатывает рекомендации по предупреждению преступности, анализирует текущую криминогенную ситуацию и предлагает меры по ее стабилизации. Предмет криминологии – это организация прогнозирования, программирования, планирования деятельности в области борьбы с преступностью [2, с. 147].

Криминология как наука родилась с выходом в 1884 году монографии итальянского судьи Р. Гарофало «Криминология». Однако вопросы о различных понятиях возникали и раньше, о чем свидетельствуют высказывания древних мыслителей.

Древнегреческий философ Платон, думая о природе преступности, называл ключевым ее источником междоусобие и вражду между бедными и богатыми. Он усматривал вину государства в потворствовании данным источникам, и поэтому в собственных философских трудах обращался к законодателю с требованием ввести пределы бедности и богатства, предлагая терпимым пропорцию на уровне 1:4. Разбирая причины, которые имели бы возможность воздерживать людей от нарушения закона, Платон указал на социальную природу преступности, предписывал законодателю работать на опережение событий: устанавливать законы и угрожать наказанием для предотвращения вредных поступков. К числу мер он относил неотвратимость наказания (ожидаемое зло, которое причиняют правонарушителям), общественное мнение, привычку достойного поведения, поощрение правопослушных граждан [2, с.104].

Глубокое осознание природы преступности и наказания за преступление можно обнаружить в трудах Аристотеля. К числу причин, по которым совершаются преступления, он относил бедность, безобоснованные привилегии некоторых социальных слоев и политическое бездействие, разноплеменность населения. Самые серьезные преступления, писал он, совершаются из-за стремления к избытку, а не из-за недостатка предметов первой необходимости. Ученый отвергал врожденные наклонности преступника, и поэтому главными средствами воздействия на преступность называл социальные меры: стабильность законов; справедливое государственное устройство; предоставление возможности реализовать активность различных слоев населения в социально значимых формах; верховенство законов над должностными лицами; борьбу с коррупцией; становление экономики. Первый из сформулированных Аристотелем принципов отразил сущность профилактики негативных социальных процессов: «Если нам известны причины, ведущие к гибели государственных устройств, то мы тем самым знаем и причины, обуславливающие их сохранение: противоположные меры производят противоположные действия» [3, с. 241].

В эпоху Возрождения криминологическая мысль застыла в рутине на много веков. Важнейший прорыв вперед совершил Т. Мор (1478-1539) своей «Утопией» [5, с. 146], в которой возрождается идея предупреждения преступности, но уже в более широком смысле этого слова. Дав критику современной английской экономической жизни, он создал основы уголовной этиологии, так как установление экономических факторов преступности явилось у него результатом научного анализа фактов этой действительности. Этот анализ подталкивает автора к убеждению, что, если есть причины, вызывающие преступления, то они будут совершаться, и никакие жестокие казни не помогут. Необходимо позаботиться о лучшем экономическом устройстве общества.

Причинами преступности в современной Англии Т. Мор считал имущественное неравенство, существование частной собственности, а также золото [2, с. 387].

Он не был сторонником смертной казни. За имущественные преступления Т. Мор рекомендовал назначать исправительные работы. Это был совершенно новый вид наказания, сыгравший огромную роль в будущем.

Период Просвещения был следующим важным этапом, оказавшим влияние на возникновение криминологии.

Особого интереса заслуживают взгляды двух мыслителей, которых можно считать предшественниками криминологической науки: Ш. Монтескье и Ч. Беккария.

В сочинении «О духе законов» Ш. Монтескье (1689-1775) изложил ряд идей, которые во многом определили развитие криминологии: о факторах преступности, о примате предупреждения, о роли социальных институтов и т.д.

Ш. Монтескье писал о том, что мудрый законодатель заботится о предупреждении преступлений [2, с. 451].

Ш. Монтескье также заложил основы «теории факторов». Он считал, что преступное поведение людей зависит от разных факторов. К ним он относил образ правления, законодательство, климат, качество почвы, образ жизни, религию, численность населения, обычаи и т.д. Теория факторов сыграла важную роль в становлении криминологии как науки. Она была господствующей методологией на ранних этапах развития криминологии. В своем трактате Ш. Монтескье уделял основное внимание проблемам философии права. В настоящее время также имеет своих сторонников [10, с. 112].

Что касается наказаний, Ш. Монтескье считал, что они основаны на бессмысленной жестокости, вызывают не страх, а одичание общества.

Ч. Беккария (1738-1794) считался основоположником криминологической науки. Он вошел в историю благодаря сочинению «О преступлениях и наказаниях» (1764 г.), которое произвело революцию во взглядах граждан. Ч. Беккария писал, что наказания должны быть предусмотрены законом, чтобы не оставлять на усмотрение судьи решение вопроса о выборе наказания; жестокость наказаний не только бесполезна, но даже вредна. Поэтому он призывал к их смягчению, т.к. наказания не должны причинять страдания и мучения; цель наказания состоит в том, чтобы помешать преступнику совершать иные преступления и оказывать сдерживающее воздействие на остальных граждан; наказания должны соответствовать преступлениям; критерием тяжести преступления должен служить ущерб, который оно причинило обществу; наказания должны быть одни и те же как для богатых, так и для обыкновенных граждан; законы должны приносить благо не классам, а людям [5, с. 87].

По мнению Ч. Беккария, не может называться справедливым и даже необходимым такой закон, который не предусматривает наиболее результативных средств недопущения преступлений. Отсюда можно сделать вывод, что усовершенствование воспитания есть самый надежный, но в то же время и трудный путь предупреждения преступлений. Ч. Беккария в своем сочинении уделял основное внимание уголовному праву.

Все изложенное было предисторией криминологии. Осознание просветителями сути права и природы криминального поведения не вырабатывало представление о преступности как о существующем явлении, а без этого не может быть объекта научного изучения.

Создателями криминологии считаются итальянский тюремный врач-психиатр Ч. Ломброзо (1835-1909) и бельгийский астроном и математик А. Кетле (1796-1874). Ч. Ломброзо измерял различные параметры строения черепа многочисленных заключенных, их вес, рост, длину рук, ног, туловища, строение ушей и носов, а при вскрытии умерших – строение и вес внутренних органов. За свою многолетнюю практику он исследовал свыше одиннадцати тысяч лиц, осужденных

за совершение преступлений. Свое главное открытие Ч. Ломброзо описывает вполне поэтически: «Внезапно однажды утром мрачного декабрьского дня я обнаружил на черепе каторжника целую серию атавистических ненормальностей, ...аналогичную тем, которые имеются у низших животных. При виде этих странных ненормальностей – как будто бы ясный свет озарил темную равнину до самого горизонта – я осознал, что проблема сущности и происхождения преступников была разрешена для меня» [2, с. 411]. Он разработал классификацию преступников, поделив их на четыре типа: прирожденные, душевнобольные, по страсти (включая политических маньяков), случайные. Ч. Ломброзо оценивал преступность как естественное природное проявление, подобно рождению и смерти. Он впервые применил при изучении преступности антропометрические научные методы. А Кетле оценивал преступность как объективное социальное явление и применял статистические научные методы. Тем самым они сформулировали предмет криминологии.

Итак, в истории криминологии выделяют несколько этапов:

1. Классическая школа уголовного права и криминологии (XVIII в.). Становление ее криминологических идей связано с именами Ч. Беккариа (1738-1794) и И. Бентама (1748-1832). Идеи классической школы основывались на религиозном понимании свободы воли и греховности человека. В случае если индивид выбирал путь греха и совершал преступление, он должен был быть наказан за содеянное. Чем тяжелее был грех, тем более жестоким должно было быть наказание. В рамках классической школы формулировались представления о преступности, преступлении, их причинах и мерах социального контроля. И. Бентам в известной степени разделял взгляды Ч. Беккариа. Кроме того, он еще в 1778 г. обратил внимание на статистические закономерности и устойчивость преступности. Его мысль о том, что человек стремится получить максимальное удовольствие и испытать минимальные страдания надолго завладела умами специалистов в области уголовного права. Основными методологиями данного этапа были философия, социальная философия, право [12, с. 236].

2. Позитивизм (XIX-XX вв.). Включает биологическое (антропологическое) направление, начиная с Ч. Ломброзо (1835-1909); психологическое направление от Г. Тарда (1843-1904) и социологическое направление с многочисленными школами и теориями. Г. Тард считал, что повышение благосостояния, уровня жизни, образования не влечет за собой сокращения преступности. «Рост трудовой деятельности и богатства делает естественным рост преступлений и преступников! А где же, следовательно, нравственная сила труда, нравственная добродетель богатства, о которых столько говорили? Образование сделало большие успехи. Где же благотворное, столь прославленное действие просвещения на нравы? Три великих предупредительных лекарства от социальной болезни: труд, общее довольство и образование – усиленно действовали не раз, а поток преступности, вместо того, чтобы пересохнуть, вдруг вышел из берегов» [11, с. 254]. Г.

Тард увидел широчайшую распространенность преступлений «людей богатых и признаваемых честными».

В социологическом направлении выделяются следующие основные школы и концепции в рамках социологического осмысления девиантности: функционализм (Э. Дюркгейм); социальная дезорганизация (У. Томас и Ф. Знанецкий, Р. Парк); аномия (Э. Дюркгейм, Р. Мертон); чикагская школа; конфликт культур и девиантных субкультур; социальное научение, включая теорию дифференцированной ассоциации и нейтрализации (Г. Беккер, Э. Сатерленд); контроля (Т. Хирши); символический интеракционизм или стигматизация (Ч. Кули, Ф. Танненбаум); теории конфликта, включая марксистские и неомарксистские (К. Маркс); «современные» («радикальные», феминизм, постмодернизм) [4, с. 187]. Основной методологией данного этапа являются методы естественных, «позитивных» наук (наблюдение, опросы, измерения, эксперимент и др.).

3. Критическая криминология и постмодерн (конец XX – XXI в.). Названия направлений и школ и их временные рамки условны и по-разному освещаются различными авторами.

Новейшую критическую (радикальную) и постмодернистскую криминологию характеризуют критическое отношение к предшествующим теориям; критическое отношение к современным общественным, политическим, властным структурам и отношениям; радикально релятивистский подход к самим понятиям «девиантность», «преступность», «преступление» и др. как социальным (политическим) конструктам; обновление методологического инструментария.

В 1973 г. тремя английскими авторами Я. Тэйлором, П. Уолтоном и Дж. Янгом была написана книга «Новая криминология», которая послужила началом возникновения «радикальной» криминологии. В ней объединяются критические теории, четко просматривается неомарксистская критика современного общества. Преступление трактуется как причинение социального вреда. Я. Тэйлор, П. Уолтон и Дж. Янг объясняли преступность и преступление на различных уровнях, выстраивая систему детерминирующих факторов. По их мнению, возможность выбора принадлежит и индивиду, и обществу (государству), которое может криминализировать ту или иную поведенческую реакцию («социальная психология общественной реакции»). У. Айнштадтера и С. Генри писали, «вместо взгляда на некоторых людей как “плохие яблоки” или как причиняющих другим яблокам вред, критические криминологи видят в обществе “плохую корзину”, в которой все больше яблок будет портиться... Решение – только в новой корзине» [2, с. 421].

М. Брустен проводит мысль об избирательности уголовной юстиции и применении ею уголовных наказаний, подтверждая это результатами эмпирических учений.

Р. Куинни и В. Чемблисс оценивают правовой порядок как систему, созданную капиталистами для обеспечения своих интересов.

Ф. Зак предлагает анализировать предмет криминологии с точки зрения различных дискурсов, тем самым ставя под сомнение обоснованность имеющихся определений преступления и преступности. Ф. Зак просматривает значительную зависимость социологии и криминологии и их различных теорий от политических структур. Радикальны и взгляды некоторых современных немецких криминологов.

Проблему девиантности и преступности затронули авторы «Новых направлений в социологической теории»: П. Филмер, М. Филиппсом, Д. Силверман, Д. Уолш. Будучи сторонниками феноменологического направления в социологии, противостоящего позитивизму, их основной идеей является конвенциональный характер и девиантности, и преступности [7, с. 115].

Феминизм в социологии и криминологии (D. Klein, R. Simon, F. Adler, C. Smart) включает феминистское движение, критическую криминологию, а также изучение женской преступности. Различают следующие направления криминологического феминизма: либеральный, радикальный, марксистский, социалистический. Если либеральный феминизм на вопрос, в чем причина преступности, скромно отвечает – в социализации по полу (в ее особенностях), то радикальный утверждает: «Преступления – мужское, не женское поведение. Это мужская биологическая природа – быть агрессивным и господствовать» [2, с. 547].

Аболиционизм в криминологии считается самостоятельным течением. Его сторонники (Т. Матисен, Н. Кристи, Л. Хулсман, Х. Пепински, Р. Моррис, М. Платек и др.) стремятся к полному отказу от института тюрьмы, а в более широком смысле – к отмене уголовного права.

Х. Пепински и Р. Куинни являются сторонниками «миротворческой криминологии». Они полагают, что наказание только способствует конфликту. Предлагают альтернативу привычному насилию. Вместе с тем отмечается, что миротворчество далеко от реальности и на практике не дает решения многих проблем [6, с. 323].

Во второй половине XX в. зарождается постмодернизм, который характеризуется недоверием по отношению к науке, отказом от придания значения всех знаний. Преступления причиняют вред, но он порождается и всей рутинной практикой, социальными институтами, такими как труд, бюрократия, правительство, право и семья. Постмодернизм отражает переход от классовой структуры к фрагментарному обществу. Основной методологией является негативный аспект – отрицание всего предшествующего; позитивный момент – методы современных естественных наук (теория катастроф, теория хаоса, синергетика, «странный аттрактор», бифуркации и др.).

Итак, основываясь на вышеуказанном анализе развития мировой криминологии, можно сказать, что большинство криминологов рассматривают криминологию как социологию преступности. Преступность является сутью социальной мысли и выполняет отчасти политические задачи.

Криминологи исследуют преступность как одно из отклонений личностного поведения от общепринятых норм [9, с. 1].

Развитие криминологии получает теории, усматривающие основную причину преступности и отдельных ее видов в самой структуре общества, в социально-экономическом неравенстве, в культуре. Структурные пороки приводят к разделению людей, групп, классов, государств на «включенных» в современные экономические, социальные, политические, культурологические процессы, или же – «исключенных» из них.

Криминология детальнее изучает такие криминальные явления, как «преступления ненависти» (преступления по мотивам расы, цвета кожи, национальности, этнического происхождения, пола, сексуальной ориентации, гендерной идентичности, инвалидности, политических убеждений, мировоззрения, вероисповедания, внешнего вида или социального статуса), «стокерство» (stalkers – упорные преследователи), нередко «стокерство» – результат психических отклонений (сютяжничество, сексуальные перверсии), но может быть и следствием ревности, зависти, мести или иной непримиримости), киберпреступность (компьютерные преступления) [6, с. 34].

В течение последних двух десятилетий все большее внимание уделяется проблемам социального контроля над преступностью. Традиционные меры проявили свою неэффективность. Именно этим проблемам посвящены многочисленные труды криминологов разных стран.

Список литературы:

1. Воронин, Ю.А. Введение в криминологию. Курс лекций / Ю.А. Воронин. – Москва: Флинта, 2018. – 897 с.
2. Гилинский, Я.И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я.И. Гилинский. – Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2014. – 574 с.
3. Жалинский, А.Э. Избранные труды. В 4 томах. Том 1. Криминология / А.Э. Жалинский. – Москва: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2017. – 704 с.
4. Жигарев, Е.С. Акценты криминологии / Е.С. Жигарев. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 312 с.
5. Иншаков, С.М. Зарубежная криминология / С.М. Иншаков. – Москва: Инфра, 2017. – 383 с.
6. Кудрявцев, В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. Учебное пособие / В.Н. Кудрявцев. – Москва: Гостехиздат, 2017. – 133 с.
7. Комлев, Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк: учебное пособие / Ю.Ю. Комлев. – Казань: Центр инновационных технологий, 2016. – 248 с.
8. Клейменов, М.П. Криминология: учебник / М.П. Клейменов. – Москва: Норма, 2018. – 400 с.

9. Козаченко, И.Я. Криминология: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / И.Я. Козаченко. – Москва: Издательство Юрайт, 2018. – 277 с.

10. Лунев, В.В. Курс мировой и российской криминологии: Общая часть: учебник. Т. 2 / В.В. Лунев. – Москва: Юрайт, 2015. – 872 с.

11. Тард, Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы / Г. Тард. – Москва: Инфра-М, 2018. – 399 с.

12. Фокс, В. Введение в криминологию. Учебник / В. Фокс; пер.: Л. Нежинская, Марина Туманова; ред. Б. Никифоров. – Москва: Прогресс, 1980. – 312 с.

КОРМАКОВА Яна Григорьевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия,
магистрант; yana-kormakova@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Такое преступление, как жестокое обращение животными в законодательствах разных стран трактуется по-разному, поскольку у каждой страны свои взгляды на данное преступление. В данной статье мы бы хотели проанализировать правовую регламентацию жестокого обращения с животными в Российской Федерации и в таких странах, как США, Япония, Италия, Швейцария.

Ключевые слова: жестокое обращение с животными, жестокость, уголовная ответственность.

Зарубежный опыт регламентации уголовной ответственности за жестокое обращение с животными свидетельствует о более глубоком и содержательном осознании опасности этого преступления во многих странах.

Если в Японии еще в конце семнадцатого века за убийство кошек, собак, кур, лошадей, черепах предусматривались такие наказания, как тюремное заключение, изгнание и смертная казнь, то в России до 1988 г. уголовная ответственность существовала только за «жестокое отношение к лошадям». Причем эти деяния закреплялись в уголовном законодательстве как имущественные преступления, т.к. животные рассматривались как объекты права собственности (например, ст. 196 УК РСФСР 1922 года) [3, с. 283; 5, с. 372].

Важной предпосылкой признания общественной опасности обращения с животными явились международно-правовые акты. В 1982 году Генеральной Ассамблеей ООН была принята Всемирная Хартия природы, которая являлась первым документом, регламентирующим охрану объектов природы.

Что касается сравнения законодательных подходов к данному преступлению между РФ и Италией, то в Уголовном кодексе Италии отражен наиболее полный перечень действий, которые возможны при жестоком обращении с животными и к каждому имеется своя санкция. Помимо этого, стоит отметить, что в самом кодексе указано деление деяний на преступления и проступки, что указывает на градацию деяний по степени тяжести, что, по нашему мнению, весьма уместно [7, с. 59-64].

Также в законодательстве Италии есть немаловажное преимущество по отношению к Российскому законодательству, поскольку в первую очередь дается определение «жестокости обращения» с последующим перечислением, как оно может проявляться, что обеспечивает наиболее удобную позицию для правоприменения, нежели в Российском законодательстве.

Также вопрос жестокости в российском законодательстве никак не конкретизирован, поскольку сама статья 245 УК РФ указывает на жестокие деяния, однако само законодательство должно раскрывать данное понятие для наиболее полного раскрытия проблемы и для решения спорных вопросов в правоприменении [1].

Отметим, что признак жестокости в преступлениях, относящихся к жестокому обращению с животными в нормативно-правовых актах, а также разъяснениях законодательства Верховным судом не дается и не раскрывается, что делает это понятие абстрактным и не конкретным [4].

Если сравнивать со ст. 245 УК РФ, то, исходя из сущности материального состава, при котором обязательно наступление последствий (убийство или нанесение увечья), в итальянском Уголовном кодексе для привлечения к уголовной ответственности достаточно наличие какого-либо из вариаций жестокого обращения с животными, а также в качестве результата неправомерных действий, помимо убийства и увечья, дополняется использованием животного для непосильных работ [7, с. 59-64].

Стоит отметить, что принципиальные для российского законодательства для состава преступления альтернативные признаки объективной и субъективной сторон (совершение преступления из хулиганских побуждений, из корыстных побуждений, с применением садистских методов или в присутствии малолетнего) в итальянском законодательстве отсутствуют и данные указания мотивов и способов необязательно; достаточным будет являться то, что деяния должны быть совершены «по жестокости или без необходимости».

Также почти во всех штатах Америки жестокое обращение с животными является особо тяжким преступлением и отождествляется с особо тяжкими преступлениями. The Animal Welfare Act (Закон о благополучии животных) является главным федеральным законом, который содержит различные положения, которые определенным образом касаются различных исследовательских учреждений, создания государственных и частных приютов и содержания в них животных, перевозки животных, их хищения и т.д. [6, с. 94].

В законодательстве Швейцарии официально имеются предписания, согласно которым животные являются «существами», в то время как в Российском законодательстве животные все еще являются «вещами».

Нормы, закрепленные в ст. 544-кватер и 544-квиквиес Уголовного кодекса Италии, содержат в себе запрет на организацию различных шоу или выставок, связанных с пытками и мучениями животных, а также запрет организации боев между животными. Помимо запрета на непосредственное проведение боев между животными также наступает уголовная ответственность за содействие данной организации. Наиболее серьезные запреты предусматриваются при наличии возможности получить увечье или нарушить физическую целостность животного.

Отягчающими обстоятельствами являются действия, повлекшие участие несовершеннолетнего в данном деянии, а также вооруженных лиц; ведение видеозаписи и использование материалов, свидетельствующих о запечатлении материалов, на которых имеются события боев животных.

Таким образом, законодатель Италии не только устанавливает запрет на непосредственную организацию боев между животными, но и запрещает любые действия, которые так или иначе способствуют развитию данной противоправной деятельности: либо материально (денежные ставки), либо организационно (подготовка и разведение животных для боев).

Однако законодатель Российской Федерации устанавливает лишь привлечение к уголовно ответственности по ст. 245 Уголовного кодекса РФ только в случае нанесения увечья или умерщвление животного в данного рода мероприятиях, прямого указания на запреты проведения боев между животными не обнаруживается.

Правда, следует в этой связи отметить, что в 2016 году в Государственную Думу Российской Федерации вносился на рассмотрение законопроект № 1175106-6 «О внесении изменения в статью 245 Уголовного кодекса Российской Федерации в части усиления ответственности за жестокое обращение с животными», в котором предусматривалась повышенная ответственность (лишение свободы на срок от 3 до 6 лет со штрафом в размере от 500 000 до 800 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 лет или без такового) за организацию и проведение боев и иных зрелищных мероприятий с использованием животных. Но в отличие от итальянского законодательства, состав предполагался материальным: обязательные последствия в виде причинения животным увечий или их гибель. Законопроект был возвращен субъекту права законодательной инициативы в связи с несоблюдением Регламента Государственной Думы (отсутствовал официальный отзыв Верховного Суда Российской Федерации) [21]. Позднее же вышеупомянутые предлагаемые положения уже в новой редакции уголовного кодекса от 20.12.2017 и впоследствии ст. 245 УК РФ предусматривала наказание в виде лишения свободы, однако процедура принятия как достижение цели по реформированию статьи за жестокое обращение с животными имела довольно затянутый характер.

Считаем, что во многом нам стоит позаимствовать положения о привлечении к уголовно ответственности за жестокое обращение с животными из опыта зарубежных стран. В частности, вопрос об участии животных в боях никаким образом в российском законодательстве не отрегулирован, хотя данное действие даже при отсутствии у животного увечья, либо же смерти животного противоречит принципу гуманности, на котором базируется регулирование законодательства в данной сфере. Также законодательство РФ указывает понятие «жестокое обращение», которое для правопонимания предстает в достаточно абстрактном ключе. В Уголовном кодексе Италии дан кон-

кретный перечень действий по отношению к животному с конкретными санкциями, тем самым исключается всяческая проблематика в квалификации деяния.

Распространение жестокого обращения с животными в нашей стране, игнорирование и даже попустительство отдельным проявлениям жестокости к животным, осуществляемым якобы в общественных интересах, обусловлены в значительной степени недооценкой общественной опасности этого преступления. Поэтому представляется необходимым охарактеризовать нарастающую общественную опасность жестокого обращения с животными, обратить внимание на новые угрозы и вызовы в этой сфере.

Список литературы:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019).
2. Законопроект № 1175106-6 «О внесении изменения в статью 245 Уголовного кодекса Российской Федерации в части усиления ответственности за жестокое обращение с животными» // URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/1175106-6> (дата обращения: 26.02.2019).
3. Есаков, Г.А. Уголовное право зарубежных стран. Учеб. пособие / Г.А. Есаков. – М.: Проспект, 2009.
4. Осокин, Р.Б. Проблемы уголовно-правового противодействия жестокому обращению с животными / Р.Б. Осокин // Вестник Воронежского института МВД России. – 2011.
5. Российское законодательство X-XX вв. Т. 3 / под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1985.
6. Семенов, К.П. Уголовное законодательство США, на примере УК штата Техас, о жестокое обращении с животными: опыт заокеанского нормотворчества. Сборник статей / К.П. Семенов. – СПб.: СПбГЭУ, 2014.
7. Филатова, Н.Ю. Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за жестокое обращение с животными в Италии и России / Н.Ю. Филатова // Адвокатская практика. – М.: Юрист, 2017. – С. 59-64.

МАЗУРИН Станислав Фёдорович,
кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургская юридическая академия, доцент кафедры гражданского процесса;
svyatoslav53@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье рассматриваются актуальные проблемы государственной политики в сфере социального обеспечения нуждающихся в социальной защите отдельных категорий граждан.

Ключевые слова: *социальная политика, государство, пенсионная реформа, конституционные гарантии, рыночная экономика, правовая система, социальное обеспечение, олигархия.*

Административно-командная система государственного управления экономикой в СССР, существовавшая на протяжении 75 лет, необходимая в условиях глубоких экономических потрясений и разрухи, возникших после революции 1917 года, гражданской войны и глобальной послевоенной разрухи 1941-1945 годов, как полагали в начале 90-х годов пришедшие к власти реакционные политики государства, стала тормозом на пути дальнейшего прогрессивного развития государственности в России. Необходимость перехода к рыночной экономике в России в начале 90х годов XX столетия, по мнению авантюристической части общества, возглавляемой Б. Ельциным, была продиктована совершенствованием системы государственного управления в целях более эффективного развития народного хозяйства страны, а также идеями реакционной части общества о раскрепощении общественного труда, свободы предпринимательства и повышении качества жизни всех слоев общества.

12 декабря 1993 года после развала Советского государства и с принятием Новой Конституции, закрепившей в ст. ст. 8, 9 право на частную собственность [1], в результате ваучеризации и последующей приватизации государственной собственности, принадлежащей всему советскому народу, все основные средства производства, земля и стратегические природные запасы были присвоены узким кругом капитализировавшихся лиц, приближенных к системе государственной власти, а также лиц, имеющих первоначальный капитал, полученный преступным путем. Таким образом, в России была образована государственная олигархическая прослойка, составляющая не более 1% населения, в руках которой к 2000 году оказалось более 70% всех национальных богатств государства. Диктатура пролетариата, существующая в период образования советского государства и до его распада, сменилась диктатурой олигархии, определяющей политику российского государства на товарном рынке и ценовую политику на все

товары широкого потребления, в том числе и на рабочую силу, как на основной товар общественного производства материальных благ.

Идея раскрепощения общественного труда и свободы предпринимательской деятельности столкнулась с неразрешимой проблемой, связанной с закабалением труда наемных рабочих и несоответствием их реальных трудовых затрат – уровню денежного вознаграждения, устанавливаемому капитализировавшимися работодателями персонафицировано, без каких-либо ограничений как в нижнем, так и в верхнем его пределах.

30 декабря 2001 года с принятием Трудового кодекса РФ в России в целях регулирования трудовых отношений был установлен минимальный размер оплаты труда (МРОТ). Впервые понятие МРОТ было введено Конвенцией Международной Организации Труда/ООН № 131 «О минимальной заработной плате, 1970 г.». Под МРОТ, понимается установленный в законе минимально допустимый уровень оплаты труда, ниже которого работодатель не должен опускаться при начислении заработной платы, а также для определения размеров пособий по временной нетрудоспособности, которую работодатель обязан выплачивать своим работникам. Установление единой величины МРОТ, ежегодно определяемой Министерством труда (в настоящее время – Минтруда и социального развития РФ), для всех регионов России обеспечивало гарантированный минимальный размер оплаты труда, но не гарантировало справедливого уровня оплаты труда, соответствующего реальным трудовым затратам абсолютного большинства наемных рабочих. Более того, введение МРОТ способствовало тому, что большинство работодателей, заключающих трудовые договоры с наемными работниками, стали использовать МРОТ для извлечения более высокой прибыли, принимая в договорах один МРОТ за величину должностного оклада для большинства наемных работников.

Работникам по факту выполнения ими трудовых обязанностей большинством работодателей начислялось два вида заработной платы: «светлой», отмеченной в трудовом договоре, в размере одного МРОТ, проводимой официально в документах бухгалтерской отчетности, и «темной», не облагаемой страховыми налоговым отчислениям в пенсионный фонд и фонд обязательного медицинского страхования. Если принять во внимание принцип дифференцированного пенсионного обеспечения различных категорий граждан, достигших пенсионного возраста по старости, то одним из критериев начисления им пенсий является размер накопительной части их страховых отчислений, соизмеряемых с уровнем официальной заработной платы, которые в законодательном порядке возложены на работодателей и отражаются в документах бухгалтерской отчетности.

С «темной» заработной платы, негласно выплачиваемой в конвертах работодателями своим работникам, обязательные страховые взносы в пенсионный фонд и фонд обязательного медицинского страхования не отчисляются. Таким образом большинство работодателей уходят от обязательного налогообложения, ущемляя в законных пра-

вах как наемных рабочих, так и государство, в исключительной собственности которого находятся имущество и финансовые средства социальных фондов. Причиной указанной проблемы, является отсутствие в России правового механизма, препятствующего совершению фактов нарушения работодателями законных интересов наемных рабочих, а также законодательства, регулирующего вопросы соответствия уровня заработной платы реальным трудовым затратам наемных работников. Исходя из принципиальных положений Конституции РФ, установленных ст. 2, п.3 ст. 17, 7, 21, 37, каждый гражданин в Российской Федерации имеет право на справедливую оплату труда, его охрану и достойную жизнь [1], однако в условиях рыночной экономики, данные принципы не работают. Любые жалобы со стороны наемных работников в правозащитные органы, на противоправные действия работодателей, оканчиваются последующим увольнением наемных рабочих, по надуманном работодателем «объективным» причинам, профессиональные же союзы в большинстве организаций либо полностью отсутствуют, либо прикормлены работодателями и не защищают трудовых прав граждан.

Государство, реально защищающее лишь частную собственность, не контролирует соответствие реальных трудозатрат наемных рабочих уровню получаемой ими заработной платы. Большинство руководителей различных государственных органов и частных организаций устанавливают для себя заработную плату, во много раз превышающую выплаты десяткам, а иногда и сотням наемных работников, не по реальным трудозатратам, а по меркантильным субъективистским домыслам.

Не дополучая от различных недобросовестных работодателей существенную часть налоговых отчислений, государство вынуждено пополнять внебюджетные государственные фонды за счет бюджетных ассигнований. В указанных условиях уровень социального обеспечения, нуждающейся в материальной поддержке со стороны государства части общества продвигается крайне низкими темпами.

15 ноября 2017 года экс-министр финансов Алексей Кудрин, заявил в интервью журналистам, представляющим газету «Аргументы и факты», что у правительства не осталось ресурсов, чтобы платить пенсионерам нынешнюю пенсию. По его словам, чтобы платить даже нынешние пенсии, нужно отказаться от инвестиций в образование, медицину, строительство новых дорог, будущее детей [2]. Глава комитета Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов Ярослав Нилов признал слова Кудрина сигналом на то, что после выборов президента последует реформа, которая будет направлена либо на повышение пенсионного возраста, либо на увеличение стажа, что будет способствовать искусственному увеличению пенсионного возраста. По сути, и А. Кудрин и Я. Нилов, менее чем за один год предопределили существенные изменения в пенсионной реформе, т.к. уже 16 июня 2018 года распоряжением председателя Правительства РФ Д.А. Медведева в Государственную думу был внесён антиконститу-

ционный законопроект о пенсионной реформе в России. В п. 3. ст. 19 Конституции РФ говорится о том, что мужчины и женщины имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации. Вместе с тем представленный законопроект не только не уравнивал в пенсионных правах мужчин и женщин, но грубо нарушал конституционный принцип полового равенства.

Таким образом, вместо необходимого повышения социального дифференцированного налога, взимаемого с крупных предпринимателей, вывозящих полученные за счет дешевой рабочей силы и реализации стратегических сырьевых ресурсов, миллиарды долларов за рубеж, Правительство РФ решило восполнить растроченный не понятно на какие цели пенсионный фонд России, за счет рядовых работодателей и работников наемного труда, ущемив материальное положение их семей. Кроме того, решению проблемы социального обеспечения и социальной защиты населения, препятствуют крупные корпорации олигархов, определяющие ценовую политику рынка общественного потребления. Принятие государством мер, связанных с повышением различным категориям граждан заработной платы, пенсий, пособий, компенсаций и оказанием различных социальных услуг, не остается без пристального внимания крупных капиталовладельцев, которые незамедлительно реагируют на улучшение финансового положения гражданского общества, путем повышения цен на товары широкого спроса, прежде всего на энергоносители, ГСМ, транспортные расходы и др., полностью обесценивая принимаемые государством минимизированные меры, направленные на повышение качества жизни населения.

В результате противодействия двух внутриполитических систем, с одной стороны, системы государственного управления в лице Президента РФ и Правительства РФ, определяющих внутреннюю и внешнюю политику государства, и меры государства, направленные на повышение качества жизни общества и поддержки малоимущей части гражданского общества, с другой – капитализировавшейся части крупных собственников (олигархов), определяющих ценовую политику на товарном рынке и проявляющих заботу лишь о пополнении своих собственных многомиллионных капиталов, в огромном количестве вывозимых за рубеж.

Вместе с тем в ущемленном положении остаются десятки миллионов граждан, создающих своим трудом общественно-полезные ценности, а также нетрудоспособная часть общества, продолжающая жить за чертой бедности. До настоящего времени в российском государстве не рассматривается идея выработки правового налогового механизма, который ограничивал бы ежегодный вывоз десятков миллиардов долларов из России за рубеж крупными капиталовладельцами, перенаправляя их в развитие государственной экономики и решения проблем социального обеспечения малоимущей части общества.

Список литературы:

1. Конституция РФ. – М.: «Юридическая литература», 1993.
2. Кудрин, А. Пенсионный фонд России, Пенсии, пенсионеры / А. Кудрин // Аргументы и факты. – 2017. – 16 ноября.

МАКАРОВ Дмитрий Андреевич,
кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, заведующий кафедрой административного права и процесса;
dim36817245@yandex.ru

МАЮРОВ Николай Петрович,
доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургская юридическая академия, профессор кафедры теории и истории государства и права, Заслуженный юрист Российской Федерации, mayurov2010@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье изучается проблематика определения формы правления в Византийской империи, прослеживаются античный и средневековые черты её правовой системы. Авторами выявляются элементы институтов права эллинистических государств, Римской империи и средневекового канонического права.

Ключевые слова: Античность, Василевс, Византия, глава государства, император, право, Сенат, средневековье, Римская империя.

Форма правления является важнейшим элементом формы государства. Это способ формирования высших органов государственной власти, а также взаимоотношения, складывающиеся между ними. Традиционно выделяется монархическая форма правления, при которой власть правителя обладающего особым титулом, выделяющим его среди граждан наследственна и пожизненна как производная от божественной воли. Власть в республике основана на акте народной делегации. Глава государства избирается и может быть сменён. Но возможны варианты аристократического правления, при отсутствии явно выраженного института главы государства, когда его функции выполняет коллегиальный орган власти. При теократическом характере государственной власти правитель сам является земным воплощением божества. Кроме этого возможен вариант пожизненного избрания главы государства или признание божественного характера монархической власти, но сам монарх избирается народом. Возможен вариант сеньориального государства, когда страна фактически признаётся частной собственностью правящей династии и власть может переходить по наследству безотносительно к решению вопроса божественной или народной делегации государственной власти. Глава государства может держать в руках все бразды правления, или делить её с главой церкви, Сенатом, народом и т.д. Парадоксальным образом в истории Византийской империи нашли своё отражение все указанные особенности института власти главы государства.

Византийская империя просуществовала более тысячи лет. Для её граждан она представляла собой продолжающую существовать Римскую империю. Она по-прежнему воспринималась её жителями – ромеями как сохранение Римского мира, но он постепенно трансформировался в Христианский мир. Начало существования Византийской империи принято относить к дате переноса столицы государства в Константинополь императором Константином в 330 г. или начиная с 395 г., даты разделения империи на Восточную и Западную её части.

При этом важно отметить, что речи об основании нового государства не шло. В восточных провинциях продолжали функционировать все органы власти и управления, продолжало своё действие римское право и сохранялось римское гражданство. Более того, акты издавались от имени обоих императоров и Западной, и Восточной части одной империи. В дальнейшем Западная Римская империя погибла под натиском варваров в 476 г., когда предводитель варваров Одоакр принял на себя титул *Rex*, т.е. царь, племенной вождь римлян, а не император, после свержения Ромула Августула [1, с. 34]. Он выслал в Константинополь знаки императорского достоинства, таким образом официально признав исчезновение Западной Римской империи, и единственными наследниками римских правителей стали Римские императоры, правившие в Константинополе, Византийские Василевсы.

Восточная Римская империя прошла тысячелетний период своего развития, пережив период завоевания крестоносцами, вплоть до падения Константинополя под натиском турок в 1453 г. Позднее происходит падение последних осколков Византийской империи в Морее, Трапезунде, Эпире и др. Происходила постепенная трансформация позднеантичного государства в средневековое. При этом многие из элементов института главы государства, разработанные в Поздней Римской империи, сохранялись вплоть до падения Византии. В правовом статусе главы государства в Византийской империи сочеталось его понимание как эллинистического царя, по сути «бога – императора»; римского императора со всеми специфическими атрибутами его института; христианского монарха, помазанника божия.

Восточная Римская империя в значительной своей части была расположена на территориях бывших эллинистических государств. Государственным языком постепенно становится греческий, который к VII в. постепенно вытесняет латинский сначала из делового общения, а в последующем из официального делопроизводства. При этом официально латынь как государственный язык нем была отменена. Самоназвание граждан – ромеи – является испорченной греческой транскрипцией слова римляне.

Титулование восточных римских императоров заключалось в использовании традиционных римских должностей и лиц, обладавших высшей властью в государстве: принцепс, консул, понтифик максимус, император и др. Но в обыденной речи и официальных документах использовалось обозначение греческих племенных вождей, обладавших сакральной властью, – Василевсов. При этом именно

термин «император», как правило, не употреблялся. Византийцы для обозначения высшей власти главы государства использовали термин «автократор» (самодержец), как эллинистический правитель, что было близко правовой культуре эллинизированного населения восточных провинций Римской империи. В данном обществе постепенно исчезает полисный дух и доминирующими становятся вертикальные связи [2, с. 64]. Важная роль принадлежала династическому принципу переходу власти. Подчинение власти правителя было аналогичным подчинению власти божества, перед которым все люди равны вне зависимости от своего происхождения. Господствовала идея традиционного осознанного деспотизма, необходимого для координации совместных усилий многих народов в деле обороны страны, поддержания правопорядка, развития экономики и др. на этих территориях столетиями существовала власть таких империй как Египта, Хеттов, Ассирии, Персии и др. [3, с. 48].

На смену восточным деспотиям пришли империи Александра Македонского и диадохов. Во II в. до н. э. – I в. н.э. им на смену пришла власть Рима. Признание власти константинопольских императоров не вызывало никаких принципиальных возражений для эллинизированного населения Восточного Средиземноморья, а также ассирийцев, аморейцев, египтян и др. После падения Рима они по-прежнему продолжали жить в могучей империи, которая несла несомненное благо для процветания этих народов. Византия была многонациональным государством, в котором отсутствовала этнически доминирующая группа [4, с. 120]. Господствующее положение занимали не этнические греки, а именно эллинизированное население Восточного Средиземноморья и Балканского полуострова. В этой связи возвышение правителя как универсального божества над жителями государства вне зависимости от их этнического происхождения позволяло разрешать многочисленные социальные конфликты.

При этом Василевсы были римскими императорами. В государстве никогда не прекращало своё действие римское право. Существовал институт не подданства, а гражданства [5, с. 77]. Ромеи образовывали гражданскую общину. Власть органов государственной власти была производна от воли народа. Все чиновники и иные должностные лица должны были реализовывать принадлежащие им полномочия во благо интересов народа. Император избирался воле Народа, Сената и Армии.

Институт аккламации предполагал возможность выкрикнуть и поддержать любого полноправного гражданина как главы государства. Население Константинополя насчитывало сотни тысяч жителей и в X-XI вв. превышало миллион. В Антиохии и Александрии жило 300-500 тысяч человек. В этих условиях поддержка граждан, выраженная на ипподроме и его «цирковых партий», часто становилась решающей для претендента на престол [6, с. 84]. Сенат был органом, существовавшим всегда, он не был учреждён ни народом, ни консулами. В Византии его заменил Константинопольский Синклит. В нём

присутствовали представители наиболее богатых и знатных в первую очередь столичных семей, торговой и промышленной олигархии. Поддержка знати была необходима для реализации властных предписаний, издававшихся Василевсами. Армия была одним из важнейших институтов государственности. Без поддержки вооружённых сил не мог править ни один император. Как правило, именно талантливые военачальники и становились главами государства и основывали династии. Противостояние провинциальной военной знати и столичной олигархии на протяжении столетий было важнейшей движущей силой политических процессов в империи. Глава государства соединял в своих руках все бразды государственной власти. Он не мог передать власть по наследству. Более того, в любой момент народ, армия и столичная аристократия могли избрать нового императора [7, с. 89]. Глава государства – это первый гражданин, лучший и наиболее достойный, он должен был быть самым мудрым и смелым на поле боя. Если он был убит очередным претендентом на престол, то таким образом показывал свою слабость и большую достоинство претендента на высшую власть в государстве. В истории Византии было 88 императоров, не учитывая соправителей; половина из них была убита в ходе заговоров или погибли на полях сражений. Возможность для каждого полноправного ромея стать императором, с одной стороны, порождала многочисленные гражданские войны, с другой стороны, придавала стабильность политической системе. Различные этнические группы могли приводить к власти свои династии, что значительно ослабляло национальный сепаратизм. Кроме этого, харизматический тип легитимности власти способствовал тому, что подавляющее большинство Василевсов были выдающимися политическими и военными деятелями [8, с. 34].

В то же время Византия была христианским государством. Василевс был всего лишь одним из верующих государства. Он был должен, так же как и все граждане, исповедовать христианство и соблюдать божественные заповеди. В избрании императора находило своё отражение в первую очередь проявление божественного провидения. Но следует отметить, что Василевс – это верховный жрец (понтифик максимус). Миропомазание не являлось обязательной процедурой вступления на престол. В империи не было единого главы церкви. Существовали патриархи Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима. До великой схизмы XI в. признавалось значение Римского папы. Важно отметить, что Константинополь не являлся апостольским городом, и значение Константинопольского патриарха как вселенского было признано в период упадка Византийской империи. В результате, провозглашая симфонию светской и духовной власти, Василевсы фактически доминировали, решая церковные вопросы. Они созывали Вселенские соборы и председательствовали на них, оказывали влияние на избрание патриархов и могли их смещать. Активно вмешиваясь в решение религиозных вопросов и борьбу с ересями, они часто сами становились еретиками. Но на всё воля Божья,

иконоборцами были императоры Исаврийской и Амореийской династий, арианином был император Константин Великий и др.

Постоянная угроза гражданской войны и её неизбежность при выборах нового правителя требовали стабилизации политической системы византийской империи. Ромеи нуждались в уверенности в завтрашнем дне и не желали разграбления своих городов войсками претендентов на престол. В результате в империи постепенно складывается династический способ передачи власти, и она, начиная с XIII в., всё более начинает принимать патримониальный характер. Институт императорской власти не предполагает, что она должна замещаться только одним лицом. Каждый достойный гражданин может стать императором. Например, во время правления Иона Цимисхия в X в. одновременно правило 8 соправителей. Императоры проводили «выборы» в период своего правления, делая своими соправителями родственников или иных достойных лиц. Граждане приводились к присяге [9, с. 134].

Но постепенно политическая система начинает деградировать. Особенно это становится очевидным с начала XI в. и правления династии Комнинов. Происходит фактическая замена реального признания власти императора ромеями на его избрание самим императором. Власть должна была передаваться только в рамках представителей правящей династии и иные лица не могли становиться Василевсами. Династии были и ранее (Юстина, Иераклия, Исаврийцев, Македонская и др.), но никто из представителей этих династий не ставил под сомнение сам факт возможности занятия престола любым из полноправных граждан империи и основатели этих династий не отличались знатностью своего происхождения. Например, Василий Македонянин и Юстин I были крестьянами по происхождению. Но теперь происходит упрощение и деградация политической системы сократившегося в размерах государства. С XI в. власть передаётся только в рамках знатных фамилий: Комнинов, Ангелов, Дук, Ласкарисов, Палеологов и др. Государство становится во многом патримониальным владением феодалов [10, с. 24]. Но стоит отметить, что в целом процесс феодальной раздробленности не был завершён в Византийской империи. Институт римского гражданства существовал до её гибели.

Список литературы:

1. Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. 2. Европа: V-XVII вв. / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. – М., 1999. – 544 с.
2. Античная Греция: проблемы развития полиса. В 2-х т. / ред. кол.: Е.С. Голубцова и др. – М.: Наука, 1983. – 421 с.
3. Вальденберг, В. Древнерусские учения о пределах царской власти / В. Вальденберг. – Петроград., 1916. – 463 с.
4. Диль, Ш. Основные проблемы византийской истории / Ш. Даль; пер. с франц. и предисл. доц. Б.Т. Горянова; под ред. проф. С.Д. Сказкина. – М., 1947. – 183 с.

5. Дройзен, И. История эллинизма. В 3-х т. / И. Дройзен. – Ростов-на-Дону, 1995.
6. Каждан, А.П. Формы условной собственности в Византии X-XIII вв. / А.П. Каждан. – М.: Изд.-во Вост. лит., 1960. – 432 с.
7. Курбатов, Г.Л. Византия проблемы перехода от античности к феодализму / Г.Л. Курбатов, Г.Е. Лебедева. – Л., 1981. – 97 с.
8. Липшиц, Е.Э. Очерки истории византийского общества и культуры в VIII – первой половине IX в. / Е.Э. Липшиц. – М.-Л., 1968. – 450 с.
9. Медведев, И.П. Правовая культура Византийской империи. (Византийская библиотека. Исследования) / И.П. Медведев. – СПб.: Алетейя, 2001. – 576 с.
10. Общественно-политическая мысль Византии в 40-60-е гг. XIV в. – Свердловск, 1986. – 81 с.

МАЮРОВ Николай Петрович,
доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургская юридическая академия, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Заслуженный юрист Российской Федерации; mayurov2010@mail.ru

ПРУДНИКОВ Анатолий Семенович,
доктор юридических наук, профессор, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор кафедры конституционного и муниципального права, Заслуженный юрист Российской Федерации; prudi1@rambler.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье раскрываются меры, направленные на борьбу с незаконной миграцией, которые представляют собой сочетание эффективного законодательства в сфере миграции, профилактических и правоприменительных мероприятий, а также способы противодействия незаконной миграции и пути совершенствования.

Ключевые слова: *противодействие, незаконная миграция, иностранный гражданин, нежелательность пребывания.*

Изучение практики показывает, что система противодействия незаконной миграции в России в настоящее время совершенствуется.

Эффективность противодействия незаконной миграции в России может быть повышена, если государство будет внедрять в российскую действительность основные положения Роттердамской хартии «Охрана правопорядка силами полиции в полиэтническом обществе» (составлена 30 мая – 1 июня 1996 г.) [1] и доклада Совета Европы «Подготовка сотрудников полиции по вопросам миграции и межэтнических отношений». Эти документы не только нацеливают на борьбу с этнической дискриминацией, расизмом, но значительное внимание уделяют и миграционным процессам. Достаточно отметить, что шестой раздел Роттердамской хартии носит название «Участие мигрантов в преступной деятельности и участие полиции в криминализации мигрантов».

По всей видимости, назрела необходимость в государственном регулировании не только количества потоков, но и их направлений. Нужна система размещения трудящихся мигрантов не только по территориально-географическим признакам и пристрастиям, но и по профессионально-трудовым, что будет способствовать уменьшению незаконно находящихся на территории Российской Федерации.

В тех регионах, где сложная миграционная обстановка, необходимо, чтобы в личном составе подразделений по вопросам миграции

работал один из сотрудников тех этнических меньшинств, которые доминируют в среде мигрантов, как это рекомендует пункт 4 главы 2 Роттердамской хартии, необходимо «стимулировать заинтересованность в поступлении на службу в полицию представителей всех этнических групп».

«Специализация» сотрудников полиции (особенно участковых уполномоченных, оперативных работников) на сугубо миграционных проблемах на местах может значительно облегчить предупреждение незаконной миграции, создать атмосферу доверия и сотрудничества между полицией и мигрантами [2, с. 37].

Одним из направлений противодействия незаконной миграции должно быть совершенствование законодательства в сфере миграции.

Законодательство в сфере миграции – одно из самых динамичных, что связано с изменениями внешнеполитической и миграционной ситуации в стране, колеблющимися потоками мигрантов, обусловленными растущей привлекательностью России, а также участием Российской Федерации в различных международных Договорах, в частности в Договоре о Евразийском экономическом союзе.

Важным аспектом, влияющим на состояние незаконной миграции, является значительное количество на территории страны лиц без гражданства с неурегулированным правовым статусом, причем основную их часть составляют лица, освобожденные из мест лишения свободы, и в отношении которых Минюстом России приняты решения о нежелательности пребывания. Отсутствие законных оснований для нахождения в России и получения любых разрешительных документов в связи с неснятой или непогашенной судимостью приводит к рецидиву преступлений со стороны указанной категории лиц, а также совершению ими иных правонарушений. Решением данной проблемы представляется легализация их на территории страны; выдаче лицу, гражданство которого не подтвердило ни одно государство, соответствующего документа, который позволит ему находиться на территории Российской Федерации и в последующем в установленном порядке определиться со своим правовым положением.

Не менее важным в рассматриваемой сфере является, как показывает изучение практики, решение вопроса в части взаимодействия с консульскими учреждениями и дипломатическими представительствами иностранных государств при оформлении свидетельств на возвращение лицам, подлежащим принудительному административному выдворению, депортации или реадмиссии, и не имеющим документов, удостоверяющих личность и подтверждающих их принадлежность к гражданству какого-либо государства.

Данные вопросы на межгосударственном уровне не регламентированы, что в нередких случаях приводит к отмене обеспечительной меры в виде содержания лиц, подлежащих принудительной высылке из Российской Федерации, в специальных учреждениях, в связи с длительными сроками пребывания в них, и как следствие концентрации незаконной миграции.

Одной из проблем, влияющей на состояние незаконной миграции, является отказ иностранных государств принять на своей территории лицо, которое в период пребывания в России по тем или иным причинам утратило гражданство данного государства.

Одним из значимых направлений противодействия незаконной миграции является применение мер принудительного характера, обеспечивающих недопущение на территорию России иностранных граждан, представляющих угрозу безопасности страны, общественному порядку, и предотвращение их незаконного нахождения в Российской Федерации.

Применение данных мер, как показывает изучение практики, является очень эффективным и действенным способом не только пресечения незаконной миграции, но и ее предупреждения при условии разумного применения.

Так, в законодательстве Российской Федерации предусмотрены три вида принудительной высылки мигрантов за нарушения правил пребывания (проживания) в Российской Федерации и осуществления трудовой деятельности:

- административное выдворение за пределы Российской Федерации;
- депортация;
- реадмиссия.

Хотелось бы отметить, что административное выдворение назначается судом в качестве дополнительного административного наказания за совершение административных правонарушений и может быть назначено в форме самостоятельного контролируемого выезда (контроль осуществляют территориальные органы МВД России) или в форме принудительного выдворения (исполняется территориальными органами ФССП России).

Здесь важно подчеркнуть, что эффективными методами противодействия незаконной миграции являются также такие меры административного принуждения, как решения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации и решения о не разрешении въезда в Российскую Федерацию.

Отметим, что одним из важных и путей повышения эффективности защиты прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства является фактор переориентации массового и профессионального правосознания относительно места и роли «миграционной среды», «миграционного слоя» в российской действительности.

Требуется преодоление консервативных стереотипов по целому ряду идейно-психологических моментов.

В общественное правосознание должен активно «внедряться» иной жесткий стереотип – «любая форма незаконной миграции, независимо от жизненных обстоятельств, целей и мотивов противоправна и наказуема» [3].

Заслуживают поддержки предложения о принятии Миграционного кодекса, где в качестве отдельного раздела можно определить

порядок депортации и административные выдворения иностранных граждан с территории России.

Если обратиться к зарубежному опыту, то в Швеции, кроме двух парламентских омбудсменов, существуют назначаемые правительством отраслевые омбудсмены: омбудсмен потребителей, омбудсмен по равенству, омбудсмен по защите этнических прав, омбудсмен по детям, омбудсмен по недееспособности, омбудсмен по военным делам и даже омбудсмен по прессе [4]. В некоторых странах (Англия, Ирландия, Финляндия), кроме парламентских и правительственных омбудсменов, появились правозащитники в частном секторе, например, в банковском, страховом деле [5, с. 81].

Одним из главных и эффективных путей преодоления незаконной миграции и ее противодействие является совершенствование экономико-политических процессов, стабильность и предсказуемость национальной, религиозной и иной политики государства, в том числе и в сфере миграции, а также совершенствование деятельности не только подразделений по вопросам миграции, но и иных подразделений полиции при их организованном и хорошо налаженном взаимодействии в сфере миграции [6].

Список литературы:

1. Роттердамская хартия «Охрана правопорядка силами полиции в полиэтническом обществе» / пер. с англ. – СПб., 2002.
2. Баранов, В.М. «Незаконная миграция в современной России» / В.М. Баранов. – Нижегородская Академия МВД России, 2004.
3. Яшманов, Б. Новый вид на жительство в России. Поправки в закон о гражданстве упростят возвращение домой / Б. Яшманов, И. Семенова, С. Кредов // Российская газета. – 2003. – 20 июня.
4. Бобровских, А. МВД возводит плотину на пути незаконной миграции / А. Бобровских // Парламентская газета. – 2003. – 7 августа.
5. Зайпт, Е.В. Финляндский основной закон 1999 года / Е.В. Зайпт // Государство и право. – 2002. – № 3.
6. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении концепции государственной миграционной политики» № 622 от 31.10.2018 г.

НАЗАРОВА Елена Николаевна,
кандидат юридических наук, Санкт-Петербургская юридическая академия,
доцент кафедры гражданского права;
E_N_Nazarova@mail.ru

О ВНЕДОГОВОРНОМ ХАРАКТЕРЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЧЛЕНОВ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ

В статье рассматривается гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ, делается вывод о ее внедоговорной природе.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, хозяйственные общества, член органа управления.

В юридической литературе ведется дискуссия о правовой природе ответственности членов органов управления. Одни ученые полагают, что ответственность является договорной, другие – деликтной. Так, проведя комплексное изучение трудового и акционерного законодательства, Е.Н. Бычкова делает вывод о наличии обязанности акционерного общества определить, какие виды договоров они заключают с исполнительным директором и членами правления. По ее мнению, отношения между указанными субъектами могут регулироваться либо трудовым договором, включающим в себя положения Федерального закона «Об акционерных обществах», либо гражданско-правовым договором. При этом в качестве разновидностей последнего могут выступать «смешанный договор, элементами которого могут быть положения договоров о доверительном управлении имуществом и агентирования по типу поручения или же смешанный договор, элементами которого могут быть положения договора о возмездном оказании услуг и положения агентского договора по типу поручения» [1, с. 98].

Вторая группа ученых относит гражданско-правовую ответственность членов органов управления юридических лиц к внедоговорной (например, В.И. Хныкин [2, с. 96-97]).

Есть и третья точка зрения, согласно которой ответственность может быть и договорной, и внедоговорной. Примером этому может служить позиция Ф.О. Богатырева. Он, резюмируя свое рассуждение о правовой природе ответственности членов органов управления, отмечает: «Директор и юридическое лицо связаны между собой как внедоговорным (гражданским корпоративным) отношением, так и договорным (трудовым). Это приводит к тому, что один фактический состав – причинение хозяйственному обществу убытков – создает конкуренцию оснований, из которых может проистекать требование общества к директору о возмещении убытков. Требование из нарушения корпоративного отношения является деликтным требованием и

подчиняется нормам гражданского права, в частности правилам гл. 59 Гражданского кодекса РФ “Обязательство вследствие причинения вреда”. Требование из нарушения трудового договора является договорным требованием, которое регулируется трудовым законодательством» [3, с. 372-403].

О.Н. Кондратьева предлагает гражданско-правовую ответственность членов органов управления общества делить в зависимости от оснований ее возникновения «на корпоративную (договорную) ответственность, связанную со спецификой деятельности таких лиц в составе органов управления юридического лица, как следствие неисполнения или ненадлежащего исполнения ими обязанности действовать в интересах общества добросовестно и разумно, и деликтную (внедоговорную) ответственность как последствие деяния, которое член органа управления общества совершил за пределами должностных полномочий как “обычный” субъект права, например, в случае причинения вреда (поломка, уничтожение) имуществу компании» [4, с. 7].

Б.Р. Карабельников относит рассматриваемую ответственность к особому виду внедоговорной ответственности, отмечая, что, «причиняя обществу убытки, член совета директоров нарушает обязательство действовать «добросовестно и разумно», возложенное на него Законом об АО. То есть, это некое особое внедоговорное обязательство, которое допустимо, так как п. 1 ст. 8 ГК РФ содержит неисчерпывающий перечень оснований возникновения гражданских прав и обязанностей» [5, с. 80].

Думается, гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ носит внедоговорный характер, а предпринятое некоторыми исследователями деление данной ответственности на договорную и внедоговорную не имеет оснований по следующим причинам.

Основанием наступления договорной ответственности является неисполнение или ненадлежащее исполнение договора между потерпевшим и правонарушителем. Внедоговорная ответственность наступает при причинении вреда, не связанного с нарушением договора.

Возможность заключения договора с единоличным исполнительным органом общества с ограниченной ответственностью предусмотрена в ч. 1 ст. 40 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» и с единоличным исполнительным органом и членами коллегиального исполнительного органа в ч. 2 ст. 69 Федерального закона «Об акционерных обществах». Данные договоры предусматривают права и обязанности указанных лиц, за нарушение которых они могут быть привлечены к ответственности. Между тем, условиями для наступления ответственности членов органов управления могут быть только такие нарушения, которые являются противоправными в соответствии со ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ.

Следует заметить, что не со всеми членами органов управления могут заключаться подобные договоры. Сказанное отнюдь не превращает ответственность членов органов управления в договорную ответственность.

Мнение о том, что термин «договорная ответственность» не является вполне точным, исходило от В.И. Кофмана. Он полагал, что «ответственность, подпадающая под признаки договорной, наступает при нарушении обязательств, возникающих не только из договоров, но и из некоторых других юридических фактов (административных актов, односторонних сделок и др.). Термин этот следует, однако, признать приемлемым, так как в подавляющем большинстве случаев договорная ответственность является следствием нарушения именно договорных отношений» [6, с. 399].

Важное разъяснение содержалось в Постановлении Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 года о судебной практике по искам из причинения вреда, в котором среди прочего говорилось: «Если же причиненный истцу вред возник вследствие неисполнения обязательства, принятого на себя ответчиком по договору или возложенного на него в силу закона, то ответственность за вред должна определяться или в соответствии с условиями договора, существующего между сторонами (ст. ст. 117-122 ГК РСФСР и соответствующие статьи гражданских кодексов других союзных республик) или же по правилам того закона, который регулирует данное правоотношение» [7, с. 384].

Таким образом, ответственность членов органов управления хозяйственных обществ, будучи внедоговорной ответственностью, наступает не за нарушение договора, а за нарушение закона, за нарушение обязанности, предусмотренной п. 3 ст. 53 Гражданского кодекса РФ, действовать в интересах представляемого лица добросовестно и разумно.

Несмотря на возможность договорного регулирования прав и обязанностей единоличного исполнительного органа и членов коллегиального исполнительного органа, к ответственности они привлекаются в случае нарушения ими обязанности, сформулированной в ст. 53 ГК РФ.

Полезным видится разграничение внедоговорного обязательства от договорного, предложенное М.А. Рожковой в работе, посвященной внедоговорному обязательству по уплате процентов за пользование чужими денежными средствами. Автор выделяет следующие отличительные особенности внедоговорного обязательства от договорного:

1. для внедоговорного обязательства вред – и условие возникновения обязательства, и условие ответственности, а для договорного обязательства вред – лишь условие ответственности;
2. внедоговорное обязательство, по общему правилу, прекращается исполнением обязанности по возмещению убытков, а возмеще-

ние убытков по договорному обязательству, напротив, не освобождает должника от обязанности исполнить обязательство в натуре;

3. во внедоговорных обязательствах вред возмещается в объеме причиненного вреда, а в договорных обязательствах размер ответственности может превышать действительные потери кредитора;

4. внедоговорные обязательства знают ответственность лишь в форме возмещения вреда и не знают такой формы ответственности, присущей договорным обязательствам, как штрафные санкции [8, с. 30].

Применяя указанные отличительные особенности внедоговорного обязательства к гражданско-правовой ответственности членов органов управления хозяйственных обществ, можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, причинение убытков хозяйственному обществу является условием возникновения ответственности по деликтному обязательству. Наличие договора не является обязательным для привлечения члена органа управления хозяйственного общества к ответственности. При этом условия в договоре с членом органа управления об ответственности за нарушение предусмотренных в договоре обязанностей не должны противоречить закону.

Так, в соответствии с п. 5 ст. 53.1. Гражданского кодекса РФ соглашение об устранении или ограничении ответственности за совершение недобросовестных, а в публичном обществе за совершение недобросовестных и неразумных действий – ничтожно.

Во-вторых, возмещением убытков хозяйственному обществу прекращается возникшее между виновным членом органа управления и хозяйственным обществом внедоговорное обязательство. Обязанности у члена органа управления исполнить свою нарушенную обязанность в натуре закон не предусматривает. Кроме того, проблематично было бы исполнить обязанность осуществить действие (бездействие) в интересах юридического лица добросовестно и разумно в ситуации, когда действие (бездействие) уже осуществлено (или не осуществлено).

В-третьих, у члена органа управления хозяйственного общества есть обязанность возместить причиненные убытки в полном объеме. Каких-либо дополнительных мер ответственности помимо возмещения убытков закон не содержит, более того, их нельзя предусмотреть в договоре с членом органа управления.

Думается, что к размеру ответственности членов органов управления хозяйственных обществ, которая носит внедоговорный характер, подлежит применению ст. 1064 Гражданского кодекса РФ, устанавливающая общие основания ответственности за причинение вреда. В п. 1 ст. 1064 ГК РФ указано, что законом или договором может быть установлена обязанность причинителя вреда выплатить потерпевшим компенсацию сверх возмещения вреда. Следовательно, в договоре с членами органов управления может быть предусмотрена возможность увеличения размера возмещаемых убытков.

В-четвертых, внедоговорная ответственность члена органа управления ограничивается только применением такой формы ответственности, как возмещение убытков, исключая при этом какие-либо иные формы ответственности, например, в виде взыскания неустойки или выплаты процентов.

Таким образом, гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ, которая наступает за виновные действия (бездействие) членов органов управления, причиняющие убытки хозяйственным обществам, носит внедоговорный характер. Такая ответственность имеет то же основание, что и гражданско-правовая ответственность иных субъектов гражданского права. Вместе с тем, такая ответственность приобретает свои специфические черты, которые связаны с особым правовым положением одних субъектов гражданского права, одновременно осуществляющих контроль за другими субъектами гражданского права и управление ими.

Список литературы:

1. Бычкова, Е.Н. Договорная ответственность исполнительных органов акционерного общества: дис. ... канд. юрид. наук / Е.Н. Бычкова. – СПб., 2000. – 191 с.
2. Хныкин, В.И. Гражданско-правовая ответственность органов управления акционерных обществ по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / В.И. Хныкин. – М., 2005. – 236 с.
3. Богатырев, Ф.О. Ответственность директора за убытки, причиненные хозяйственному обществу / О.Ф. Богатырев // Убытки и практика их возмещения: Сборник статей. Отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2006 – 622 с.
4. Кондратьева, О.Н. Имущественная ответственность лиц, входящих (входивших) в состав органов управления хозяйственных обществ: дис. ... канд. юрид. наук / О.Н. Кондратьева. – Владивосток, 2012. – 222 с.
5. Карабельников, Б.Р. Трудовые отношения в хозяйственных обществах / Б.Р. Карабельников. – М.: ИД ФБК-ПРЕСС, 2003. – 328 с.
6. Кофман, В.И. Избранные труды по гражданскому и хозяйственному праву / В.И. Кофман. – Екатеринбург: Бизнес, менеджмент и право, 2011. – 590 с.
7. Новицкий, И.Б. Общее учение об обязательстве / И.Б. Новицкий, Л.А. Лунц. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 412 с.
8. Рожкова, М.А. Внедоговорное обязательство по уплате процентов за пользование чужими денежными средствами / М.А. Рожкова // Хозяйство и право. – 2005. – № 9. – С. 28-35.

ПАВЛОВ Владимир Григорьевич,
*доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургская юридическая академия,
профессор кафедры уголовного права,
заслуженный юрист Российской Федерации;
pavlovvladimir45@mail.ru*

РОССИЙСКУЮ СИСТЕМУ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ НЕОБХОДИМО СОВЕРШЕНСТВОВАТЬ

В статье рассматриваются с современных позиций актуальные вопросы, связанные с совершенствованием российской системы уголовных наказаний. Автором анализируются недостатки по применению некоторых видов уголовных наказаний и пути совершенствования законодательных новелл в судебной практике.

Ключевые слова: *система уголовных наказаний, виды наказаний, уголовное законодательство, совершенствование, судебная практика.*

Важной проблемой в теории уголовного права и в правоприменительной деятельности является совершенствование системы уголовных наказаний в современной России. Такого рода положение в действующем уголовном законодательстве обусловлено прежде всего изменившимися политическими и экономическими реалиями в жизни страны, а также карательной политикой государства в отношении лиц, осуждённых за совершение различных преступлений.

В этой связи следует отметить, что наиболее интересно и ёмко сформулировал понятие системы наказаний в действующем уголовном законодательстве С.Ф. Милуков. По его мнению, систему наказаний можно определить «как совокупность предусмотренных уголовным законом видов государственного принуждения, которые находятся в отношениях взаимосвязи, взаимозависимости и взаимозаменяемости, способные обеспечить достижение целей кары (восстановления социальной справедливости), общего и специального предупреждения, а также исправления преступника, назначаются судом за конкретные преступления, исходя из принципов уголовного права» [2, с. 152].

При этом следует отметить, что каждая система уголовных наказаний постоянно структурно изменяется и на законодательном уровне совершенствуется. Так, например, если обратиться к УК РСФСР 1960 г., то в нём система наказаний, предусмотренная ст. 21 данного уголовного закона, строилась по принципу от более строгого к менее строгому. На первом месте в этой системе наказаний было лишение свободы, а самые последние были указаны наказания (конфискация имущества, а также лишение воинского или

специального звания). Всего в систему входило 11 видов уголовных наказаний.

Однако в УК РФ 1996 г. законодатель избрал другой принцип построения системы наказаний: от менее строгого к более строгому. В настоящее время ст. 44 УК РФ предусматривает следующие виды наказаний:

- а) штраф;
- б) лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью;
- в) лишение специального, воинского или почётного звания, классного чина и государственных наград;
- г) обязательные работы;
- д) исправительные работы;
- е) ограничение по военной службе;
- з) ограничение свободы;
- з1) принудительные работы;
- и) арест;
- к) содержание в дисциплинарной воинской части;
- л) лишение свободы на определённый срок;
- м) пожизненное лишение свободы;
- н) смертная казнь.

Разумеется, данная система наказаний с позиций сегодняшнего дня не является безупречной, т.к. она вызывает со стороны учёных и практических работников много вопросов. Само же построение новой системы наказаний зависит от множества факторов, в частности от карательной политики государства в современных условиях предупреждения преступности в нашей стране. Вместе с тем система уголовных наказаний нуждается и в существенной законодательной корректировке.

Смертная казнь является наиболее суровой мерой наказания (ст. 59 УК РФ) и в системе наказаний занимает последнее место (ст. 44 УК РФ). В этой связи, как отмечал А.С. Михлин, вряд ли есть более важная проблема в уголовном праве, по которой было бы больше споров среди учёных, политиков и практиков, чем проблема смертной казни. При этом дискуссии об отмене, а также сохранении смертной казни в России ведутся ещё с XVIII века [3, с. 702, 754].

Смертная казнь как исключительная мера наказания была предусмотрена в первых уголовных кодексах, а в дальнейшем – и в уголовном законодательстве СССР.

После окончания Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) произошли существенные изменения в уголовной политике советского государства. Отменили уголовные законы, действовавшие в период военного времени.

Однако в дальнейшем произошло значительное реформирование всей правовой системы государства, что нашло своё отражение и в уголовном законодательстве. Важным этапом в развитии советского уголовного законодательства и его институтов

является принятие Верховным Советом СССР 25 декабря 1958 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик. И здесь следует отметить, что Основы 1958 г. не включили смертную казнь в систему наказаний, а выделили её в самостоятельную статью (ст. 22) как исключительную меру наказания впредь до её окончательной отмены.

В УК РСФСР 1960 г. смертная казнь как исключительная мера наказания (ст. 23) была предусмотрена в 9-ти составах преступлений, а также за различные воинские преступления при их совершении в военное время или в боевой обстановке.

В настоящее время УК РФ 1996 г. предусматривает назначение смертной казни как исключительной меры наказания лишь за преступления, связанные с посягательством на жизнь человека. К таким преступлениям относятся убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК РФ); посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ); посягательство на жизнь лица, осуществляющее правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ); посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ); а также геноцид (ст. 357 УК РФ).

При этом следует отметить, что, согласно ч. 2 ст. 59 УК РФ, смертная казнь как исключительная мера наказания не может быть назначена женщинам, несовершеннолетним лицам, которые совершили преступления в возрасте от 14 до 18 лет, а также мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора 65-летнего возраста.

Далее следует сказать, что 28 апреля 1983г. страны, входившие в Совет Европы, подписали Протокол № 6 к Европейской Конвенции по правам человека, в которой отмечается, что смертная казнь отменяется, а также никто не может быть приговорён к ней или казнён. Россия подписала Протокол № 6 16 мая 1996 г., введя мораторий на исполнение смертных приговоров. Вместе с тем Протокол № 6 до настоящего времени не ратифицирован Федеральным Собранием Российской Федерации [1, с. 180].

Таким образом, с позиций сегодняшнего дня вопрос об отмене смертной казни в России остаётся открытым, хотя данная проблема в уголовном законодательстве, несомненно, настоятельно требует своего окончательного разрешения.

В настоящее время система уголовных наказаний, предусмотренная УК РФ 1996 г. (ст. 44), включает и такой вид основного наказания, как пожизненное лишение свободы, которое является альтернативой смертной казни.

Пожизненное лишение свободы устанавливается за совершение лицом особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь либо за совершение особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, а также общественной безопасности и половой неприкосновенности несовершеннолетних, которые не

достигли 14-летнего возраста (в ред. Федеральных законов от 21 июля 2004 г. № 74-ФЗ; от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ; от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ).

При этом пожизненное лишение свободы, как и смертная казнь, не назначается женщинам, а также несовершеннолетним в возрасте до 18 лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора 65-летнего возраста (ст. 57 УК РФ).

Назовем преступления, за которые устанавливается пожизненное лишение свободы: убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК РФ); посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ); посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ); посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ); геноцид (ст. 357); террористический акт при отягчающих обстоятельствах (п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ).

Вместе с тем следует отметить, что осуждённые к пожизненному лишению свободы могут условно-досрочно освобождены, но только после отбытия 25-летнего срока и при отсутствии у осуждённого злостных нарушений в течение предшествующих 3-х лет, и если суд придёт к выводу, что осуждённый не нуждается в дальнейшем отбывании наказания. Лицо, совершившее в период отбывания пожизненного лишения свободы новое тяжкое или особо тяжкое преступление, условно-досрочному освобождению не подлежит (ч. 5 ст. 79 УК РФ).

Отбывание уголовного наказания в виде пожизненного лишения свободы назначается в исправительных колониях особого режима, а также в специализированных колониях для осуждённых к данному виду наказания.

Учёные и практические работники на протяжении многих лет обращают внимание на несовершенство российской пенитенциарной системы, которая требует существенной реорганизации, в частности, когда речь идёт о пожизненном лишении свободы. Уже сам факт, что осуждённые к пожизненному лишению свободы отбывают наказание в различных колониях, не оказывает эффективного воздействия на них и создаёт дополнительные трудности в реализации самого наказания в местах его отбывания. Данные обстоятельства требуют со стороны государства активнее решать вопросы, связанные с построением новых специализированных колоний по отбыванию уголовного наказания в виде пожизненного лишения свободы.

Таким образом, пожизненное лишение свободы как бессрочная изоляция осуждённого от общества, в связи с тем, что в настоящее время государством не созданы соответствующие условия для реализации этого наказания, оно не достигает своих целей, предусмотренных ч. 2 ст. 43 УК РФ, в частности: 1) восстановления социальной справедливости; 2) исправления осуждённого и 3) предупреждения совершения новых общественно опасных деяний.

Другим видом в системе уголовных наказаний (ст. 44 УК РФ), требующим совершенствования, является арест (ст. 54 УК РФ), заключающийся в содержании осуждённого в условиях строгой изоляции от общества, который устанавливается на срок от 1 до 6 месяцев.

Арест относится к основным видам уголовного наказания, применяемый за преступления небольшой и средней тяжести. Для исполнения наказания в виде ареста предполагалось создать соответствующую инфраструктуру, то есть специальные учреждения в виде арестных домов изоляционного направления. Однако до настоящего времени арестные дома в России не созданы, так как строительство такого рода учреждений пенитенциарной системы требует выделения значительных финансовых затрат, хотя законодатель предполагал их ввести в действие в 2001 г.

Следовательно, в связи с отсутствием в стране арестных домов в настоящее время данный вид уголовного наказания судами практически не применяется, а перспектива его весьма туманна, т.к. отсутствует и соответствующая поддержка со стороны государства.

В этом случае возникает закономерный вопрос о целесообразности исключения ареста из системы уголовных наказаний, который имеет много общего с лишением свободы на определённый срок (ст. 56 УК РФ). Если говорить об отношении учёных и практических работников к аресту, то они в основном противоречивы.

Требует своего совершенствования и такое уголовное наказание, как обязательные работы (ст. 49 УК РФ) в качестве основного вида уголовного наказания (в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ и Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ). Обязательные работы заключаются в выполнении осуждённым в свободное от основной работы или учёбы время безвозмездных каких-либо общественно полезных работ. При этом разновидность обязательных работ и объекты, на которых они отбываются, как правило, определяются органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями (ч. 1 ст. 49 УК РФ).

Правовая природа обязательных работ имеет достаточно отличительных признаков, позволяющих их отграничивать от исправительных работ (ст. 50 УК РФ), которые также назначаются осуждённым лицам в качестве основного наказания без изоляции от общества.

Практика показывает, что обязательные работы (ст. 49 УК РФ) в связи с несовершенством уголовного и уголовно-исполнительного законодательства применяются весьма ограниченно. По существу, обязательные работы, исходя из сути закона, являются общественно полезными.

Слабая эффективность обязательных работ ещё состоит и в том, что данный вид уголовного наказания практически не применяется в

отношении несовершеннолетних лиц, которое предусмотрено ст. 88 УК РФ.

Особо следует отметить, что обязательные работы необходимо отличать от другого уголовного наказания (ст. 531 УК РФ) – принудительных работ, которые по существу в некоторой степени дублируют наказание, предусмотренное ст. 49 УК РФ.

Таким образом, несмотря на то, что ст. 531 УК РФ была введена Федеральным законом 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ в редакции Федерального закона от 23 апреля 2018г. № 96-ФЗ, тем не менее, она требует существенной содержательной доработки со стороны законодателя.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что система уголовных наказаний, предусмотренная в ст. 44 УК РФ, не соответствует современным реалиям по своему карательному и воспитательному воздействию в отношении лиц, осуждённых за различные преступления.

Список литературы:

1. Бриллиантов, А.В. Назначение наказания. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Бриллиантов; под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект. 2010.
2. Милуков, С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа / С.Ф. Милуков. – СПб.: СПБИНВЭСЭП, 2000.
3. Михлин, А.С. Смертная казнь. Энциклопедия уголовного права. Т. 8. Уголовная ответственность и наказание / А.С. Михлин; под ред. В.Б. Малинина. – СПб.: СПбГКА, 2007.

ПОПОВ Алексей Павлович,
*доктор юридических наук, доцент, Российский
экономический университет имени Г.В.
Плеханова, профессор кафедры
предпринимательского и таможенного права;
apporov@yandex.ru*

ДАВУДГАДЖИЕВ Закарья Мухтарович,
*Российский экономический университет имени
Г.В. Плеханова, магистрант; zmdavud@mail.ru*

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ КАК ВИДА ПУБЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В статье анализируются отдельные аспекты государственной собственности. Феномен государственной собственности исследуется через призму собственности публичной.

Ключевые слова: *право собственности, публичная собственность, государственная собственность, собственность субъектов Федерации, публичный собственник.*

Право собственности – это одна из юридических форм власти лица над стоимостью или ценностью, причем не всего подряд, а только индивидуально определенных вещей, причем опять-таки не любым способом, а только путем господства над самой этой конкретной вещью. Право собственности – не единственная правовая форма такой власти, право собственности представляет собой одно из так называемых вещных прав – правовых форм непосредственного фактического господства человека над вещью. Возможно ли существование иных форм такого господства? Конечно, ведь над вещью можно господствовать не непосредственно, а через посредство господства над лицом, у которого соответствующая вещь находится; имя таким формам господства – обязательственные права. Именно поэтому можно говорить о собственности на безналичные деньги и бездокументарные ценные бумаги, но безграмотно говорить о праве собственности на них; точно так же позволительно рассуждать о различных формах собственности, но не правах собственности [1, с. 21].

Словосочетания «частная собственность», «публичная собственность», «государственная собственность», «муниципальная собственность», «феодалная собственность», «буржуазная собственность», «социалистическая собственность», «колхозно-кооперативная собственность», «собственность общественных организаций», «личная собственность», «собственность граждан» и т.п. со всех точек зрения безупречны, точно так же, как и обозначения типа «право частной собственности», «право публичной собственности» и т.д. Но никто не говорит «частное право собственности», «публичное право собственности», «буржуазное право собственности» и о т.п. видах и

формах права собственности. И это не случайно, поскольку право собственности (в субъективном смысле) – оно одно (и частное, и публичное, и феодальное, и любое другое).

Конечно, правовая регламентация отношений собственности в различные времена и у различных народов разнится и порой весьма существенно, что не может отменять действия принципа юридического равенства всех субъектов частного права, в том числе всех обладателей права собственности. Отмена этого принципа приводит к образованию понятий о нескольких различных субъективных правах, использование слова «собственность» в наименовании каждого из которых является, скорее, делом привычки, чем следствием их содержательного сходства. Так было во всех обществах, не знавших принципа юридического равенства субъектов гражданского права, в частности, в феодальном и социалистическом; отчасти подобное неравенство сохраняется и теперь. Однако вне всякого сомнения «имущественный оборот в рыночном хозяйстве требует принципиального равенства прав товаровладельцев как собственников имущества... Возможности по отчуждению и приобретению (присвоению) вещей должны быть одинаковы для всех товаровладельцев. В противном случае единого, нормального имущественного оборота просто не получится» [2, с. 14-16].

Так, различия права публичной (государственной) и права частной собственности проявляются в объектах (объекты, ограниченные и изъяты из оборота, находятся в публичной собственности), в способах возникновения (конфискация, национализация, изъятие для государственных нужд, налоги присущи только публичной собственности, а приватизация, напротив, – частной собственности), в объеме и характере ответственности (юридическое лицо как банкрот отвечает перед кредиторами всем своим имуществом, граждане – за известными изъятиями, предусмотренными гражданским процессуальным законодательством, публично-правовое образование практически вообще не может быть объявлено банкротом) [3, с. 370]. Кроме того, основное отличие публичной собственности от правоотношений частной собственности заключается в том, что объекты государственной собственности должны использоваться по целевому назначению, т.е. для материального обеспечения своих социальных функций.

Таким образом, традиционное использование объектов государственной собственности «своей властью и в своем интересе» объективно не может возникнуть, хотя в теории гражданского права разрабатывается категория «публичного интереса», которая активно используется учеными в настоящее время [4, с. 36]. Наиболее устоявшееся мнение рассматривает публичный интерес как разновидность общественных интересов, что напрямую связано с правовой природой государства.

Необходимо иметь в виду, что на данном этапе развития отечественной правовой системы понятие «публичная собственность» яв-

ляется скорее научным, собирательным и в текстах нормативных правовых актов не встречается.

О.И. Короткова также выделяет право публичной собственности, возникающей по поводу природных объектов, говоря о его различиях с правом частной собственности. «Ныне можно констатировать, — отмечает автор, — что, в отличие от права частной собственности, в котором доля регулирования отношений нормами административного права относительно незначительна, право публичной собственности на природные объекты представляет собой комплексный правовой институт, состоящий из норм гражданского, административного, конституционного и экологического права» [5, с. 65].

Очень часто понятие публичной собственности ассоциируют с родственными понятиями: общей собственностью, государственной собственностью, социалистической или народным достоянием [6, с. 9]. В противоположность юристам экономисты довольно широко используют понятие публичной собственности, при этом обращают не столь пристальное внимание на его юридическую специфику.

В современной правовой системе в принципе не существует противовеса частной собственности. При этом совершенно верно указывается, что таким противовесом не может быть общая и коллективная собственность. Действительно, общая собственность и коллективная собственность, например, собственность акционерных обществ, не является, как правило, публичной собственностью. Все дело здесь в понимании такого свойства, как «публичность». Данное понятие довольно сложно для правовой интерпретации, да и в обычном литературном словоупотреблении оно имеет весьма неопределенный смысл [7, с. 27].

Понятие публичной собственности достаточно активно используется специалистами зарубежных стран. Оно традиционно понимается как совокупность природных и имущественных объектов, находящихся в общедоступном, публичном пользовании всего общества, всех граждан (пляжи, музеи, леса и т.д.). В этом смысле публичная собственность видится как способ присвоения каждым членом общества особо ценных материальных благ (как правило, природных ресурсов и культурных ценностей). К отличительным признакам публичной собственности в таком понимании можно отнести особый общественно значимый для всего населения характер материальных объектов и особый характер субъектов присвоения — каждый член сообщества выступает собственником этих объектов. В данном качестве публичная собственность имеет сходство с понятиями «достояние», «национальное достояние» [8, с. 18].

Публичная собственность представляется и как совокупность общедоступных для удовлетворения общего блага объектов, например, пляжей, парков, некоторых видов вод, ценных пород ископаемых и т.д. Эта собственность помещается в рамки государственной собственности с выделением особого правового режима ее регулирования.

Соотношение понятий публичной собственности как совокупности государственной и муниципальной (в широком смысле слова) и как особого правового режима для ряда объектов (в узком смысле слова) решается по-разному.

Еще одним спорным вопросом права публичной собственности является вопрос о ее субъектах. В советский период после закрепления в законодательстве господства государственной социалистической собственности выделяли различные теории. В итоге господствующее положение в науке, а затем и в законодательстве получила концепция единого фонда, согласно которой единым и единственным собственником государственного имущества признавалось само Советское государство [9, с. 347].

В связи с федеративным устройством страны некоторые ученые поднимали вопрос и об иных публичных собственниках, в частности, союзных республик. Но в советское время они не могли рассматриваться в качестве самостоятельных участников, появлялось множество теорий относительно их участия в осуществлении правомочий собственника.

Впервые множественность публичных собственников была закреплена Законом СССР 6 марта 1990 г. № 1305-1 «О собственности в СССР» [10] и Законом РСФСР от 14 июля 1990 г. «О собственности в РСФСР» [11]. С этого времени сама Российская Федерация, а также входящие в ее состав области, автономные области, края, республики стали считаться независимыми друг от друга собственниками, не отвечающим по обязательствам друг друга. Следует указать, однако, что подобное положение долгое время оставалось декларативным, так как другие нормативные акты закрепляли подчиненность одних собственников другим. Например, законодательство о приватизации не позволяло субъектам Федерации быть свободными в распоряжении своим имуществом.

Поэтому появилась теория многоуровневого характера государственной собственности, которая объявлялась вынужденным этапом перехода от монополистической собственности к рыночным отношениям. Под многоуровневым характером понималось сохранение государством статуса собственника первого уровня, в противовес субъектам Федерации – собственникам второго уровня, которые остаются в системе единой государственной власти, и поэтому не могут быть самостоятельными и независимыми [12, с. 28].

В настоящее время ситуация вновь изменилась в сторону увеличения независимости регионов. Однако в науке гражданского права все еще отсутствует единство мнений о субъектах государственной собственности. Можно выделить следующие точки зрения по рассматриваемой проблеме:

1) публичные собственники являются независимыми и равноправными собственниками своего имущества;

2) теория многоуровневого характера государственной собственности;

3) теория разделенной, рассеченной собственности.

Авторы последней теории усматривают указание на общую собственность в ст. 214 ГК РФ, хотя данная норма явно разделяет имущество, принадлежащее Российской Федерации, и имущество, принадлежащее субъектам Российской Федерации [13, с. 52]. Представляется, что, основываясь на такой ошибочной предпосылке, ее сторонники выделяют помимо противостоящих собственников (Российской Федерации и ее субъектов) еще и третьего публичного собственника (российское государство).

Кроме того, в последнее время особое значение приобретает вопрос о выделении еще одного публичного собственника. Данный подход основывается на использовании в Конституции РФ двух терминов: «народ Российской Федерации» и «народы, проживающие на соответствующей территории», в том числе применительно к владению и пользованию природными ресурсами. В некоторых нормативных актах о природных ресурсах также говорится о них (например, о лесном фонде) как о публичном достоянии народа России. Поэтому есть авторы, которые предлагают объявить некоторые природные ресурсы, имеющие особую социальную значимость и составляющие основу государственной безопасности, общегосударственной собственностью или общим достоянием народа. Такую особую собственность предлагают рассматривать как «иную форму собственности», допускаемую законом. Они полагают, что такой подход позволит решить проблему разграничения собственности между Российской Федерацией и ее субъектами. Уникальные объекты национального достояния должны иметь особый правовой статус, неподвластный даже государству, основанный на предоставлении им охраны без права изменять их правовой режим [14, с. 632-633].

Другие исследователи, поддерживающие взгляд на природные ресурсы как на объект, требующий особого правового режима, считают, что таковые нужно вообще исключить как объект права собственности. Поскольку они создавались без участия человека, отсутствуют нравственные основания притязать на обладание ими на праве собственности. Данные объекты необходимо объявить общим достоянием, которое не может принадлежать на праве собственности никому [15, с. 32]. Однако следует указать на ошибочность данного подхода, поскольку это приведет к появлению «ничейного» имущества, что создаст почву для неопределенности и бесхозяйственности.

Таким образом, в настоящее время российский законодатель выделяет двух собственников государственного имущества: Российскую Федерацию и ее субъектов. При этом общая направленность современного законодательства на протяжении последних лет заключается в придании каждому из них действительной самостоятельности и независимости.

В настоящее время важной проблемой является формирование единообразного механизма позволяющего разграничивать виды публичной собственности, в частности собственности Российской Феде-

рации и собственности субъектов Российской Федерации. Особо остро вопрос о разграничении собственности стоит в сложносоставных или двухуровневых субъектах Российской Федерации, поскольку в соответствии со ст. 66 Конституции РФ некоторые автономные округа входят в состав края или области. Как правило, круг полномочий таких органов оказывается урезанным. Разграничение собственности субъекта Российской Федерации и входящего в его состав округа производится на договорной основе, т.е. на основе заключенных между ними соглашений о разграничении собственности. Последние в основном предусматривают, что органы автономного округа осуществляют на своей территории все полномочия органов государственной власти субъекта Федерации, а субъект Федерации разрабатывает концепцию развития региона, и собственником имущества, как правило, остается сам субъект Федерации.

Список литературы:

1. Суханов, Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк / Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2017. – 560 с.
2. Чердакова, Л.А. Собственность и право собственности: проблема соотношения понятий / Л.А. Чердакова // Российская юстиция. – 2016. – № 5. – С. 14-16.
3. Суханов Е.А. Право собственности в современной России // Собственность в XX столетии / Е.А. Суханов. – М.: РОССПЭН, 2001. – 502 с.
4. Скловский, К.И. Вопрос о пределах вмешательства государства в частную собственность в судебной практике / К.И. Скловский // Хозяйство и право. – 2002. – № 6. – С. 33-39.
5. Короткова, О.И. Реформирование управления государственной собственностью - одно из важнейших направлений государственной политики при реализации административной реформы / О.И. Короткова // Адвокат. – 2010. – № 6. – С. 41-45.
6. Гаврилов, Е.В. Понятие и признаки права собственности: комплексный подход / Е.В. Гаврилов // Законодательство и экономика. – 2010. – № 11. – С. 8-11.
7. Спектор, А.А. Понятие и особенности юридического механизма распоряжения государственной и муниципальной собственностью / А.А. Спектор // Административное и муниципальное право. – 2009. – № 3. – С. 25-29.
8. Гаджиев, Г.А. Конституционные основы современного права собственности / Г.А. Гаджиев // Журнал российского права. – 2006. – № 12. – С. 17-24.
9. Иоффе, О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР // Избранные труды по гражданскому праву / О.С. Иоффе. – М.: Статут, 2000. – 679 с.
10. Закон СССР 03.03.1990 № 1305-1 «О собственности в СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1990. – № 11. – Ст. 164 (утратил силу).

11. Закон РСФСР от 14.07.1990 № 443-1 «О собственности в РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. – 1990. – № 7. – Ст. 101 (утратил силу).
12. Мозолин, В.П. Модернизация права собственности в экономическом измерении / В.П. Мозолин // Журнал российского права. – 2011. – № 1. – С. 26-30.
13. Винницкий, А.В. Публичная собственность / А.В. Винницкий. – М.: Статут, 2013. – 473 с.
14. Рыженков, А.Я. Очерки теории права собственности (прошлое и настоящее) / А.Я. Рыженков, А.Е. Черноморец. – Волгоград: Панорама, 2005. – 971 с.
15. Царапкина, Ю.Е. Земля и право собственности на природные ресурсы / Ю.Е. Царапкина // Журнал российского права. – 2006. – № 6. – С. 31-35.

ПОТАПОВ Юрий Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургская юридическая академия, доцент кафедры уголовного права; upotapov@yandex.ru

АФАНАСЬЕВ Никита Сергеевич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; afanas_ns@gmail.com

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ: ПОНЯТИЕ, СИСТЕМА, ЮРИДИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В статье рассматривается понятие института уголовной ответственности за корыстные имущественные преступления, проводится анализ системы таких правонарушений, а также дается юридическая характеристика их составов.

Ключевые слова: имущество, посягательство, собственность, квалифицирующие признаки, возмещение, отчуждение.

Конституция РФ составляет основу законодательного урегулирования собственности, которая гарантирует охрану от противоправных посягательств на права и свободы человека, в том числе и права на собственность – право каждого иметь в собственности имущество, свободно им владеть, пользоваться и распоряжаться. Государство гарантирует гражданам защиту их прав и свобод. Конституция РФ устанавливает равноправие и равную защиту как государственной, муниципальной, частной, так и других форм собственности [1]. К способам защиты прав и свобод граждан, а также интересов государства и собственности относится их уголовно-правовая защита.

Преступлениями против собственности является совокупность деяний, которые заключаются в прямом незаконном завладении чужим имуществом. Для современного уголовного права понятие «хищение» новым не является.

Ещё в Русской правде и судебниках встречается понятие «татьба», которое аналогично понятию «хищение». С тех пор институты уголовной ответственности за корыстные имущественные преступления развиваются непрерывно. Сравнительно недавно, в советском уголовном законодательстве, которое было ориентировано на охрану общественной и государственной собственности, устанавливалась различная ответственность в зависимости от формы собственности за хищения и другие имущественные преступления.

Современное законодательство учитывает, что посягательства на чужое имущество имеют разную общественную опасность и совершаются при различных обстоятельствах. Это принимается во внимание при формулировании основных составов посягательств на чужое имущество, что также проявляется в выделении квалифицирующих признаков.

Под хищением чужого имущества понимаются совершённое с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие или (и) обращение чужого имущества в пользу виновного либо других каких-либо лиц, которое причинили ущерб собственнику либо другому владельцу этого имущества.

Признаки хищения:

1. Корыстная цель, которая предполагает стремление лица совершением преступного деяния извлечь выгоду имущественного характера для себя либо других лиц, к примеру, завладеть какой-нибудь вещью. Мотивы (побуждения), как правило, являются тоже корыстными. Однако возможны и другие побуждения, к примеру, продемонстрировать свою индивидуальность и свои способности, желание раздать похищенное страждущим и голодным, чувство ложного товарищества. Современная судебная практика идёт по пути признания корыстного мотива как обязательного признака хищения.

2. Противоправность деяния означает, что завладение чужим имуществом противоречит положениям законодательства, и виновный не имеет ни предполагаемого, ни реального права на обращаемое (изымаемое) имущество.

3. Безвозмездность завладения предметом преступного посягательства подразумевает обращение (изъятие) имущества без возмещения владельцу (другому собственнику) эквивалента стоимости этого имущества (личным трудом, иным имуществом, денежными средствами).

4. Изъятие чужого имущества предполагает отчуждение его от законного владельца либо другого собственника, то есть завладение имуществом, которое виновному не принадлежит. Обращение в пользу виновного предполагает возможность по своему усмотрению пользоваться или распоряжаться имуществом, к примеру, продавать, дарить, использовать по назначению. Важно, чтобы при любом хищении собственность являлась чужой. Для квалификации деяния как преступления форма собственности (общественная, государственная, муниципальная, частная) значения практически не имеет.

5. Ущерб владельцу либо другому собственнику имущества предполагает реальное, прямое уменьшение наличных имущественных фондов владельца или другого собственника имущества, которое пострадало от хищения. Иные материальные потери, которые вызваны хищением, в частности упущенная выгода, не входят в сумму, которая определяет размер похищенного и не влияют на квалификацию деяния как преступления. Размер похищенного имущества определяется исходя из его фактической стоимости на момент совершения преступления. Стоимость похищенного имущества при отсутствии сведений о цене может быть установлена на основании заключения эксперта.

В современной науке уголовного права вопрос о месте и значении предмета преступления, о его видах является дискуссионным. Предметом хищения могут выступать недвижимое и движимое иму-

щество, все те объекты либо вещи материального мира, созданные трудом человека, имеющие ценность (цену), эквивалентную вложенному труду, духовную или материальную ценность.

Среди криминалистов устоялось мнение, что под предметом хищения понимается не любой объект права собственности, а только такой, который обладает юридическим признаком, то есть для виновного является чужим; экономическим признаком, то есть объективной экономической ценностью; вещным признаком, то есть имеет определённую физическую форму [6, с. 110].

Определённые сложности при анализе юридического признака предмета хищения вызывает вопрос уголовно-правовой оценки присвоения забытых и потерянных вещей. В данном случае хищение будет иметь место (кроме всех вышеуказанных признаков самого хищения) при наличии двух альтернативных условий: при присвоении вещи виновное лицо достоверно знает, кому принадлежит присваиваемое имущество; присваиваемое имущество должно находиться во владении собственника, и этот собственник знает точно, где находится его потерянное, забытое имущество.

Предметом хищения в отличие от других преступлений не могут служить предметы, хотя и обладающие объективной ценностью, но не созданные трудом человека. Так, естественные природные богатства могут быть предметом отдельных преступлений в сфере экономической деятельности либо экологических преступлений, но не предметом хищения. Охрана от посягательств природных объектов в рамках главы 26 УК РФ «Экологические преступления» является наиболее предпочтительной с учётом заложенности в них естественных прав человека на благоприятную окружающую среду [2].

Быть предметом хищения не могут различные квитанции, накладные и другие документы, которые дают право на получение имущества, так как они сами по себе не представляют материальной ценности. Противоправное завладение такими документами с целью получения по ним чужого имущества должно квалифицироваться как приготовление к хищению. Противозаконное завладение документами, не дающими права на получение имущества, образуют состав самостоятельного преступления, предусмотренного ст. 325 УК [2]. Документы, прямо представляющие права материального характера (например, проездные билеты), должны рассматриваться в качестве предмета хищения. Спорным является вопрос об отнесении к предметам хищения безналичных денег. В настоящее время судебная практика квалифицирует завладение безналичными денежными средствами как хищение имущества, а не приобретение права на него.

Традиционно в науке уголовного права отмечается, что к имуществу не относится и не является предметом посягательств на него интеллектуальная собственность, так как она не имеет экономического содержания собственности. Результаты интеллектуальной деятельности сегодня не входят в предмет преступлений против собственности.

В Уголовном кодексе РФ наряду с общими нормами об ответственности за хищения, предметом которых является чужое имущество, предусмотрены и отдельные специальные нормы о хищениях, например, изъятых из гражданского оборота или ограниченных в таком обороте предметах. Последние установлены в ст. 221 УК РФ «Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ», ст. 226 УК РФ «Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», ст. 229 УК РФ «Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ» и ст. 325 УК РФ «Похищение или повреждение документов, штампов, печатей либо похищение марок акцизного сбора, специальных марок или знаков соответствия» [2]. Разграничение видов хищения постоянно привлекает внимание специалистов, поскольку включает в себя ряд противоречивых вопросов, требующих решения.

Хищение чужого имущества может быть следующих видов:

1. Мелкое (не более 1000 рублей). Уголовное законодательство России не знает понятия мелкого хищения. Лицо, которое похитило имущество на сумму до 1000 рублей, несет административную ответственность. В соответствии со ст. 7.27 КоАП РФ за совершение мелкого хищения чужого имущества максимальное наказание, которое лицу может быть назначено, – административный арест на срок до 15 суток [3].

2. Причинившее незначительный ущерб гражданину, совершенное не в крупном размере (свыше 1000 рублей). Устанавливается исходя из материального и финансового состояния потерпевшего (как правило, до 2500 руб.).

3. Причинившее значительный ущерб гражданину (не менее 2500 руб.). При определении данного ущерба следует исходить из имущественного положения потерпевшего, стоимости похищенного имущества, значимости утраченного имущества для собственника или иного владельца, размера заработной платы, пенсии, наличия у потерпевшего иждивенцев, совокупного дохода членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство, и других данных (до 250 000 руб. включительно).

4. В крупном размере (от 250 000 руб. до 1 млн. руб. включительно).

5. В особо крупном размере (свыше 1 млн. руб.).

6. Предметов и документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность. Данная ценность устанавливается экспертным путем.

Крупный или особо крупный размер при хищении может образоваться как в результате одного, так и вследствие нескольких преступных актов. Хищения, совершенные различными способами и причинившие в совокупности крупный ущерб, не могут объединяться единой квалификацией, так как в пределах не крупного размера квалификация преступления определяется формой хищения. Поэтому,

например, кража и растрата, каждая из которых совершена в незначительных размерах, должны квалифицироваться самостоятельно, даже если их общий размер является значительным [4, с. 61]. На практике встречаются случаи, когда значительный или особо значительный размер складывается из нескольких хищений, совершенных в одной и той же форме, поэтому возникает вопрос об их квалификации (как совокупности незначительных хищений или как одного значительного). Действия лица, совершившего несколько хищений, причинившие в общей сложности значительный (особо значительный) ущерб, должны квалифицироваться как хищение в значительном (особо значительном) размере только при условии, если они совершены одним способом и при обстоятельствах, свидетельствующих об умысле совершить хищение в значительном (особо значительном) размере, т.е. если имело место единое продолжаемое преступление.

Участники группового хищения, совершенного в значительных размерах, подлежат ответственности за хищение в значительных размерах, если оно складывается из ущерба по тем эпизодам, в которых принимал участие конкретный участник преступления. При этом не имеет значения размер наживы, извлеченной каждым участником преступления [5, с. 91].

Признаками хищения являются корыстная цель, противоправность, безвозмездность, изъятие чужого имущества, причинение ущерба собственнику имущества, а предметом хищения – движимое и недвижимое имущество, все те вещи, или объекты материального мира, созданные трудом человека, имеющие ценность (цену), эквивалентную вложенному труду, материальную или духовную ценность. Предметом хищения не могут быть естественные природные богатства, различные накладные, квитанции и другие документы, дающие право на получение имущества, интеллектуальная собственность.

Объективная сторона хищения характеризуется действиями по противоправному, безвозмездному изъятию и (или) обращению чужого имущества в пользу виновного или других лиц. К признакам объективной стороны относится также причинная связь между деянием и наступившими общественно опасными последствиями в виде причинения собственнику или иному владельцу материального ущерба.

Субъектом хищений может быть физическое, вменяемое лицо, достигшее четырнадцатилетнего или шестнадцатилетнего возраста в зависимости от конкретного состава.

Субъективная сторона хищений характеризуется прямым умыслом. Виновный осознает общественную опасность своих действий по завладению чужим имуществом, предвидит неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде причинения собственнику или иному законному владельцу материального ущерба и желает их наступления. Обязательными признаками субъективной стороны хищения являются корыстные мотив и цель.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 10.09.2019).

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661 (дата обращения: 10.09.2019).

4. Игнатов, А.Н. О насилии, его видах и их уголовно-правовом отражении / А.Н. Игнатов // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2016. – № 4. – С. 59-65.

5. Круковский, В.Е. Нефизическое насилие в уголовном праве: понятие и признаки / В.Е. Круковский, И.Н. Мосечкин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 3. – С. 89-104.

6. Кузнецов, В.С. Уголовно-правовое противодействие корыстной преступности. В.2 ч. Ч.1: учеб. пособие / В.С. Кузнецов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – 233с.

ПУСУРМАНОВ Гамаль Викторович,
кандидат юридических наук, Санкт-Петербургская юридическая академия, доцент
кафедры уголовного права, pgatal@mail.ru

О ПОНЯТИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В статье рассматриваются различные взгляды ученых на понятие «профессиональное толкование в российском уголовном праве», предлагается новая трактовка содержания профессионального толкования, на основании чего делается вывод о его отнесении к сложным видам толкования.

Ключевые слова: *уголовное право, профессиональное толкование, применение уголовного закона.*

В теории уголовного права под толкованием понимается определение содержания и выявление смысла уголовного закона в целях его правильного применения в точном соответствии с волей законодателя.

«Толкование необходимо как для выяснения в целом сути норм Общей и Особенной частей УК РФ, так и для понимания отдельных терминов, понятий, оценочных признаков составов преступлений и т.п. Таким образом, толкование выступает в качестве первоначально-го этапа применения уголовного закона и квалификации преступлений» [1, с. 59]

В юридической литературе приводятся классификации толкования уголовного закона по разным основаниям: по способам (приемам), по объему, по субъекту [2, с. 81-85].

Если классификация видов толкования, даваемого по способам (приемам) и объему, не вызывает разногласий среди представителей науки уголовного права, то в отношении толкования в зависимости от его субъекта отсутствует единство мнений.

Так, одни ученые подразделяют толкование по субъекту (или источнику) на легальное, судебное и доктринальное (или научное) толкование. [3, с. 82]. При этом выделяется официальное толкование (легальное и судебное) и неофициальное (доктринальное, научное).

Другие ученые относят к неофициальным видам толкования также профессиональное и обыденное толкование [4, с. 103]. Из этого можно заключить, что профессиональное толкование не всегда относится учеными к видам толкования.

Между тем, профессиональное толкование необходимо рассматривать как неотъемлемую часть процесса применения уголовного закона. М.П. Пронина указывает: «Толкование уголовно-правового законодательства должно рассматриваться как особый вид юридической деятельности, осуществляемый уполномоченными на то субъек-

тами, основной целью деятельности которых является единообразное понимание и применение уголовно-правовых норм» [5, с. 127].

Профессиональное толкование – это толкование, которое дается сотрудниками органов, ведущих предварительное расследование, прокуратуры, судом, адвокатами по вопросам применения уголовного закона.

Профессиональное толкование сопровождает процесс квалификации преступлений на всех его этапах и является необходимым условием правильности применения уголовно-правовой нормы.

Однако большинство ученых-правоведов полагают, что профессиональное толкование следует относить к неофициальным видам толкования. «Такое толкование не только не имеет обязательной силы, но и не влечет никаких юридических последствий» [6].

На наш взгляд, толкование, осуществляемое должностными лицами правоохранительных органов, прокуратуры, судом при применении норм уголовного закона по конкретному уголовному делу следует относить к официальному толкованию.

Данное толкование имеет обязательную силу в рамках этого дела и влечет определенные юридические последствия как для субъекта правоприменения, так и для лица, виновного в совершении преступления. Например, дознаватель с согласия прокурора, а также следователь с согласия руководителя следственного органа вправе вынести постановление о прекращении уголовного дела в порядке части 1 статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации при наличии оснований освобождения виновного лица от уголовной ответственности, предусмотренных статьями УК РФ: 75 («Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием») или 76 («Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим»), когда лицо впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести. Перед вынесением такого постановления должностные лица правоохранительных органов решают вопросы квалификации деяний и относимости деяний к данным категориям преступлений и истолковывают нормы закона. Принятие положительного решения влечет за собой наступление определенных юридических последствий в виде освобождения виновного лица от уголовной ответственности, что имеет существенное значение как для освобождаемого лица, так и для правоприменителя, который прекращает уголовное преследование данного лица.

Результатом профессионального толкования могут быть определенные юридические последствия не только в уголовно-правовой сфере, но и в сфере уголовного процесса. Так, должностное лицо правоохранительного органа, квалифицировав содеянное в сфере предпринимательской деятельности по статье 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, согласно положениям части 1.1 статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, не может применить в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде заключения под стражу. При этом невозможно отри-

цать значение толкования при применении норм права как для подозреваемого (обвиняемого), так и для должностного лица, который должен избрать иную меру пресечения.

Вместе с тем толкование, которое осуществляется вне рамок профессиональной деятельности должностных лиц, то есть не по конкретному уголовному делу, не имеет обязательной юридической силы и не влечет наступления каких-либо юридических последствий. Например, менее опытный сотрудник правоохранительного органа обращается к более опытному сотруднику с просьбой разъяснить ему какое-либо положение закона. Такое толкование сродни так называемому обыденному толкованию, при котором высказывать свое мнение по поводу положений закона вправе каждый, даже не имеющий юридического образования.

Таким образом, профессиональное толкование, по нашему мнению, следует рассматривать с двух позиций:

- когда оно осуществляется в рамках конкретного уголовного дела, находящегося в производстве сотрудника органа, осуществляющего предварительное расследование, прокуратуры или суда (тогда оно приобретает черты официального толкования);

- когда оно дается данными сотрудниками вне производства по конкретному уголовному делу (в этом случае оно относится к неофициальному толкованию).

В юридической литературе также высказывается мнение, что «профессиональное толкование носит предварительный характер и окончательный вывод о квалификации содеянного, виновности и уголовной ответственности обвиняемых лиц может сделать только суд» [7, с. 60].

Не оспаривая вывод о том, что окончательную квалификацию преступления и виновность лица в содеянном может дать только суд, следует обратить внимание на необходимость осуществления судом правильного толкования норм уголовного закона при вынесении приговора по делу. Вследствие этого толкование, даваемое судом, нужно также относить к профессиональному толкованию. Таким образом, рассматривать профессиональное толкование только как осуществляемое на стадии предварительного расследования и носящее соответственно предварительный характер, по нашему мнению, неправильно. Профессиональное толкование осуществляется как органами предварительного расследования, так и судом на стадии вынесения приговора. При этом толкование, даваемое судом при рассмотрении конкретного уголовного дела, по своему характеру будет являться как профессиональным, так и судебным толкованием.

Основываясь на изложенном, можно сделать следующие выводы:

- профессиональное толкование в уголовном праве – сложный вид толкования, сочетающий в себе черты как официального, так и неофициального толкования;

- оно может носить как предварительный (на стадии предварительного расследования), так и окончательный характер (на стадиях судебных решений).

Список литературы:

1. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров /отв. ред. А.И. Плотников. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. – 442 с.

2. Уголовное право в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник для бакалавров. 3-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 590 с.

3. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / под ред. В.П. Ревина. – М.: Юстицинформ. 2016. – 580 с.

4. Уголовное право. Общая часть: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. И.Я. Козаченко. – М.: Норма, 2008. – 720 с.

5. Пронина, М.П. Определение понятия и содержания толкования уголовно-правовых норм / М.П. Пронина // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 2 (46). – С. 123-128.

6. Толкование уголовного закона: понятие и виды. Значение толкования закона в процессе квалификации // URL: <https://infopedia.su/7x8eb6.html> (дата обращения: 08.10.2019).

7. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров /отв. ред. А.И. Плотников. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. – 442 с.

РАСПОПОВА Нина Ивановна,
кандидат психологических наук, Санкт-Петербургская юридическая академия, доцент
кафедры социально-гуманитарных дисциплин;
nina-raspopova@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЗОНЫ АКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПОДРОСТКОВ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

В статье рассматриваются причины, негативно влияющие на решение проблем ювенальной юстиции в современном обществе. Автором рассматривается возможность решения этих проблем в подростковом возрасте.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, развитие, свойства личности, подростковый возраст, потребности, общение, группа, самоопределение, антикафе.

В настоящее время существует много проблем в реализации задач ювенальной юстиции в современном обществе. Проблемы обусловлены отсутствием возможностей удовлетворения в обществе реальных, значимых потребностей подросткового возраста. Программа «Организация зоны актуального развития подростков» имеет социально-педагогическую направленность и возможность реального решения проблем подростков в рамках ювенальной юстиции.

Актуальность программы обусловлена отсутствием возможности в современном обществе удовлетворения базовых потребностей подросткового возраста: общения, самоопределения, принадлежности к группе в системе просвещения.

Подростковый возраст в периоде с момента рождения и до первичной зрелости (21 год) – самый сложный возрастной период.

Американский антрополог М. Мид исследовала подростков на островах Самоа, где сохранился первобытный образ жизни. Оказалось, что у них нет проблем подросткового возраста. На основе этих данных она сделала вывод о том, что проблемы подросткового возраста обусловлены не генотипом, а социальной ситуацией, связанной с особенностями развития общества в конкретный период. [1; 4] И с этим выводом трудно не согласиться. Очевидно, что изменить ситуацию настолько, чтобы полностью устранить проблемы подросткового возраста на данном этапе развития общества, нереально, но снизить уровень выраженности проблем подросткового возраста можно и нужно.

В основе проблемы всегда лежит невозможность или трудность удовлетворения одной или нескольких потребностей. Для понимания проблем подросткового возраста и технологий их решения необходимо выделить, понять и разобраться в базовых потребностях подросткового возраста. Базовыми потребностями подросткового возраста являются потребность в общении, потребность в принадлежности к

группе, потребность в самоопределении [1; 2; 3]. Но, не смотря на факт понимания наличия этих проблем системой просвещения, сама система не предлагает технологий создания социальной ситуации для решения этих проблем, удовлетворения базовых потребностей детям подросткового возраста, не смотря на то, что реально эти технологии существуют. Причина этого факта заключается в том, что педагогов обучают работать в зоне ближайшего развития, что, безусловно, чрезвычайно важно для общего развития ребенка, и без обучения в зоне ближайшего развития развитие в принципе невозможно. Но для формирования свойств личности категорически недостаточно того факта, что дети слышат от учителей о системе ценностей, правилах поведения и другой социально значимой информации. Общеизвестен факт, что большое количество свойств личности формируется из подражания другим людям, то есть практически без создания условий для формирования свойств личности и контроля со стороны системы просвещения, т.к. перекладывается ответственность за формирование свойств личности на родителей. Но большая часть родителей – это матери, работающие на двух, а то и трех работах. Им бы выжить. Кроме того, семья имеет проблемы, передающиеся из поколения в поколение и, безусловно, дети усваивают этот стиль жизни. Часто в семье просто нет реальных возможностей для формирования навыков многих свойств. Ребенок может подражать посторонним людям, и это семья часто не может контролировать. Общеизвестно выражение «ребенок попал в плохую компанию». Поэтому передача ответственности за формирование свойств личности ребенка на семью – это уход от решения проблемы, решаемой в системе просвещения. Но также очевиден факт, что педагоги, работающие в зоне ближайшего развития, формирующие специальные умения, знания и навыки, имеют очень ограниченные возможности для формирования свойств личности детей. Хотя бы потому, что это требует специальных знаний о возрастных и индивидуальных закономерностях развития психики, требует дополнительного времени и сил. Но, к сожалению, педагоги очень активно, иногда даже агрессивно, отстаивают свой субъективный взгляд на проблему формирования свойств личности. Это происходит, по всей видимости, из страха, что зона ближайшего развития будет заменена чем-то другим. Важна зона ближайшего развития для развития ребенка, в которой работают педагоги. Развитие ребенка без зоны ближайшего развития практически невозможно.

Речь идет о том, что в системе просвещения совершенно отсутствует. Об организации зоны актуального развития. В системе просвещения существуют организации, которые могли бы хотя бы частично решать проблемы подростков: волонтеры, Российское движение школьников и др., но так как деятельность детей в них, как правило, жестко спланирована взрослыми, и во всех этих организациях нужно делать то, что хотят взрослые, что взрослые считают нужным и правильным, то есть реально присутствует принудительный фактор, лишаящий возможности подростков личной активности, фактор, по-

давливающий личную активность подростков, эти организации существуют формально часто для отчетов.

Для создания зоны актуального развития необходимо жизненное пространство, в котором подростки могли бы удовлетворять свои потребности: в общении, принадлежности к группе, самоопределении. Для организации такой зоны можно использовать антикафе. Жизненное пространство, в котором не едят, как в обычном кафе, а общаются, играют в настольные игры, слушают музыку, смотрят кино и так далее. Эта форма организации существует во всем мире, успешно решая проблему развития личности, проблему хобби, проблему досуга. Но на данный момент в России их мало, они платные, они разновозрастные, они, как правило, удалены от места жительства. Это затрудняет возможность использовать их для подростков. Для подростков целесообразно организовать антикафе в школах со специальной программой реально решающей проблемы подростков.

Первая проблема общения, имеющая три стороны: перцептивную, коммуникативную, интерактивную. Перцептивная сторона общения включает в себя особенности восприятия человека человеком, считывания эмоционального состояния. Коммуникативная – включает в себя обмен информацией, интерактивная – взаимодействие в деятельности, что может включать все три стороны общения.

Следовательно, решение проблемы общения может успешно решаться, если подростки будут находиться в одном жизненном пространстве и иметь возможность взаимодействовать в деятельности. Таким видом деятельности могут быть, например, настольные игры.

Вторая, крайне важная проблема подросткового возраста – это проблема самоопределения. То есть проблема выбора профессиональной деятельности, хотя и проблема хобби не менее важна. Как говорят психологи, лучший отдых – это смена деятельности. И в этом плане 2-3 интереса за пределами профессиональной деятельности могли бы решать проблему не только эффективного отдыха, но и решения проблемы здорового образа жизни, отвлекая от вредных привычек и асоциального поведения, оказывая позитивное влияние на весь жизненный период.

Информацию, которую подростки получают в зоне ближайшего развития, сами они не могут систематизировать и соотнести с конкретной профессией. В лучшем случае школьный психолог протестирует в рамках профориентации и даст рекомендации, в худшем – выбор происходит в случайном порядке, что оказывает негативное влияние не только на жизнь конкретного подростка, но и на стратегическое развитие всего общества. Поэтому знакомство с конкретными профессиями крайне важно не только для развития конкретного подростка, но и для стратегического развития общества. Тестируют подростков в рамках профориентации по классификации Е.А. Климова по направлениям: человек – человек, человек – природа, человек – художественный образ, человек – знаковая система, человек – техника. Теория Е.А. Климова хорошо разработана, апробирована, но ре-

ально используется в системе просвещения только для диагностики без предоставления условий формирования специальных способностей и донесения информации о профессиях до подростков [1; 5].

Третья потребность – потребность принадлежности к группе – решалась бы сама собой. Подростки группировались бы в определенном направлении, это давало бы возможность организовать группу по интересам, что не только способствовало бы формированию групп по интересам, но снижало бы вероятность попадания подростка в плохую компанию, т.е. в группу с асоциальным поведением.

Организация зоны актуального развития подростков на данный момент времени полностью отсутствует в системе просвещения. Для решения этой проблемы целесообразно использовать технологию антикафе, педагогическую технологию «углы», классификацию профессий Е.А. Климова.

Программа создана для подростков от 10 до 15 лет (5-9 классы).

Цель программы – организация зоны актуального развития подростков в системе просвещения.

Задачи:

1. Реализация системного подхода к развитию свойств личности подростков.

2. Организация условий для удовлетворения базовых потребностей подростков: потребность в общении; потребность в самоопределении; потребность в принадлежности к группе.

В рамках организации жизненного пространства по принципу антикафе, используя педагогическую технологию «углы», можно было бы в одном жизненном пространстве организовать пять пространств, каждое из которых содержало бы информацию о конкретном профессиональном направлении. Для этого каждое пространство должно иметь настольные игры по конкретному профессиональному направлению, энциклопедии, справочники, компьютер для быстрого получения информации вызвавшей интерес. В этой социальной ситуации подросток мог бы познакомиться с любым профессиональным направлением и выбрать то, которое интуитивно кажется более важным, интересным, а в дальнейшем – и выбрать профессию, для которой у него больше потенциала и есть желание реализовываться в конкретной деятельности.

Кроме большого помещения, необходимого для организации пяти пространств по направлениям профессий, целесообразно иметь еще хотя бы одно помещение, в котором могли бы поместиться около 12 человек.

Оно необходимо для проведения социально-психологических тренингов, в которых формировались бы навыки эффективного общения, техники общения; проводились бы деловые игры; проводились бы занятия по командообразованию; игры на формирование свойств сотрудничества, которые закреплялись в большом жизненном пространстве в зоне ближайшего и актуального развития

Материально-техническое обеспечение программы:

1. Большое помещение со столами и стульями разделенное на 5 зон по направлениям профессий. В школах это могут быть столовые во второй половине дня, в Центрах творческого развития актовые залы в период между проведением мероприятий другого плана.

2. Методический материал: настольные игры, энциклопедии, справочники, по одному компьютеру в углу.

3. Небольшие помещения со стульями для проведения тренингов.

Специалисты, необходимые для реализации программы:

Так как главная цель программы создание зоны актуального развития подростков, т.е. пространства личной активности подростков, то в помещении с 5 зонами от взрослых не требуется ни большого количества взрослых, ни специального образования. Это могут быть волонтеры, родители, педагоги и т.д. Их цель – следить за тем, чтобы поведение подростков не выходило за рамки социальных норм, не вмешиваясь в деятельность подростков.

Для проведения тренингов необходимы специалисты со специальным образованием, т.е. высококвалифицированные психологии.

Планируемые результаты: удовлетворение базовых потребностей подростков, которые неизбежно приведут к улучшению качества межличностных отношений, формированию свойств сотрудничества, формированию групп по интересам, осознанному выбору профессий и других социально значимых свойств личности подростков.

Список литературы:

1. Болотова, А.К. Психология развития и возрастная психология / А.К. Болотова, О.Н. Молчанова. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – 516 с.

2. Марцинковская, Т.Д. Психология развития: учебник для студентов высш. психол. учебн. Заведений. 3-е изд. стер. / под ред. Т.Д. Марцинковской и т.д. – М.: Издательский дом «Академия». 2007. – 528 с.

3. Роль среды и наследственности в формировании индивидуальности человека / под ред. И.В. Равич-Щерба. – М.: Педагогика, 1988. – 336 с.

4. Шаповаленко, И.В. Психология развития и возрастная психология : учебник для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. / И.В. Шаповаленко. – Москва :Юрайт, 2013. – 567 с.

5. Профессиональные стандарты как основа подготовки конкурентоспособных работников: метод. пособие / сост.: М.В. Привезенцев, О.Н. Олейникова, А.А. Муравьева и др. – М.: Альфа-М, 2007. – 150 с.

СИЛИНА Елена Владимировна,
доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербургская юридическая академия, профессор кафедры гражданского процесса; slepchenko.1974@mail.ru

ПЕТРОЧЕНКО Екатерина Анатольевна,
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, магистрант; ket912@list.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Статья содержит анализ системы государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в России.

Ключевые слова: государственная поддержка, малое предпринимательство, среднее предпринимательство, корпорация МСП, Минэкономразвития.

Современная ситуация в российской экономике требует обеспечения ее устойчивого роста, в том числе с помощью расширения масштабов и перехода на новый качественный уровень малого и среднего предпринимательства (далее – МСП). МСП формируется за счет предпринимательской деятельности индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. Именно благодаря развитию МСП в стране формируются благоприятные экономические условия. МСП оказывает влияние на социально-экономические условия, поскольку создает социальную и политическую стабильность и способствует инновационному развитию экономики страны.

Поддержка МСП со стороны государства представляет собой одно из направлений экономической реформы, способствующее сокращению уровня безработицы (формированию новых рабочих мест), увеличению налоговых отчислений в бюджеты всех уровней, развитию инновационных технологий, росту здоровой конкуренции, расширению потребительского рынка ассортиментом различных товаров и услуг.

Под государственной поддержкой субъектов МСП понимают целенаправленное создание экономических и правовых условий, стимулов для развития производств, а также инвестирование в него материальных и финансовых ресурсов на льготных условиях.

Реализация комплексного анализа потребностей субъектов МСП позволит выявить наиболее высокую необходимость финансовых ресурсов в различных отраслях экономики страны. Определение потребностей малых и средних предприятий, осуществляющих свою деятельность в конкретной отрасли, позволит проведение мероприятий по финансированию данных предприятий. Постепенная реализация мер по финансированию деятельности МСП в отдельных сферах

деятельности на основе проведения комплексного анализа потребностей будет способствовать формированию новых предприятий, а также расширению деятельности уже существующих, что в дальнейшем итоге приведет к увеличению доли МСП в ВВП страны.

Согласно данным Федеральной налоговой службы, по состоянию 01.09.2019 г. в России насчитывалось около 5,8 млн.ед. (5813278 ед.), при этом 5,57 млн.ед. составили субъекты микро-бизнеса, 0,22 млн.ед. – субъектов малого бизнеса, а 0,016 млн.ед. – субъекты среднего бизнеса [1]. Можно отметить, что доля малых и микропредприятий преобладает в структуре субъектов МСП. Деятельность субъектов МСП, субсидированных государством, направлена на переработку продукции сельского хозяйства, промышленное производство продукции, производство экспортных товаров и т.д.

В настоящее время государством реализуется ряд программ, направленных на поддержку МСП:

1. Федеральные программы, направленные на реализацию государственной поддержки МСП в масштабах страны; развитие работающих малых и средних предприятий; рост объемов поддержки МСП в ближайшей перспективе.

2. Региональные программы, направленные на реализацию государственных мер поддержки МСП в границах административных регионов; развитие региональной инфраструктуры.

3. Муниципальные программы, направленные на реализацию государственных мер поддержки МСП в городах и районах; решение местных задач в сфере развития МСП.

Система государственной поддержки и регулирования МСП в России представлена органами государственной власти, занимающиеся вопросами развития МСП, институтом развития сферы МСП, нормативной правовой базой по вопросам регулирования и поддержки малого предпринимательства, инфраструктурой поддержки МСП.

Согласно Федеральному закону № 209-ФЗ от 24.07.2007 г. «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», главным органом государственной власти, осуществляющим поддержку МСП, является Министерство экономического развития РФ.

Минэкономразвития осуществляет государственную поддержку сектору МСП в соответствии с постановлением Правительства РФ от 30 января 2014 г. № 1605 «О предоставлении и распределении субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства». С 2005 г. Минэкономразвития РФ реализует программу по предоставлению субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации в целях оказания государственной поддержки субъектам МСП на региональном уровне.

В рамках программы, реализованной Минэкономразвития России, предусмотрены следующие меры поддержки для субъектов МСП [2]:

- поддержка начинающих субъектов малого предпринимательства;
- оказание информационно-консультационной поддержки субъектов МСП;
- поддержка субъектов МСП, осуществляющих деятельность в сфере производства товаров и в области промышленного производства;
- организация поддержки субъектам МСП, которые осуществляют деятельность в области народно-художественных промыслов, сельского и экологического туризма;
- создание гарантийных фондов в целях предоставления поручительств по обязательствам (кредитам, займам и др.);
- оказание поддержки экспортно-ориентированных субъектов малого и среднего предпринимательства и др.

Институт развития сферы малого и среднего предпринимательства представлен Федеральной корпорацией по развитию МСП. АО «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» (Корпорация МСП) действует в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, ФЗ от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», ФЗ от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Акционерами Корпорации МСП являются Российская Федерация (в лице Федерального агентства по управлению государственным имуществом) и государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)».

Корпорация МСП осуществляет свою деятельность в качестве института развития МСП в России. Главной задачей АО «Корпорация МСП» является повышение доступности финансирования для малых и средних предприятий. Основной целью Корпорации МСП является оказание финансовой и информационно-консультационной поддержки субъектам МСП.

Корпорация МСП предоставляет банковские гарантии по кредитам и иным долговым обязательствам, при этом разделяет кредитные риски с финансово-кредитными организациями [4, с. 146].

В рамках решения главной задачи Корпорация МСП содействует привлечению инвестиций в МСП. Совместно с Минэкономразвития РФ Корпорацией МСП с целью увеличения доступности кредитных ресурсов бизнеса была запущена Программа стимулирования кредитования объектов МСП.

Корпорация МСП выступает гарантом сделки перед банком и ЦБ, что также позволяет снизить риски и уменьшить стоимость кредитных средств для бизнеса. Если учесть, что средние кредитные ставки для субъектов МСБ варьируются в пределах 12-17% годовых, то условия данной представляются достаточно выгодными как для

банков, так и для малых и средних предприятий. Размер итоговой процентной ставки для малых предприятий в соответствии с программой составляет 10,6% годовых, а для средних предприятий – до 9,6% годовых в сумме не менее до 3 млн. руб.

Нормативная правовая база по вопросам регулирования и поддержки МСП представлена Конституцией РФ. В Конституции РФ закреплено само право заниматься предпринимательской деятельностью. Кроме того, нормативная база в сфере поддержки и регулирования малого и среднего предпринимательства представлена федеральными законами, Указами Президента РФ, Постановлениями Правительства РФ, распоряжениями Правительства РФ, а также нормативными актами субъектов РФ и органов местного самоуправления.

В рамках нормативного правового регулирования развития МСП решаются следующие задачи:

- права граждан на свободное использование своих способностей и имущества для осуществления предпринимательской и иной деятельности, не запрещенной законом [5, с. 170];

- совершенствование нормативного правового регулирования в сфере приватизации недвижимого имущества малыми и средними предприятиями;

- мониторинг практики применения специальных налоговых режимов и подготовка на этой основе предложений по внесению изменений в налоговое законодательство;

- расширение доступа субъектов МСП к закупкам, осуществляемым государственными компаниями и инфраструктурными монополиями;

- упрощение требований к ведению бухгалтерского и статистического учета субъектами МСП;

- совершенствование трудового законодательства в части регулирования отношений в сфере МСП.

Необходимо отметить, что по распоряжению Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р была утверждена «Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года». Главной целью Стратегии является развитие сферы МСП как одного из факторов инновационного развития и улучшения отраслевой структуры экономики, а также как одного из факторов социального развития и обеспечения стабильно высокого уровня занятости [3]. Стратегия предусматривает несколько способов достижения цели, среди которых основными можно выделить поддержку сектора МСП и создание условий для поддержания конкурентоспособности предприятий, обеспечение технологического развития сектора МСП, предоставление доступного финансирования сектору МСП. Предлагаемые меры по оказанию поддержки в сфере развития сектора МСП в России приносят положительные результаты в решении проблемы доступности финансовых ресурсов для субъектов МСП.

В настоящее время в России система государственной поддержки субъектов МСП заключается в оказании финансовой, информационной, консультационной поддержки через специальные органы государственной власти, институт развития сферы МСП, а также инфраструктуру поддержки. Одним из механизмов государственной поддержки МСП является льготное кредитование. Данное направление является приоритетным в системе государственной поддержки субъектов МСП в 2019 г. Применение механизма льготного кредитования показывает то, что доступность финансовых ресурсов для сектора МСП станет значительно выше.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что государственная система поддержки МСП имеет ряд недостатков, решение которые в ближайшей перспективе необходимы для успешного развития сектора МСП в будущем.

Основные недостатками государственной системы поддержки малого и среднего предпринимательства:

- несовершенство нормативной правовой базы государственной поддержки МСП [6, с. 142];
- недостаточность финансирования мероприятий по поддержке МСП на федеральном, региональном и муниципальном уровнях;
- высокая налоговая нагрузка на предприятия;
- отсутствие комплексного анализа потребностей малых и средних предприятий и мониторинга результатов тех предприятий, которые получили поддержку;
- отсутствие четкой разработки мер стимулирования инвестиций в малом и среднем предпринимательстве.

Существующие экономические сложности ведения бизнеса и возникающие проблемы развития малого и среднего предпринимательства показывают низкую результативность поддержки со стороны государства. Доля МСП в ВВП по-прежнему остается достаточно низкой в сравнении мировым опытом. Сегодня возникает необходимость формирования новых, расширения и улучшения существующих механизмов государственной поддержки МСП. Данные механизмы должны способствовать максимально продуктивному использованию социально-экономических ресурсов и возможностей субъектов предпринимательства, что позволит рационально исчерпывать бюджетные ресурсы.

Список литературы:

1. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // URL: <https://ofd.nalog.ru/> (дата обращения: 10.09.2019).
2. Министерство экономического развития РФ. Малый и средний бизнес // URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/smallBusiness/> (дата обращения: 10.09.2019).
3. Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р // URL: 143

http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=294696&fld=13_4&dst=1000000001,0&rnd=0.5577368919102814#006248219952481904 (дата обращения: 12.01.2019).

4. Петроченко, Е.А. Понятие и виды рисков в предпринимательской деятельности / Е.А. Петроченко // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: Сборник научных статей по материалам международной студенческой научно-теоретической конференции. В 2-х частях. – М., 2017. – С. 145-149.

5. Предпринимательское право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. 3-е изд., перераб. и доп. / Н.И. Косякова [и др.]; под редакцией Н.И. Косяковой. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 447 с. – URL: <https://biblio-online.ru/bcode/432783> (дата обращения: 10.09.2019).

6. Развитие нормативно-правовой базы малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации / И.В. Бородушко, И.С. Кокорин // Ленинградский юридический журнал. – 2019. – № 1 (55). – С. 133-144.

СТАЦЕНКО Владимир Григорьевич,
кандидат исторических наук, доцент,
Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова, доцент кафедры
уголовного права и уголовного процесса;
vladimir-stazenko@yandex.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УБИЙСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Статья посвящена криминологическому анализу умышленных убийств в Российской Федерации и Республике Беларусь. Сравнительный анализ, проведенный автором, направлен на решение проблем расследования и предупреждения убийств.

Ключевые слова: *убийства, динамика, уровень убийств, Российская Федерация, Республика Беларусь, криминологические особенности убийств, профилактика убийств.*

Среди всех преступлений особую категорию составляют преступления, посягающие на жизнь и здоровье людей, среди которых — убийства. Являясь особо тяжкими преступлениями против жизни и здоровья человека, убийства относятся к категории наименее латентных преступлений и характеризуются относительно стабильной динамикой. Как полагают исследователи, именно эти их особенности позволяют рассматривать умышленные убийства в качестве важнейших индикаторов криминальной ситуации на конкретной территории, а динамика их показателей позволяет судить о состоянии преступности в целом [1, с. 90].

Следует оговориться, что характеристика убийств как наименее латентных преступлений имеет лишь сравнительно оценочную коннотацию. Более низкая латентность этих преступлений в сравнении с другими (например, кражами) требует оценки и учета при осуществлении криминологического анализа убийств. Как отмечает, например, в своей работе Л.А.Козырицкий [2, с. 787-790], имеются определенные основания для сомнений в обоснованности данных официальной статистики, поскольку в постсоветских странах по-прежнему высок уровень т.н. искусственной латентности преступности, т.е. сознательного сокрытия регистрирующими органами преступлений, включая убийства, в том числе и путем их переквалификации на другие составы.

Осложняют оценку реального состояния преступности, включая умышленные убийства, особенности статистического учета. Так, официальные статистические данные о состоянии преступности, публикуемые Главным информационно-аналитическим центром (ГИАЦ) при МВД РФ, и Информационным центром МВД Республики Беларусь, в разделе «Общие сведения о состоянии преступности» (МВД РФ) и «Сведения о преступлениях, предварительное расследование по которым окончено» (МВД Республики Беларусь) содержат графу

«Убийства» (МВД РФ – «Убийства и покушения на убийство»), отражающую число зарегистрированных преступлений, но не число реальных убийств, поскольку убийство двух и более лиц в статистике проходит как одно уголовное дело. Содержащиеся в той же статистике «Сведения о пострадавших» в результате убийства (МВД Республики Беларусь) содержат уже иные данные, которые и следует учитывать при анализе состояния и динамики убийств.

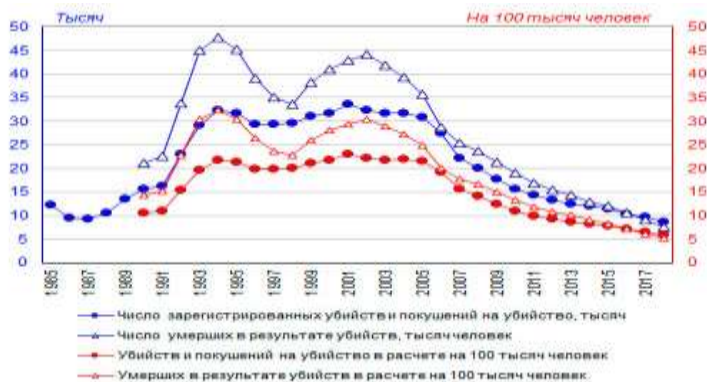
В докладах ГИАЦ МВД РФ приводятся данные о числе лиц, погибших «в результате преступных посягательств», которые также могут ввести в заблуждение, поскольку включают в себя не только жертв умышленных преступлений, но и потерпевших в результате умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, а также в результате нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Так, например, в докладе ГИАЦ МВД РФ «Состояние преступности в России» за 2018 год сообщается, что «в результате преступных посягательств погибло 26 тысяч человек» [3]. Число жертв умышленных убийств не приводится.

Несмотря на указанные проблемы, осложняющие возможность реальной оценки объема и уровня убийств, попытаемся провести краткий сравнительный анализ убийств, их динамики и криминологических характеристик в РФ и в Республике Беларусь, основываясь на данных официальной статистики и результатах криминологических исследований.

Динамика убийств.

В Российской Федерации число зарегистрированных убийств и покушений на убийство существенно выросло в конце 80-х – первой половине 90-х годов прошлого века и оставалось стабильно высоким до начала нулевых годов.

График 1.
Динамика убийств и покушений на убийства в РФ за 1985-2018 гг. [4]

Наибольшее число убийств и покушений на убийство было зарегистрировано в 2001 году (33,6 тысячи), затем наметилась тенденция снижения. По данным МВД РФ, в 2018 году зарегистрировано 8574 убийства и покушения на убийство (на 12% меньше, чем в 2017 году) [3]. По данным, опубликованным Росстатом, 7,3 тысячи человек погибли в результате убийств (меньше на 12,9% по сравнению с 2017 годом) [4].

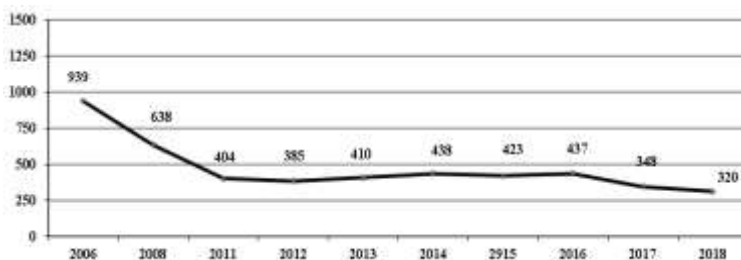
Число зарегистрированных убийств и покушений на убийство в расчете на 100 тысяч человек постоянного населения удвоилось в начале 1990-х годов. Начиная с 2002 года, значение показателя постепенно снижается до 5,8% на 100 тысяч человек в 2018 году.

Динамике убийств в Беларуси присущи примерно те же особенности.

С 1961 по 1990 гг. число убийств и покушений на убийство стабильно росло, увеличившись почти в 2 раза (с 341 до 612). Резко ухудшилась ситуация с убийствами, как и другими тяжкими преступлениями, в 90-е годы. С 1991 по 2000 г. рост по убийствам с покушениями составил 108%, т.е. число убийств более чем удвоилось (причем, в основном за период 1991-1995 гг.). Пик регистрации убийств пришелся на 2000 год (1173 случая) [5, с. 7-8].

С 2006 по 2010 гг. фиксируется устойчивое снижение регистрации убийств, в последующие годы их число стабилизируется, при небольшой флуктуации.

График 2.
Динамика зарегистрированных убийств в 2006-2018 гг. [6, 7]

Несмотря на значительное снижение числа фиксируемых убийств в стране в сравнении с началом нулевых годов, следует отметить, что уровень убийств остается высоким. По этому показателю (в расчете на 100 тысяч населения) Республика Беларусь занимала в последние годы место в четвертом десятке стран в мире и 4-е место в Европе. Российская Федерация – 1. По состоянию на 2017 год Республика Беларусь занимала 4 место по уровню убийств среди стран СНГ, Российская Федерация – 1 [8].

Криминологический анализ тенденций, характеризующих убийства в РФ и Республике Беларусь, показывает, что при сокраще-

нии, начиная с начала 2000 годов, регистрируемых убийств, происходит следующее:

- увеличение доли преступлений, совершаемых в маргинальной среде (до 60% всех убийств);
- снижение порога мотивации и увеличение числа «неадекватных» преступлений;
- сохранение высокого уровня рецидива преступлений: доля рецидивных преступлений в совершении убийств в последние годы составляет почти 30%;
- 8 из 10 убийств – ситуационные преступления на бытовой почве, основные мотивы – месть, ревность, личный конфликт;
- в состоянии алкогольного опьянения совершается свыше 70% убийств [9, с. 168-178].

В ходе реализации в 2013-2014 годах совместного проекта юридического факультета Витебского государственного университета и факультета психологии и права Смоленского гуманитарного университета по изучению уровня виктимизации приграничных районов Республики Беларусь и Российской Федерации (Витебская и Смоленская области) [10, с. 175-195] было установлено (на основе анализа уголовных дел) следующее:

1. Жертвами убийств лица становились в большинстве случаев в своем или чужом доме и, чаще всего, в состоянии алкогольного опьянения; при этом наибольшее число преступлений совершено в квартире потерпевшего (46 % Смоленская область и 42% Витебская); в чужой квартире – в 33% случаев Смоленская и в 29% – Витебская область; в общественном месте или на улице – в 21% случаев Смоленская область и в 29% – Витебская.

2. В вечернее время совершено по Смоленской области 58% убийств, по Витебской – 42%; ночью – 12,5% и 33%, утром – 4 и 8%; днем – соответственно 25 и 17%. Такая ситуация объясняется тем, что подавляющее число убийств совершено при совместном употреблении алкогольных напитков на почве возникшего конфликта, а застолье в квартире и вечернее (ночное) время к этому располагают.

3. Среди жертв убийств состояли в личных отношениях с преступником 92% потерпевших в Смоленской и 87,5% в Витебской области. При этом 12,5% состояли в любовных отношениях, в родстве – 33,5% и 8,3% соответственно; были «просто» знакомы с преступником – по 46%.

4. 62% в Смоленской и 71 % жертв в Витебской области проявляли активное виктимное поведение, в большинстве случаев аморальное, в 12% и 4% – преступное; 42% и 46% жертв соответственно при этом проявляло агрессивность, 29% и 12% – доверчивость и повышенную эмоциональность. Нейтральным являлось поведение 17% и 25% жертв; положительным – 21% и 4%. Преобладающими личностными характеристиками данных жертв являлись легкомысленность, доверчивость и эмоциональность.

Проведенные исследования фабул уголовных дел позволяют составить криминологический портрет преступника, совершившего убийство: чаще всего это мужчины 30–49 лет, имеющие начальное, неполное среднее или среднее образование, нигде не работающие и не учащиеся, ранее судимые, совершившие преступления в состоянии алкогольного опьянения.

Характеризуя отличия убийств в РФ и Республике Беларусь, следует отметить, что наряду с более высоким уровнем убийств, ежегодную фиксацию в России заказных убийств, в то время как в Беларуси подобные преступления практически отсутствуют.

Сравнительный анализ состояния убийств в России и Республике Беларусь отражает относительную стабилизацию данных преступлений, произошедшую после периода значительного их сокращения в период с начала 2000 годов по настоящее время, что коррелирует с общей тенденцией сокращения объема и уровня преступности в целом.

Состояние и особенности развития криминогенной обстановки по-прежнему требуют адекватного реагирования на вызовы и угрозы общественной и экономической безопасности, выработки и реализации эффективных мер по устранению причин и условий совершения преступлений, в первую очередь связанных с насильственными преступлениями, гибелью людей.

Список литературы:

1. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я.И. Гилинский. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. – 504 с.

2. Козырицкий, Л.А. Преступность в Республике Беларусь: критический анализ / Л.А.Козырицкий // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – № 4 (Т. 9). – С. 786-795

3. Состояние преступности в России / Сайт МВД РФ // URL: file:///C:/Users/Admin/Downloads/Sostoyanie_prestupnosti_2018%20(1).pdf .

4. Преступность в России, 2018 // URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0809/barom03.php>

5. Криминологическая характеристика умышленных убийств, совершенных в Республике Беларусь в 1999-2008 гг. / Прокуратура Респ. Беларусь; Отд. ситуац.-аналит. обеспечения. – Минск, 2009. – 149 с.

6. О состоянии преступности и результатах расследования преступлений на территории государств-участников СНГ: Стат. сборник. – Минск: МВД Республики Беларусь, 2017.

7. Сведения о совершенных правонарушениях на территории Республики Беларусь / Информационный центр МВД Республики Беларусь. – Минск, 2018, 2019.

8. Состояние преступности в государствах-участниках Содружества Независимых Государств в 2017 году // URL: <http://www.ksgp-cis.ru/about/obzory/article-7>

9. Стаценко, В.Г. Криминология / В.Г. Стаценко. – Минск: Вышэйшая школа, 2018. – 279 с.

10. Криминальная виктимизация населения приграничных районов России и Беларуси (Смоленская и Витебская области): результаты компаративистского виктимологического исследования: Монография. – Смоленск: Изд-во «Маджента», 2014. – 390 с.

СУСЛИНА Ирина Александровна,
кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургская юридическая академия, доцент
кафедры гражданского права;
suslina0304@gmail.com

СТАНОВЛЕНИЕ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА В ДРЕВНЕРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ НА ПРИМЕРЕ НАСЛЕДОВАНИЯ ВЫСШЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ IX-X ВЕКОВ

В статье автором предпринимается попытка проследить порядок возникновения и укрепления русского государства через анализ трансформации обычного наследственного права на примере передачи верховной власти в древнерусском государстве IX-X веков.

Ключевые слова: Русь, русы, славяне, Рюриковичи, наследственное право, лествичное право, сеньорат, майорат.

Определить сущность явления – значит выявить то главное, глубинное в нем, что определяет его существование. В государстве главным является власть. В связи с этим для понимания сущности государства важно учитывать, с одной стороны, принадлежность политической власти в государстве (формальная сторона), а с другой – интересы, которым служит данная организация (содержательная сторона) [1, с. 23].

Задача нашей статьи – попытаться проследить порядок трансформации наследственного права на ранних этапах становления древнерусской государственности на примере наследования верховной власти в правящей элите Древнерусского государства IX-X веков.

Начало формирования древнерусской государственности приходится, согласно исторической парадигме, на IX-X века. Что же мы знаем про ранний период складывания социально-политической структуры русского общества, о взаимоотношениях вокруг верховной власти?

Сложности, с которыми исследователи начальных этапов становления русского государства непреодолимо сталкиваются, – это скудность и аллегоричность первоисточников. Древнерусская летопись впервые рассматривает процесс формирования государства Русь и историю взаимоотношений первых князей из династии Рюриковичей значительно позже – в XI-XII веках, в эпоху Владимира Мономаха, и рассмотрение это представляется как проекция времени летописца на более раннюю эпоху. Многие правовые и социально-политические аспекты русского общества, почерпнутые нами из иностранных источников X века, для русского летописца XI-XII веков непонятны, и он либо обходит их стороной, либо дает им свою авторскую оценку.

Основным зарубежным источником информации о древней Руси является «Трактат об управлении империей» (середина X века),

авторство которого приписывают императору Византийской империи Константину VII Богрянородному [2, с. 6]. Вся IX глава Трактата полностью посвящена описанию Руси IX-X веков.

Первое, что мы можем почерпнуть из указанного источника, – это тот факт, что византийцы проводят четкое разделение между «русью» (ῥωσία – Рось) как народом, этносом и славянскими племенами, с которых русы собирают дань. Автор перечисляет эти славянские племена, и их названия в целом совпадают с теми, которые упоминаются в поздних славянских летописях. Остальные славянские племена, по мнению автора, Русью не являются, находятся в стороне от городов, «где русь сидит», и связаны с Русью данническими обязательствами. Все князья Руси (архонты в первоисточнике «ἀρχοντες») «сидят», по мнению автора, в Киеве. В зимний период киевские князья проводят в «полюдь» – в процессе объезда с дружиной славянских племен с целью сбора дани. Дань собирается согласно заключенному ранее договору – ряду. Полученная дань служит предметом торговли между русскими, баварскими и византийскими купцами. На рынки Константинополя и Баварской восточной марки русские везли меха, воск, мед, невольников, выменивая их на драгоценности, ткани, пряности, оружие и т.д.

Константин VII перечисляет города, в которых «сидит» не славянская «русь» (Новгород, Киев, Смоленск, Вышгород, Витачев, Чернигов). Примечательно, что города эти расположены по пути «из варяг в греки» – с севера на юг славянских земель. Русские князья, по мнению Константина VII, вынуждены были считаться с киевскими князьями ввиду стратегически важного положения Киева на пересечении торговых путей. Киев выступал как центр локализации материальных ценностей. При этом сумма доходов с податных территорий являлась суммой владения всех членов киевского княжеского рода. Генеалогически старший в роду получал большую часть дани. Древнерусское государство, таким образом, справедливо будет назвать родовым совладением Рюриковичей. Этот феномен не является уникальным для истории государства и права. В архаичных государствах Западной Европы это было всеобщим правилом и обозначалось термином «*corpus fratrum*» – «братское совладение». Обобщая, можно сделать вывод о том, что в древнерусском государстве на первых этапах становления государственности экономическая, торговая система перерастала в политическую, в центре которой находились киевские князья.

В качестве источника принято рассматривать договоры Руси с греками первой половины X века (911 и 944 годов), вошедшие в позднюю русскую летопись в переводе с греческого на русский язык. Особый интерес представляет договор 944 года, как более пространный, в котором присутствует поименное перечисление княжеского семейства, отправившего своих послов в Константинополь. В этом списке мы встречаем князя Игоря, его жену Ольгу, их сына Святослава, далее следует полтора десятка имен, неизвестных нам по славян-

ским источникам. Примечательно, что в этом перечислении нет имен славянских вождей. Из славянских летописей позднего периода мы знаем имя древлянского вождя – Мала, современника Игоря и Ольги, но его в договоре 944 года нет. Его посольское представительство не участвует в переговорах на международном уровне. Из чего мы можем сделать вывод, что это славянское племя либо *de jure* не включено в состав древнерусского государства, либо князь древлян не входит в состав правящей элиты. Интересным представляется и тот факт, что в поименном списке лиц, встречаются и женские имена. И если княгиня Ольга обозначается как жена Игоря, а Переслава – как жена Владислава, то другие женские имена не упоминаются в контексте матримониальной принадлежности. Из чего мы можем сделать вывод о господстве в древнерусском обществе обычного семейного, наследственного права, по принципам которого принадлежность к правящей династии наследуется не только по мужской, но и по женской линии. Иными словами, древнерусский правящий род – это многочисленный кровнородственный коллектив, принимающий участие в управлении государством. Причем в наиболее архаических случаях и сыновья от наложниц уравнивались в правах с сыновьями от свободных жен. В этой связи наделение «робичича» Владимира Святославовича Новгородом наравне с братьями Ярополком и Олегом выглядит естественным.

С принятием крещения от Византийской империи у Руси происходит масштабное культурное и правовое заимствование от Константинополя [3, с. 16], но происходит это не вдруг и не сразу. Из русских летописей мы видим, что по пришествию срока (наступление совершеннолетия или вступления в брак) князь Владимир, руководствуясь требованиями обычного семейного права древней Руси, выделяет сыновьям земельные наделы для посадского княжения: Святополку, старшему сыну, Владимир выделяет стол в Турове на Припяти, Вышеславу выделил Новгород, Ярослав дал Муром, Мстиславу – Тмутараканское княжество и т.д. Какое событие или год явились переломными в отказе князя Владимира от обычного русского лествичного права, летопись молчит, но, руководствуясь иконографическими данными (изображениями Владимира Святого на монетах и иконах), мы можем утверждать, что, начиная со второй половины своего киевского княжения, Владимир Святославович презентует себя по византийским канонам с атрибутикой императорской власти. На аверсе чеканных монет Владимира I мы видим Киевского князя на троне (иногда без), в характерном для византийских императоров головном уборе с пропендулиями, с крестом и державой в руках. Более поздние образцы будут дополнены нимбом святости, который отсылает нас к византийской идее сакральности верховной власти. И в этом, как нам видится, и лежит идеологическая основа реформы обычного права князем Владимиром: верховенство светской власти над религией и культом; божественное провидение в княжеской воле были невероятно соблазнительным для установления единовластия.

Достаточно обтекаемо летопись доводит до нас события, связанные с намерением Владимира I передать Киевский стол одному из младших своих сыновей – Борису, князю Ростовскому. Мать Бориса – Анна Византийская, византийская царица из Македонской династии, приходившаяся сестрой византийскому императору Василию II. Принадлежность Бориса к царскому роду, стремление Владимира переделать Русь по образу Византии, по всей видимости, и привели его к попытке установить новый порядок престолонаследия.

Задуманная Владимиром I реформа обычного наследственного права после его смерти в 1015 году была свернута его наследниками. Киевский стол достается, как и положено по лестничному праву, Святополку. Вся пирамида генеалогического древа пришла в движение, в результате чего Ярослав переместился на княжение в Новгород. Характерны монеты «новгородского периода» княжения Ярослава. На аверсе монеты изображен фас воина с характерными, узнаваемыми чертами внешности, сопровождаемый надписью «князь русский».

Набирающая силу междоусобное братоубийство среди сыновей Владимира I приводит к тому, что в 1018 году Ярослав становится князем Киевским, а в 1024 году Мстислав Тмутараканский идет на Киев с войском и требованием равного раздела русских земель. По итогам съезда князей в 1026 году был заключен Городецкий договор, по которому Русь делится между братьями: правый берег Днепра с Киевом достался Ярославу, левый берег с Черниговом – Мстиславу. В 1036 год Мстислав Черниговский умирает и Ярослав становится единоличным владельцем русских земель.

1054 год умирает Ярослав. Чувствуя приближение смерти, единое русское государство Ярослав делит между пятью наследниками. Таким образом, старший сын Изяслав получает Киевское княжество и Новгородскую землю; Святослав садится в Черниговском княжестве, которое протянулось от города Чернигова до Муром и Рязани; Всеволод получает Переяславское княжество, расположенное на юго-восток от Киева, ему же придается и Ростовская земля; Игорь садится на Волыне, а младший сын-Вячеслав в Смоленское. Мы видим, что Ярослав реализует принцип сеньората. При наделении сыновей землями, он усиливает материальные и военные позиции одного из них – Изяслава. Исторически сложившаяся система лестничного права (система сеньората) продолжает быть актуальной и во второй половине XI века в Руси [4, с. 26-27].

Установление принципа сеньората в системе наследственного права в древнерусском государстве не является уникальным. В качестве примера можно привести Франкскую империю Карла Великого, основанную в V веке и послужившую в последующем основой для Французского и Германского королевств. В IX веке Франкская империя в политическом и правовом плане имела полную идентичность с Русью XI века. Аналогичным образом сеньорат оформляется и в Чехии по завещанию Бржетислава I в 1055г., и в Польше в 1138 году по завещанию Болеслава III. Суть всех названных установлений – регла-

ментация взаимоотношений между сонаследниками-братьями при выделенном положении старшего.

Однако эта попытка удержания обычного наследственного права в сфере политической власти не закрепились. В 1069-1070 годах в результате очередной междоусобной войны принцип сеньората оставшимися в живых тремя братьями будет отвергнут. Наследники Ярослава стремились к равноправию и независимости. Доказательством тому служит факт появления в Чернигове и Переславле «поддельных» митрополий наряду с Киевской митрополией. Устанавливается триумвират Ярославичей.

Подводя итог проведенному нами исследованию, можно сделать вывод о том, что на начальных этапах становления русской государственности сложился порядок родового внегендерного совместного соправления. Однако довольно быстро в сфере властных отношений формируется лестничный (сеньоратный) принцип, который юридически замещается равным соправлением.

Список литературы:

1. Теория государства и права в вопросах и ответах: учебное пособие. Издание второе, исправленное и доработанное / А.Ф. Колотов, О.С. Вырлеева-Балаева, В.Н. Симонов, И.В. Скуратов, Ю.В. Ярыгина. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. – 234 с.

2. Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М.: Наука, 1991, в серии Древнейшие источники по истории народов СССР. – 69 с.

3. История государства и права России в 2-х Ч. / Э.В. Суслин, Е.В. Мишина. – СПб: СНО ВО «СЮА» 2019. – 136 с.

4. История государства и права России: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / И.А. Исаев / – М.: Юрист, 2004. – 800 с.

СЫЧЕВ Алексей Иванович,
кандидат педагогических наук, Санкт-Петербургская юридическая академия, доцент
кафедры гражданского права; gpravo@jurac.ru

ЖИЛИЩНЫЙ КОНТРОЛЬ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ ПУБЛИЧНОГО ВЛАСТВОВАНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются особенности правового регулирования муниципального жилищного контроля на примере норм Жилищного Кодекса Российской Федерации и других нормативных правовых актов, регулирующих вопросы контроля со стороны местных органов власти.

Ключевые слова: муниципальный контроль, жилищное законодательство, принцип самостоятельности, государственный контроль, проведение проверок, состояние жилищного фонда.

Исследование тематики муниципального жилищного контроля является весьма актуальным, поскольку объем муниципального жилищного фонда в Российской Федерации продолжает возрастать. Это обусловлено тем, что органы государственной власти (прежде всего субъектов Российской Федерации) передают в муниципальную собственность имущество, необходимое для решения вопросов местного значения. В соответствии с п. 2.1. ч. 2 статьи 20 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) муниципальный жилищный контроль осуществляется уполномоченными органами местного самоуправления в порядке, установленном муниципальными правовыми актами либо законом субъекта Российской Федерации и принятыми в соответствии с ним муниципальными правовыми актами [1, с. 14]. На практике постановлением главы администрации муниципального образования утверждается административный регламент осуществления муниципального жилищного контроля, в соответствии с которым от имени администрации города/района функцию муниципального жилищного контроля осуществляет либо управление жилищно-коммунального хозяйства администрации, либо специально созданный административно-исполнительный орган, в штате которого функционирует небольшое количество сотрудников, их количество зависит от статуса муниципального образования. Основной и важной проблемой осуществления муниципального жилищного контроля является знание уполномоченными должностными лицами нормативных правовых актов, регулирующих исследуемый вид контроля.

Так, при исполнении функции по осуществлению этого вида контроля должностное лицо должно знать базовые положения Конституции Российской Федерации; как минимум положения статьи 20 ЖК РФ; нормы Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», положения Федерального закона от 27.12.2002 №

184-ФЗ «О техническом регулировании»; отдельные положения Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»; положения Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»; нормы Постановления Правительства Российской Федерации от 06.05.2011 № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов», причем в новой редакции от 13.07.2019 года; также нормы, ранее действующего Постановления Правительства Российской Федерации от 23.05.2006 № 307 «О порядке предоставления коммунальных услуг гражданам»; нормы Постановления Правительства Российской Федерации от 13.08.2006 № 491 «Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и Правил изменения размера платы за содержание и ремонт жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность»; нормативные положения Постановления Государственного комитета Российской Федерации по строительству и жилищно-коммунальному комплексу от 27.09.2003 № 170 «Об утверждении Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда».

Кроме нормативных положений федерального законодательства муниципальный жилищный инспектор обязан знать законодательство субъекта Российской Федерации, регулирующее порядок и условия осуществления соответствующего вида контроля, а также положения Устава муниципального образования в соответствующей части, и наконец, административный регламент осуществления муниципального жилищного контроля на территории соответствующего муниципального образования. Возникает вопрос: знают ли уполномоченные должностные лица, осуществляющие муниципальный жилищный контроль, все вышеперечисленные нормативные правовые акты? К сожалению, на этот вопрос нельзя ответить ни положительно, ни отрицательно, поскольку все зависит от компетентности конкретного должностного лица, от того насколько уполномоченный чиновник ответственно подходит к исполнению своих профессиональных обязанностей.

Как отмечает Е.С. Шугрина, правовые основы муниципального контроля составляет значительное количество нормативных актов разных территориальных уровней, однако наиболее значимыми являются Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3, с. 87].

Однако проблема не только в должностных лицах, обязанных знать законы, но и в большом объеме юридических положений, регу-

лирующих одну область общественных отношений, в данном случае осуществление муниципального жилищного контроля. Это стало возможным при переходе нашего государства в федеративный формат, тогда как в унитарных государствах обозначенной проблемы или не существует, или она так ярко не выражена. В соответствии с п. 2.2. ч. 2 ст. 20 ЖК РФ при организации и осуществлении муниципального жилищного контроля органы муниципального жилищного контроля взаимодействуют с уполномоченными органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими региональный государственный жилищный надзор, в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации. На наш взгляд, данную норму следует скорректировать на предмет взаимодействия органов муниципального жилищного контроля с органами государственного жилищного надзора. Если взаимодействовать с органами государственного надзора по вопросам осуществления муниципального жилищного контроля важно и нужно, то по вопросам организации контроля на муниципальном уровне – возможно лишь в усеченной форме, поскольку в соответствии с положениями главы 8 Конституции Российской Федерации органы местного самоуправления самостоятельны в решении вопросов муниципального публичного уровня властвования. Это означает, что никто не вправе вмешиваться в организацию самостоятельного муниципального жилищного контроля. Органы местного самоуправления должны самостоятельно корректировать вопросы организации этого вида контроля. В этом смысле уязвимо выглядит норма пункта 2.3. части 2 ст. 20 ЖК РФ, в соответствии с которой главный государственный жилищный инспектор Российской Федерации имеет право координировать деятельность органов муниципального жилищного контроля при осуществлении ими муниципального жилищного контроля. Здесь мы видим прямое вмешательство в дела органов местного самоуправления, поскольку именно они имеют право на такую координацию, ибо определяют как жилищные объекты, так и объем деятельности органов муниципального жилищного контроля по осуществлению муниципальных функций, возложенных на них муниципальными правовыми актами, действующими в единстве и системной взаимосвязанности с базовыми конституционными положениями, федеральным и региональным законодательством. Как показывает практическая деятельность, обращения жителей о нарушениях жилищного законодательства, поступающие в государственную жилищную инспекцию, достаточно часто просто передаются в территориальный орган муниципального жилищного контроля для проведения проверки и принятия решения в соответствии с его компетенцией, что свидетельствует скорее не об эффективности совместных действий по реализации контролируемых функций, а о дублирующих друг друга полномочиях органов контроля и надзора [2, с. 50]. Важно отметить, что муниципальный жилищный контроль осуществляется от имени администрации городского или районного муниципального образования, и в этом заключа-

ется сущность конституционного принципа самостоятельности местного самоуправления.

Следует обратить внимание на ряд проблем с правовым статусом муниципальных жилищных инспекторов. Так, должностные лица органа муниципального жилищного контроля при проведении проверки имеют право запрашивать и получать на основании мотивированных письменных запросов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и граждан информацию и документы, необходимые для проверки соблюдения обязательных требований. Представляется, что для эффективной реализации данного права необходимо, чтобы такие запросы имели единую официальную форму. Должностные лица органа муниципального жилищного контроля имеют право беспрепятственно по предъявлении служебного удостоверения и копии приказа (распоряжения) руководителя (заместителя руководителя) органа муниципального жилищного контроля о назначении проверки посещать территории и расположенные на них многоквартирные дома, помещения общего пользования многоквартирных домов. Здесь важно разработать алгоритм действий должностных лиц местных органов в случаях не допуска на объекты муниципального жилищного фонда. Необходимо отметить, что арсенал правовых средств, особенно административно-правовых, еще не достаточно, чтобы эффективно реализовывать свое право на допуск на территории и имущественные объекты. М.С. Шайхуллин предлагает развивать систему контрольно-надзорных гарантий местного самоуправления, чтобы эффективно обеспечивать функционирование местных органов власти и охрану прав и законных интересов в сфере местного самоуправления [4, с. 107]. Особенно это актуально по вопросам о выдаче предписаний о прекращении нарушений обязательных требований, об устранении выявленных нарушений, о проведении мероприятий по обеспечению соблюдения обязательных требований. Здесь важно активно работать с правоохранительными органами, поскольку одних гражданско-правовых средств защиты муниципальных прав, как представляется, недостаточно. Однако важно не только это. От муниципальных жилищных инспекторов требуется опыт и специальные знания для собирания доказательств о нарушениях в сфере жилищного законодательства, чтобы составление протоколов об административных правонарушениях, связанных с нарушениями обязательных требований не повлекло нарушение прав граждан, проживающих в объектах муниципального жилищного фонда. Не случайно во многих административных регламентах осуществления муниципального жилищного контроля на территории городских и сельских поселений закреплена обязанность должностных лиц, осуществляющих муниципальный жилищный контроль доказывать обоснованность своих действий при их обжаловании гражданами, юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Список литературы:

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // СЗ РФ. – 2005. – № 1. – Ст. 14.
2. Стадолин, М.Е. Проблемы развития системы жилищного контроля в городских поселениях / М.Е. Стадолин // Вестник университета. – 2017. – № 2. – С. 48-55
3. Шугрина, Е.С. Может ли муниципальный контроль обеспечить безопасность городской среды: реформа контрольно-надзорной деятельности и судебная практика / Е.С. Шугрина // Правоприменение. – 2019. – № 1. – С. 85-89.
4. Шайхуллин, М.С. Конституционно-правовые гарантии государственного контроля над деятельностью органов и должностных лиц местного самоуправления / М.С. Шайхуллин // Вестник ВЭГУ. – 2018. – № 2. – С. 105-108.

ТОЛСТОВА Анна Евгеньевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургская юридическая академия,
доцент кафедры гражданского права;
19690401@mail.ru

ПЕТРОВ Иван Юрьевич,
Санкт-Петербургская юридическая академия,
магистрант; iupetrov@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ

В статье анализируются отдельные аспекты гражданско-правовой защиты личных неимущественных прав, Авторами рассматривается соотношение категорий «охрана», «защита», дается характеристика мерам гражданско-правовой охраны.

Ключевые слова: нематериальные блага, защита, охрана, способы защиты, формы защиты, меры гражданско-правовой охраны.

Логическая природа нематериальных благ предопределяет особую (логическую) природу их взаимосвязей и взаимодействия, напоминающую причинно-следственную связь между физическими субстанциями, но все-таки с ней не совпадающую и к одному этому типу связи не сводящуюся. Взаимосвязи и взаимодействия таких логических субстанций, как понятия, называются логическими операциями и внешне выражаются в суждениях (утверждении, конъюнкции, дизъюнкции, импликации или отрицании); взаимосвязи и взаимодействия между суждениями выражаются в их отношениях друг с другом, которые могут быть отношениями логической совместимости и несовместимости (противоположности или противоречия).

Будучи продуктами человеческого мышления (представления), но не ощущений, нематериальные объекты не могут (не способны) быть объектами фактического владения. Монопольный контроль доступа к подобным объектам, в известной мере напоминающий владение, в принципе возможен, но лишь тогда, когда существо (содержание) объектов сохраняется в тайне. Такой контроль не может быть облечен в форму абсолютного субъективного гражданского права, поскольку его природа (требующая индивидуальной определенности объекта) несовместима с сохранением существа такого в состоянии неизвестности другими лицами. Для того чтобы сделать нематериальные объекты объектами не только фактических, но и юридических отношений, необходимо обеспечить возможность всеобщего доступа к их содержанию. Как только такая возможность обеспечена, можно говорить о перспективе гражданско-правовой охраны данных объектов.

Поскольку гражданское законодательство оперирует терминами «защита», «способы защиты», «формы защиты», цивилистическая доктрина использует также термин «охрана». Поэтому необходимо проанализировать соотношение понятий «защита» и «охрана»

Понятия «защита» и «охрана» отличаются не только в правовом аспекте. В словаре русского языка С.И. Ожегова «охранять» означает оберегать, стеречь; защищать, охраняя, оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности [1, с. 196]. Смысловой анализ рассматриваемых понятий показывает, что определение охраны содержит в себе защиту как ее конкретное событие, где необходимо использование динамичных мер, сконцентрированных против чьих-либо посягательств.

Термин «защита права» употребляется в разных значениях не только в законодательстве, существует и общее мнение по рассмотрению проблемы определения защиты гражданских прав в научной литературе, где это понятие причисляют к более трудным и многогранным явлениям. Еще можно подметить, что отдельные авторы, изучавшие проблему защиты гражданских прав, задерживаясь на анализе ее форм и способов, не интересовались характеристикой сути защиты [2, с. 3].

В законодательстве определение «защита» носит довольно абстрактный характер и обозначает цель государства и его органов защищать либо те или иные права, либо те или иные объекты, либо тех или иных субъектов права.

Тут же следует раскрыть понятие «право на защиту». Можно определить его как вероятность использования мер правоохранительного характера, данных управомоченному лицу для возобновления его нарушенного. Предметом защиты выступают субъективные гражданские права и охраняемые законом интересы. Право на защиту субъективного гражданского права, т.е. объем возможностей по пресечению нарушения этого права, восстановлению положения, существовавшего до нарушения права, компенсации потерь, зависит от применяемого участником гражданского правоотношения способа защиты нарушенного права.

Защита гражданских прав – одна из важнейших категорий теории гражданского и гражданско-процессуального права, без уяснения которой сложно разобраться в характере и особенностях гражданско-правовой санкции, механизме ее реализации и прочих вопросах, возникающих в связи с нарушением гражданских прав. Защита права может понадобиться в трех ситуациях: когда совершилось нарушение права, во избежание нарушения права в будущем и когда нарушение только совершается. Момент предотвращения правонарушений в будущем должен присутствовать при осуществлении защиты права.

К соотношению понятий «защита» и «охрана» также многие ученые подходят по-разному. Э.П. Гаврилов полагает, что охрана – это установление общего правового режима, а защита – те меры, которые предпринимаются в ситуациях, когда гражданские права нару-

шены или оспорены [3, с. 217]. По мнению Н.И. Матузова, охрана и защита субъективного права или охраняемого законом интереса – не одно и то же, охраняются они всегда, а защищаются лишь в тех случаях, когда нарушаются. Защита – это период охраны, одна из ее форм. Он считает, что данные понятия не являются схожими [4, с. 130-131]. Н.С. Малеин так же различает охрану и защиту прав, при этом обширным понятием полагает охрану прав. По его мнению, она охватывает все юридические правила по поводу конкретного блага, а под защитой права считает меры, указанные в законе – те ситуации, когда право уже нарушено [5, с. 18-19]. В.П. Грибанов под охраной понимает установление общего правового режима, а под защитой конкретные меры, которые предусматриваются в происшествиях, если права нарушены или оспорены [6, с. 159]. А.С. Мордовец считает, что охрана прав и свобод – это нахождение правомерного осуществления прав и свобод под контролем общественных институтов, но без их вмешательства. Защита применяется тогда, когда осуществление прав и свобод затруднительно, но права и свободы еще не нарушены. И только когда права и свободы уже нарушены, то надо их восстанавливать, а не брать под защиту [7, с. 18]. М.С. Кораблева правовыми мерами охраны считает все меры, с помощью которых обеспечивается как прогресс гражданских правоотношений в их обычном, ненарушенном состоянии, в частности закрепление гражданской право-, дееспособности субъектов, определение обязанностей и т.п., так и восстановление нарушенных или оспоренных прав и интересов. Охрана в узком смысле слова понимается как защита, которая в состав включает лишь меры, обращенные на восстановление или признание гражданских прав и защиту интересов при их нарушении или оспаривании [8, 76]. Б.А. Булаевский понятие «охрана» раскрывает как комплекс мер, реализовываемых государственными и общественными органами, которые обращены на предотвращение правонарушений, ликвидацию поводов, их порождающих, устранение преград и помогающих естественному процессу осуществлению гражданами своих прав и обязанностей. А под защитой понимается вынужденный способ осуществления нарушенного права для его восстановления [9, с. 21]. Интересная точка зрения А.П. Вершинина, который объясняет защиту прав как «юридическую деятельность по устранению препятствий на пути осуществления субъектами своих прав и пресечению правонарушения, восстановлению положения, существовавшего до правонарушения» [10, с. 17].

Существует мнение некоторых авторов, что охрана гражданских прав допустима только после нарушения правовой нормы. Такое понимание не захватывает полного комплекса отношений, входящих в понятие охраны, не замечая «предупредительные» функции, но его не нужно считать целиком сближенным к понятию защиты гражданских прав, поскольку защита допустима как после, так и до совершенного правонарушения.

Следует отметить, что в законодательстве применяются оба термина: и защита, и охрана. Анализ ряда конституционных норм показывает, что законодательство не дает ясного отличия между защитой и охраной, во многих случаях содержание этих терминов похоже. В ряде статей Конституции Российской Федерации конкретно говорится о реализации как «защиты», так и «охраны» права. Как было продемонстрировано выше, в научных работах авторы по-разному трактуют указанные понятия, и это лишь акцентирует внимание на индивидуальном подходе к пониманию и раскрытию сущности каждого определения, рассматривая их в схожести и различии.

Меры гражданско-правовой охраны – это правомерные действия управомоченного лица, направленные на предупреждение нарушения его гражданского права или затруднение такового. Совершение соответствующих действий составляет процесс гражданско-правовой охраны субъективных прав – органическую составляющую процесса осуществления прав.

Меры гражданско-правовой охраны принято подразделять подобно тому, как подразделяются всякие вообще действия по осуществлению права на фактические и юридические. К числу фактических мер охраны жизни и здоровья принято относить действия управомоченного лица, затрудняющие нарушение его биологических условий существования. К числу юридических гражданско-правовых охранительных мер жизни и здоровья относятся обычно такие средства, которые имеют целью повлиять на отношение потенциального нарушителя к своему неправомерному деянию либо создать себе дополнительные гарантии возмещения вреда на случай, если все-таки правонарушение состоится.

Думается, что все меры гражданско-правовой охраны являются в равной степени юридическими действиями, ибо предпринимаются лицом в рамках признанных за ним юридических возможностей, следовательно, представляют собой действия по реализации этих возможностей [11, с. 96]. В некоторых случаях совершение таких действий приводит к исчерпанию (прекращению) данных возможностей. В этом случае юридический характер мер гражданско-правовой охраны абсолютно очевиден. Но даже в противоположных ситуациях и тогда, когда возможности принятия мер гражданско-правовой охраны еже исчерпываются их фактическим принятием, нет причин отрицать юридическое значение данных действий, ибо таковое проявляется уже в самой их квалификации со стороны позитивного права в качестве мер правоохранительного характера.

Квалификации конкретного действия в качестве меры гражданско-правовой охраны не препятствует то обстоятельство, что оно имело вредоносные последствия.

Наряду с осуществлением права – использованием его в нормальном, если можно так выразиться, в «естественном» состоянии – юридическая наука выделяет понятие о различного рода действиях (мерах, способах), направленных на пресечение совершающегося

правонарушения; минимизацию его вредоносных последствий; на восстановление положения, существовавшего до нарушения субъективного гражданского права путем возмещения убытков или выплаты компенсации. Такие действия называются мерами или способами защиты гражданских прав, а процесс применения таких мер – процессом защиты гражданских прав. В зависимости от того, участвуют ли в процессе защиты гражданских прав компетентные (специально на этот случай создаваемые и привлекаемые) государственные органы или нет, различают юрисдикционную форму защиты и самозащиту гражданских прав. В зависимости от того, к помощи органов какой – исполнительной либо судебной – власти в рамках юрисдикционной формы защиты различают защиту гражданских прав в административном и в судебном порядке [12, с. 12].

Нарушение субъективного гражданского права означает невозможность его использования в первоначальном (нормальном) виде. Субъективное гражданское право регулятивного свойства «не сработало», не выполнило своей задачи, не удовлетворило охраняемого законом интереса своего обладателя. Логично «включить» в этом случае новый (дополнительный) правовой механизм – признать возникновение нового, не существовавшего прежде гражданского охранительного (защищающего) правоотношения – права на защиту. Главное отличие охранительного правоотношения от регулятивного в его назначении заключается отнюдь не в удовлетворении какого-то самостоятельно определяемого управомоченным лицом частного интереса, но в том, чтобы «залечить рану», нанесенную регулятивному субъективному праву гражданским правонарушением, любой материальной и процессуальной ценой, не исключая причинения вреда правонарушителю, в том числе с привлечением органов государственной власти. Для достижения этих целей гражданское охранительное субъективное право наделяется способностью к принудительной властной (силовой) реализации.

Право прибегнуть к защите субъективного гражданского права, возникающее в случае нарушения последнего – право на защиту – как и всякое иное субъективное гражданское право, складывается из правомочий на собственные действия (в том числе на применение самозащиты) и на требование совершения чужих действия. В зависимости от того, применение какой формы защиты тρείруется правом как возможность потерпевшего, различают право на защиту, противопоставленное правонарушителю, и право на защиту, обеспеченное деятельностью государственного органа, входящего в систему судебной, либо исполнительной власти. Ключевое значение в деле защиты гражданских прав имеет право на судебную защиту – требование защиты, адресованное суду и обеспеченное обязанностью суда защитить нарушенное регулятивное право.

Список литературы:

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Издательство «Русский язык», 1987. – 1203 с.
2. Незнамов, А.В. О понятиях «способ», «средство», «форма защиты права» и их взаимодействии / А.В. Незнамов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 5. – С. 2-6.
3. Гаврилов, Э.П. Комментарий закона об авторском праве и смежных правах / Э.П. Гаврилов. – М., 1996. – 512 с.
4. Матузов, Н.И. Правовая система и личность / Н.И. Матузов. – Саратов, 1987. – 312 с.
5. Малеин, Н.С. Охрана прав личности советским законодательством / Н.С. Малеин. – М., 1985. – 153 с.
6. Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – М.: «Статут», 2001. – 410 с.
7. Мордовец, А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ...канд. юрид. наук / А.С. Мордовец. – Саратов, 1996. – 26 с.
8. Кораблева, М.С. Защита гражданских прав: новые аспекты // Актуальные проблемы гражданского права / под ред. М.И. Брагинского / М.С. Кораблева. – М., 1999. – С. 61-89.
9. Булаевский, Б.А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений: монография / Б.А. Булаевский. – М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2013. – 240 с.
10. Вершинин, А.П. Способы защиты гражданских прав в суде / А.П. Вершинин. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1997. – 249 с.
11. Кравченко, А.А. Соотношение мер защиты и мер ответственности как способов защиты субъективных гражданских прав / А.А. Кравченко // Российский юридический журнал. – 2015. – № 2. – С. 94-104.
12. Кархалев, Д.Н. Развитие законодательства о защите гражданских прав и охранительных правоотношениях / Д.Н. Кархалев // Российская юстиция. – 2011. – № 1. – С. 9-12.

ТРЕТЬЯК Андрей Иванович,
Санкт-Петербургская юридическая академия,
магистрант; ait01@mail.ru

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НА СТАДИИ ПОДГОТОВКИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА К СУДЕБНОМУ ЗАСЕДАНИЮ

В статье проводится анализ проблемных аспектов принципа свободы оценки доказательств на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию.

Ключевые слова: подсудимый, судья, уголовное дело, судебное заседание, принцип свободы, оценка доказательств, недопустимые доказательства, правосудное решение.

Стадия подготовки к судебному заседанию, также именуемая стадией назначения судебного заседания, представляет собой первую судебную стадию уголовного судопроизводства. При поступлении уголовных дел в суды судьи обязаны выявить и при наличии соответствующих возможностей устранить имеющиеся препятствия для рассмотрения дел, тем самым создать условия, при которых дела могут быть рассмотрены по существу в судебных заседаниях.

Следует сразу отметить, что стадия подготовки уголовного дела к судебному заседанию изобилует множеством проблем, рассмотреть которые в полном объеме в рамках одной статьи не представляется возможным. В связи с этим рассмотрим одну из актуальнейших проблем в данной сфере – проблему реализации принципа свободы оценки доказательств на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию.

Специфика указанного принципа на данной стадии обусловлена, в частности, дифференциацией процессуальной формы производства. Так, главами 33 и 34 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее – УПК РФ) регламентированы два порядка разрешения вопросов, которые ставятся перед судом на данной стадии:

- первым (общим) предусмотрено, что судьи единолично без участия сторон и без проведения судебных заседаний оценивают имеющиеся в делах доказательства, а также разрешают вопросы, не требующие проведения предварительных слушаний;

- второй порядок (с проведением предварительных слушаний) предполагает, что судьи единолично, основываясь на собственной оценке доказательств, определяют наличие оснований для проведения предварительных слушаний, принимают решения об их назначении и проводят их, в ходе чего исследуются и оцениваются доказательства с участием сторон, а после проведения предварительных слушаний принимаются итоговые решения, предусмотренные для данной стадии [6, с. 216].

Необходимо подчеркнуть, что характер оценки доказательств в исследуемой стадии был существенно изменен в связи с принятием УПК РФ. До этого времени в уголовном процессе судьи обязаны были в стадии назначения судебных заседаний оценивать не только допустимость предоставляемых в суды доказательств, но также и достаточность обвинительных доказательств, позволяющих разрешить дела по существу в судебных разбирательствах. При проверке полноты проведенного предварительного следствия суды фактически выполняли функцию «предания обвиняемых суду». И в случаях вынесения судами постановлений о назначении судебных заседаний, как верно отмечает В.А. Азаров, суды фактически делали выводы о достаточности доказательств в уголовных делах для решения вопросов о вине лиц в судебных разбирательствах [3, с. 107]. При этом, поскольку судьи непосредственно не исследовали доказательства в данной стадии, а лишь изучали письменные материалы дел, оценка достоверности доказательств в их обязанности не входила.

Действующим уголовно-процессуальным законодательством уже не предусматривается обязанность судьи по оценке достаточности доказательств, полноты проведенного расследования на этой стадии. Подобный вывод можно сделать благодаря анализу перечня тех вопросов, которые разрешаются судьями на стадии подготовки уголовных дел к судебным заседаниям (ст. 228 УПК РФ).

Вместе с тем необходимо отметить, что процессуалистами даже после принятия УПК РФ обосновывалась позиция о том, что судьи обязаны проводить оценку представленных материалов уголовных дел на предмет их достаточности для исследования в судах [4, с. 451]. Другие авторы, хотя и отмечали, что УПК РФ не закрепил прямую обязанность судей, связанную с оценкой полноты и достаточности собранных материалов, однако обосновывали мнение относительно того, что судьи должны обращать внимание на данное обстоятельство. Обосновывалось подобное требование к судьям тем, что, во-первых, в связи с отсутствием либо явными недостатками доказательств, представленных стороной обвинения, суд фактически не может провести судебное разбирательство, во-вторых, подобная проверочная деятельность судов не вступает в противоречие с принципом состязательности [5, с. 503].

Позволим себе не согласиться с данной точкой зрения по следующим причинам.

Во-первых, судьи, являясь должностными лицами, обязаны руководствоваться теми нормативными положениями, которыми регулируется их деятельность, а также осуществлять полномочия, прямо предусмотренные действующим законодательством. Так, в ст. 228 УПК РФ закреплен полный перечень вопросов, которые подлежат разрешению на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию. Выход же за рамки имеющихся у судей полномочий будет являться нарушением норм уголовно-процессуального законодатель-

ства, что противоречит принципу законности, сформулированному в ст. 7 УПК РФ.

Во-вторых, в случае оценки судом достаточности доказательств будут нарушаться правила оценки доказательств, предусмотренные для уголовного судопроизводства. Как в ходе предварительного расследования, так и на стадиях судебного производства законодатель ориентирует судей, которыми принимаются властные решения, на проведение непосредственного исследования доказательств, т.е. они должны анализировать доказательства из первоисточников, к примеру, посредством личных допросов свидетелей, потерпевших и обвиняемых, исследовать вещественные доказательства и прочее. Только благодаря непосредственному исследованию доказательств возможно создание оптимальных условий для правильных выводов оценивающими субъектами. Кроме того, в стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию отсутствует возможность непосредственного исследования доказательств обвинения и защиты. Если же суды будут делать выводы на основании вторичных доказательств, к примеру, протоколах следственных действий, они неминуемо попадут в своих выводах под влияние тех субъектов, которые формировали эти письменные доказательства.

Принципом свободы оценки доказательств судьями в качестве обязательного условия предполагается, что судьи будут исследовать доказательства непосредственно. Лишь при таких условиях судебские выводы можно признать законными и обоснованными.

Таким образом, преждевременная оценка судьями достаточности доказательств в случае ее проведения до начала судебного разбирательства, может привести к тому, что ими при наличии возможности оценки доказательств лишь стороны обвинения (если доказательства стороны защиты будут осознанно не включены следователем в дело) будет сформировано свое убеждение в виновности обвиняемых, а подобное мнение, безусловно, будет влиять на объективность судей в судебных разбирательствах.

Тем не менее, на наш взгляд, судья на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию должен самостоятельно давать оценку доказательствам, имеющимся в деле, на предмет их допустимости. В частности, сущность правила о допустимости того или иного доказательства заключается в том, что сведения о конкретных обстоятельствах совершенного преступления должны быть получены из надлежащих источников, предусмотренных УПК РФ. В случае же нарушения данного правила имеющиеся в уголовном деле доказательства должны быть исключены и желательно на стадии подготовки данного дела к судебному заседанию, чтобы в дальнейшем подобные недопустимые доказательства не могли оказать влияния на мнение суда при вынесении им приговора по делу.

Пример: в обвинительном приговоре в отношении П. по факту получения взятки суд указал, что действительно из формального изучения переписки, осуществляемой посредством мессенджера Viber,

невозможно понять, что она велась именно с подсудимым. Однако суд не согласился с утверждением стороны защиты о том, что данная переписка не может являться доказательством виновности подсудимого, сославшись на показания свидетеля № 3 (являвшегося взяточдателем и второй стороной переписки), не доверять которому у суда нет оснований [2].

Получается, что в качестве вещественных доказательств, подтверждающих вину подсудимого, суд использовал скриншоты переписки, предоставленные свидетелем, формальное изучение которых не дало суду представления о том, с кем именно велась данная переписка. Представляется, что, если в уголовном деле имеется доказательство, не отвечающее требованиям, предъявляемым к процедуре его получения и закрепления, его нельзя признать полученным из надлежащих источников, а соответственно и достоверным. Тот факт, что суд изначально не дал оценку подобному доказательству на предмет его допустимости, впоследствии привел к тому, что это недопустимое доказательство впоследствии было включено в совокупность доказательств, подтверждающих вину подсудимого. Если же суд изначально еще на стадии подготовки дела к судебному заседанию признал бы указанную переписку недопустимым доказательством (поскольку доказательств того, что она велась с подсудимым, не было), мнение суда относительно виновности подсудимого, возможно, было бы иным.

Приведенный пример наглядно демонстрирует необходимость оценки судьей доказательств на предмет их допустимости уже на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию, в связи с чем считаем необходимым дополнить ч. 1 ст. 228 УПК РФ пунктом 7, обязывающим судью проверять имеющиеся в поступившем деле доказательства на предмет их допустимости.

Указанное дополнение позволит гарантировать права обвиняемых и подсудимых, которые в силу различных обстоятельств не заявили ходатайство об исключении доказательств как недопустимых, и, в конечном итоге, будет способствовать полноценному рассмотрению судами уголовных дел и вынесению правосудных решений, что в целом повысит доверие граждан к судебной системе.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921
2. Приговор Синарского районного суда г. Каменска-Уральского Свердловской области от 20.09.2017 г. по делу №1-98/2017 // URL: <https://sinarsky--svd.sudrf.ru> (дата обращения: 14.03.2019).
3. Азаров, В.А. Предание обвиняемого суду: новая интерпретация и старые проблемы / В.А. Азаров // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2009. – №3 (5). – С. 106-110

4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. – М.: Юристъ, 2004. – 822 с.

5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.Г. Коваленко. – М.: Эксмо, 2003. – 1260 с.

6. Шигуров, А.В. Проблемы правового регулирования формы ходатайств адвоката-защитника о назначении предварительного слушания в суде с участием присяжных заседателей / А.В. Шигуров, Е.И. Шигурова // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 4. – С. 216-219

ТЮМЕНЦЕВ Александр Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, помощник
и.о. председателя Волгоградского областного
суда (пресс-секретарь); alkor310769@mail.ru

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО СУДА)

В статье рассматриваются организационно-правовые вопросы реализации норм законодательства Российской Федерации об обеспечении доступа к информации о деятельности судов.

Ключевые слова: *доступ к информации, федеральный суд, пресс-служба, средства массовой информации, судебное разбирательство, журналист, пресс-секретарь.*

Главным направлением, формирующим общественное мнение о деятельности федеральных судов, является работа пресс-служб судебных органов Российской Федерации, в деятельности которых можно выделить четыре основных аспекта [1, с. 124]:

- 1) мониторинг – отслеживание, анализ и оценка сообщений печати, Интернет-ресурсов, радио и телевидения;
- 2) подготовка пресс-релизов, предоставление материалов для печати, на основе которых готовятся статьи, репортажи;
- 3) ответы на запросы прессы;
- 4) принятие мер по исправлению ошибок в сообщениях и выступление с опровержениями.

Практика работы Волгоградского областного суда показывает, что первое правило, которое следует соблюдать пресс-секретарям, – это регулярный утренний мониторинг дел, поступивших в суд, и нового потока средств массовой информации. Если появляется какой-то информационный повод, в связи с которым журналисты могут запросить комментарий, надо знать о нем и успеть подготовиться. Мониторинг СМИ – регулярное изучение и анализ журналистских материалов, связанных с судебной деятельностью. Важно не просто отслеживать публикации в СМИ об интересных и резонансных делах, но и анализировать тональность и направленность публикаций и комментариев к ним.

При появлении события, порождающего информационный повод, необходимо незамедлительно оформить его в виде пресс-релиза. Пресс-релиз – короткое сообщение об актуальном и новом событии в открытом понятном виде. При всей его краткости, информации должно быть достаточно, чтобы понять, о каком событии идет речь. Релиз по актуальным делам должен содержать в себе в обязательном порядке фактуру дела.

Таким образом, сотрудник пресс-службы для оперативной и полноценной подготовки пресс-релиза должен получить доступ к материалам дела, либо к судебному решению сразу после его оглашения. Пресс-релиз, выданный хотя бы через день после того, как судебное решение состоялось, утрачивает значительную часть своей актуальности и становится уже не интересен для СМИ.

Сотрудники пресс-службы Волгоградского областного суда своевременно готовят проект фабулы будущего пресс-релиза по делам, имеющим широкий общественный резонанс, и дорабатывают его в кратчайшие сроки после обнародования решения, приговора и т.п. Например, с использованием мессенджеров информация передается прямо из зала суда.

Заявление для СМИ – это PR-текст, объявляющий или объясняющий позицию субъекта PR по какому-либо вопросу или реакцию на событие. Заявление для СМИ всегда пишется без заголовка и должно отвечать на несколько главных вопросов: что есть, что было, что следует сделать?

Что касается предоставления информации по запросу, то подчеркнем, что запрос в суд может направить любое лицо – пользователь информации, который имеет право обращаться в суд с запросом как самостоятельно, так и в установленном законом порядке через своего представителя.

По общему правилу информация о деятельности учреждения не предоставляется в случаях:

- если содержание запроса не позволяет установить запрашиваемую информацию о деятельности органа власти;
- в запросе не указан почтовый адрес, адрес электронной почты или номер факса для направления ответа на запрос либо номер телефона, по которому можно связаться с направившим запрос пользователем;
- запрашиваемая информация не относится к деятельности органа власти, в который поступил запрос (в данном случае орган власти обязан переслать запрос в тот орган, в котором содержится запрашиваемая информация);
- запрашиваемая информация относится к информации ограниченного доступа (доступ к информации может быть ограничен только федеральным законом, при отказе в предоставлении информации по данному основанию орган власти должен указать, каким именно законом ограничен доступ к ней);
- запрашиваемая информация ранее предоставлялась пользователю;
- в запросе ставится вопрос о правовой оценке актов, принятых государственным органом, органом местного самоуправления, проведении анализа деятельности государственного органа, его территориальных органов, органа местного самоуправления либо подведомственных организаций или проведении иной аналитической работы,

непосредственно не связанной с защитой прав направившего запрос пользователя информацией;

- запрашиваемая информация является вмешательством в осуществление правосудия (под этим определением следует понимать такую информацию, распространение которой может создать препятствия для осуществления справедливого судебного разбирательства, гарантированного статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод);

- предоставление запрашиваемой информации не позволяет обеспечивать безопасность участников судебного разбирательства и др. [2].

Важным вопросом взаимодействия пресс-службы судебной системы и СМИ является организация присутствия журналиста в судебном заседании с последующей фиксацией хода судебного разбирательства [3].

Порядок доступа журналистов в залы судебных заседаний, занимаемые судами помещения, устанавливается регламентами судов и (или) иными актами, регулирующими вопросы внутренней деятельности судов.

По общему правилу посетители (в том числе представители СМИ) допускаются в суд в рабочее время при предъявлении документов, удостоверяющих личность. Судебное разбирательство дел во всех судах открытое. Вместе с тем, руководствуясь мотивом обеспечения охраняемой законом тайны, судом могут назначаться закрытые судебные заседания.

Журналист, как и любой гражданин, имеет право присутствовать на открытых судебных заседаниях [4, с. 365]. Если судьей при назначении судебного заседания было принято решение о проведении закрытого судебного разбирательства, то лица, не являющиеся участниками процесса, в судебное заседание не допускаются. Если же судьей принимается решение о проведении закрытого заседания только в части разбирательства, то журналисты не допускаются только на эту его часть.

В тех случаях, когда судом принято решение о проведении разбирательства дела в закрытом судебном заседании лица, не являющиеся участниками процесса представители редакций средств массовой информации (журналисты) удаляются из зала судебного заседания и в зал судебного заседания не допускаются. При этом представители редакций средств массовой информации (журналисты) могут удалиться из зала судебного заседания последними.

Объявление (провозглашение) судебных постановлений, состоявшихся по результатам рассмотрения гражданских дел, дел об административных правонарушениях и уголовных дел, осуществляется публично независимо от того, в открытом или закрытом судебном заседании проводилось разбирательство дела, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом.

Представители СМИ вправе фиксировать ход судебного разбирательства в письменной форме и (или) с помощью средств аудиозаписи. При этом уведомлять суд и получать у него разрешение на фиксацию хода судебного разбирательства в данных формах законом не предусмотрено. К письменной форме фиксации хода судебного разбирательства относятся, в том числе, ведение непосредственно в информационно-телекоммуникационной сети Интернет текстовых записей, осуществляемых с помощью компьютерных и иных технических средств, а также зарисовки судебного процесса.

Фотосъемка, видеозапись, киносъемка, а также трансляция по радио, телевидению или в сети Интернет хода судебного разбирательства могут осуществляться исключительно с разрешения суда.

Для получения разрешения суда на фотосъемку, видеозапись, киносъемку, а также трансляцию хода судебного разбирательства представителю редакции СМИ (журналисту) в судебном заседании необходимо заявить соответствующее ходатайство (заявление) (в письменной или устной форме).

Действия лиц, которые присутствуют в зале судебного заседания и осуществляют разрешенные судом фотосъемку, видеозапись, трансляцию судебного заседания по радио, телевидению, в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, не должны нарушать установленный в судебном заседании порядок. Эти действия могут быть ограничены судом во времени и должны осуществляться на указанных судом местах в зале судебного заседания и с учетом мнения лиц, участвующих в деле.

Злоупотребление лицами, присутствующими в открытом судебном заседании, представителями редакций средств массовой информации (журналистами), правом на присутствие в судебном заседании и правом на фиксацию его хода, а равно осуществление фиксации хода судебного разбирательства без разрешения суда, когда такое разрешение необходимо в силу закона, являются нарушением порядка в судебном заседании.

В этом случае суд вправе применить в судебном заседании меры воздействия, предусмотренные процессуальным законодательством Российской Федерации (статьи 158, 159 Гражданского процессуального кодекса ПК Российской Федерации, статья 258 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статья 144 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации).

Журналистам с фото- и видеооборудованием обеспечивается свободный проход в здание суда. Вместе с тем при входе в здание суда оборудование досматривается судебными приставами.

Для разных помещений суда устанавливаются разные режимы осуществления фото и видеосъемки. Общим для всех режимов является требование: никакие действия посетителей не должны мешать отправлению правосудия, осуществлению судьями и сотрудниками судов своих функций, нарушать порядок в здании суда.

Безусловно, существуют определенные механизмы, призванные оградить участников судебного процесса от подобного воздействия. Например, согласно статье 294 УК РФ «Вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия», является уголовным преступлением. Профессор В.В. Мальцев в своей статье «Ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования», опубликованной еще в 1997 году, прямо указывал, что «Вмешательство в деятельность суда... может выражаться... в воздействии на суд через средства массовой информации» [5, с. 12].

Гражданам, в том числе журналистам, необходимо знать, что здание суда имеет следующие типы помещений:

- служебные помещения (кабинет судьи, совещательная комната, кабинеты сотрудников аппарата суда, архив, канцелярия и др.);

- места общего доступа, общего пользования (коридоры, лестницы, лестничные площадки, помещения с информационными киосками, стендами, а также прилегающие к суду территории).

В служебных помещениях использование средств фото- и видеофиксации осуществляется только с разрешения председателя суда или лица, его замещающего. В местах общего доступа фото и видеосъемка не запрещены и не требуют предварительного согласования. Журналист может снимать помещения, информационные киоски, стенды, таблички на дверях и т.д. [6]. Несколько сложнее обстоят дела, когда в кадр попадают граждане, находящиеся в суде. В этом случае надо руководствоваться ст. 152.1 ГК РФ, которая устанавливает, что «обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина».

Эти и другие законодательные положения направлены на эффективную организацию работы журналистов в период проведения судебных заседаний. Их правильное применение служит одной цели – оперативному и объективному освещению деятельности судебных органов по отправлению правосудия.

Список литературы:

1. Шевченко, В.В. Пресс-служба как инструмент взаимодействия судебной власти и средств массовой информации / В.В. Шевченко // Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru: Юридический сетевой электронный научный журнал. – 2017. – №1. – С. 116-126.

2. Тюменцев, А.Н. Основы взаимодействия современной российской полиции со средствами массовой информации. учебное пособие / А.Н. Тюменцев. – Волгоград: ВА МВД России, 2017.

3. Потапенко, С.В. Обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия при освещении судебной деятельности в СМИ: правовые и этические аспекты / С.В. Потапенко // Настольная книга по

медийному саморегулированию. Вып. 2. Этические вопросы освещения судебной деятельности в СМИ. Под общ. ред. Ю.В. Казакова и М.А. Федотова. – М., 2011. – С. 40-60.

4. Потапов, Ю.А. Журналист и тайны: правовые и этические аспекты / Ю.А. Потапов // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2014. – № 1 (3). – С. 365-370.

5. Мальцев, В.В. Ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования / В.В. Мальцев // Законность. – 1997. – № 12.

6. Лебедева, Д.С. Работа пресс-службы суда: практические и методические рекомендации / Д.С. Лебедева – СПб., 2016. – 148 с.

ЦМАЙ Василий Васильевич,
*доктор юридических наук, профессор,
СПбГУАП, заведующий кафедрой
международного и таможенного права
юридического факультета; kaf95@guar.ru*

НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ – ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ОРГАН ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ АФГАНИСТАН: СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ И ПОЛНОМОЧИЯ

В статье рассматриваются вопросы, связанные со структурой, порядком формирования и компетенцией двух палат Национального Собрания Исламской Республики Афганистан во время нахождения у власти президента Карзая.

Ключевые слова: Волоси Джирга, Мыширано Джирга, структура, полномочия, Спанта.

Согласно статье 4 Конституции [1] Исламской Республики Афганистан, «Национальный суверенитет в Афганистане принадлежит народу, выражаемый непосредственно и через его избранных представителей».

Национальное Собрание Афганистана среди других важных задач несет ответственность за разработку и принятие законодательства. Структура и полномочия Национального Собрания детализированы в статьях 81-109 Конституции. Конституция гласит, что Национальное Собрание было создано для того, чтобы представлять «голос народа» в правительстве. Голос народа формирует фундамент любой демократии. Национальное собрание состоит из двух палат: верхней и нижней палаты. У каждой своя отдельная процедура избрания членов и различные обязанности. Такая структура не является уникальной для Афганистана. В странах всего мире законодательные органы играют важную роль. В демократических обществах роль законодательной власти состоит в том, чтобы представлять волю народа в правительстве и служить в качестве контроля над исполнительной властью. В действительности, однако, не каждый законодательный орган выполняет этот мандат. Некоторые находятся в тени всемогущей исполнительной власти, а другие ведут борьбу с коррупцией. Эти проблемы в полной мере касаются современного Афганистана, что заставляет руководство и общественность страны предпринимать все необходимые шаги для минимизации их негативного влияния на управление.

Для того чтобы законодательная власть могла выполнять свой мандат и играть присущую ей роль в государстве, существуют различные способы ее структурирования. В процессе обсуждения Национального Собрания, необходимо сравнивать и выделять некоторые из этих структур. При проведении анализа следует иметь в виду преимущества и недостатки различных законодательных структур. В

первую очередь в статье будет рассмотрена структура законодательной власти Афганистана, а затем – ее полномочия.

Структура законодательной власти.

1. **Волоси Джирга** является нижней палатой Парламента Афганистана и несет ответственность за разработку и утверждение всего законодательства, которое затем направляется в верхнюю палату для утверждения. Согласно Конституции Афганистана, народ Афганистана непосредственно избирает членов нижней палаты на пятилетний срок. Выборы должны быть свободными и тайными, а закон о выборах должен быть использован для определения избирательных округов. Избирательные округа представляют районы Афганистана, а Конституция в 83 статье устанавливает, что закон о выборах должен гарантировать справедливое представительство народа Афганистана.

Каждый район Афганистана выбирает пропорциональное населению число представителей. Все избирательные округа также правомочны иметь определенное количество женщин пропорционально населению, но должно быть минимум две женщины. В целом Волоси Джирга может включать в себя не более 250 членов. Перед каждым сроком полномочий и после выборов Волоси Джирга избирает административную группу (органы управления) из числа своих членов. Группа состоит из Президента (Спикера), первого и второго заместителей, секретаря и помощника секретаря.

Эти выборы могут вызывать споры. Так, выборы 2011 г. спикера Абдул Рауфа Ибрагими состоялись только после месяца безвыходной ситуации на выборах. Обязанности административной группы сформулированы в Положении о внутренних обязанностях Волоси Джирги. Конституция также устанавливает конкретные требования для всех кандидатов. Каждый кандидат должен быть гражданином Афганистана или по рождению или должен быть натурализованным гражданином не менее десяти лет. Кандидаты не должны иметь судимость и должны быть не моложе 25 лет. Перед выборами Независимая избирательная комиссия проверяет кандидатов на предмет соответствия установленным квалификационным требованиям и учетным данным кандидата.

2. **Мышрано Джирга.** Верхней палатой Национального Собрания является Мышрано Джирга. Хотя Мышрано Джирга играет важную роль в законодательном процессе, ее полномочия не являются столь важными, как полномочия Волоси Джирги, так как ее роль ограничена простым одобрением законодательства, поступающего из нижней палаты, в отличие от разработки законодательства.

В отличие от Волоси Джирги, члены Мышрано Джирги не избираются непосредственно населением Афганистана. Одна третья часть членов избирается провинциальными советами. Каждый совет избирает одного из своих членов в качестве депутата Мышрано Джирги на четырехлетний срок. Конституция требует, чтобы районные советы также избирали одну третью часть депутатов верхней палаты. Представители районных советов избираются на три года. Ко-

гда члены этого совета избраны в качестве депутатов Мышрано Джирги, они отказываются от своих мест в соответствующих советах.

Президент назначает оставшуюся одну третью часть членов Мышрано Джирги. Они исполняют свои обязанности на протяжении пятилетнего срока. Статья 84 устанавливает, что назначенцы президента должны быть выбраны из числа «экспертов и опытных личностей». Два места зарезервированы для представителей с ограниченными возможностями (инвалидов) и два для групп номадов. Пятнадцать процентов из назначенных членов Мышрано джирги должны составлять женщины.

Административная группа избирается Мышрано Джиргой для заполнения тех же должностей, что и в Волоси Джирге, включая спикера. Квалификационные требования для кандидатов являются такими же, как и в нижней палате, за исключением минимального возраста, который составляет 35 лет для Мышрано Джирги.

Несмотря на идеальную структуру Мышрано Джирги, выборы и представительство на практике работает совершенно иначе. На сегодняшний день районных выборов не было из-за дороговизны, отсутствия безопасности и сложного характера определения того, что входит в состав района, включая такие вопросы, как пограничные споры. Это означает, что 34 места, которые должны быть заполнены на трехлетний период представителями районов, фактически заполнены дополнительно избранными провинциями представителями на четыре года. Таким образом, 68 представителей Мышрано Джирги являются представителями провинций, в то время как оставшиеся 34 являются представителями, назначенными президентом.

Различные сроки полномочий (три, четыре и пять лет) могут также иметь практическое значение в отношении полномочий и влияния представителей, а также эффективности их работы. Согласно внутренним правилам административной группы, спикер должен исполнять обязанности в течение пяти лет. В 2011 г. спикер Мышрано Джирги был избран представителями провинций до того, как президент Карзай назначил 34 представителя. Это вызвало споры, так как технически утверждали, что, если спикер должен исполнять обязанности в течение пяти лет, тогда спикер должен быть выбран из числа президентских назначенцев. Несмотря на этот аргумент, Мышрано Джирга провела свои выборы до президентских назначений, избрав представителей провинций.

Функции законодательной власти. Статья 81 Конституции Исламской Республики Афганистан гласит, что «Национальное Собрание Исламской Республики Афганистан, как высший законодательный орган, выражает волю своего народа, а также представляет всю нацию. Все члены Собрания, во время голосования, должны рассуждать в соответствии с общими интересами и высшими благами народа Афганистана».

У Национального Собрания три главных функции. Первой является законодательная функция, которая дает право принимать зако-

ны и осуществлять контроль над бюджетом государства. Второй функцией, которой наделено Национальное Собрание, является право контроля исполнительной ветви власти. Она может делать это посредством принятия законов и использования своего права контроля за деятельностью министров правительства и политики правительства. Однако эта функция в действительности не работает так, как это было задумано. События вокруг парламентских выборов 2010 г. показали продолжающуюся борьбу между правительством Карзая, Национальным Собранием и Верховным Судом.

Третья функция Национального Собрания заключается в том, чтобы представлять народ Афганистана. Собрание избирается непосредственно населением, его целью является служить голосом народа в правительстве более эффективно, чем это делает Президент. Национальное Собрание должно защищать права и благополучие своих избирателей и действовать в его интересах. Эта функция четко продекларирована в статье 81 Конституции.

Процесс и процедура. Во время сессий Национального Собрания каждая палата создает комитеты для изучения сфер и проблем, подлежащих обсуждению. Как правило, решения принимаются большинством голосов присутствующих депутатов в каждой палате. Ситуации, которые требуют больше, чем простого большинства голосов, предусмотрены законом. Кворум, минимальное количество членов парламента, позволяющее Национальному Собранию принимать законы, имеется, если присутствует большинство членов в каждой палате.

Обе палаты Национального Собрания проводят сессии одновременно, но раздельно. Однако они могут встречаться на совместной сессии, когда Президент посчитает это необходимым и созывает совместную сессию. Статья 105 разрешает проводить эти сессии открыто для общественности, чтобы дать возможность людям принять участие и посмотреть, чем занимаются их представители. Если десять членов парламента или председатель обращаются с запросом о проведении закрытой сессии, общественности будет запрещено участие в ней, если остальная часть Собрания одобрит этот запрос. Ни одна из палат не может быть распущена правительством до истечения срока полномочий членов палаты. Это важный способ не дать возможность исполнительной власти оказывать влияние или осуществлять контролирующие действия в отношении Собрания, угрожая роспуском.

Другой гарантией является запрет на уголовное преследование члена Национального Собрания за голосование определенным образом или выражение определенных мнений. Например, если члены не согласны с Президентом по какому-либо вопросу, исполнительная власть не может преследовать их за это в уголовном порядке. Такой запрет должен служить гарантией того, что представители свободны голосовать, какой, по их мнению, они считают лучшим представлением интересов своих избирателей.

Если член одной из палат обвиняется в преступлении, не касающемся выражения его мнения или голосования на сессиях, об этом информируют его палату, и депутата могут привлечь к уголовной ответственности. Соответствующая палата парламента может дать свое согласие на судебное преследование и тюремное заключение одного из своих членов, если примет такое решение. Члены парламента не могут быть задержаны или заточены в тюрьму без разрешения их палаты. Единственным исключением здесь может быть случай с «очевидным преступлением». Когда член парламента обвиняется в очевидном преступлении, то власти могут расследовать и заключить в тюрьму лицо без разрешения Национального Собрания. Цель такого ограничения состоит в том, чтобы не дать правительству возможность арестовывать депутатов парламента накануне важного голосования или использовать угрозу ареста для оказания давления на члена парламента, чтобы он голосовал определенным образом.

Полномочия Национального Собрания. Национальное Собрание осуществляет свои функции посредством разнообразных и широких полномочий и обязанностей, которые часто также связаны с исполнительной ветвью власти. Конституция предоставляет Национальному Собранию право ратификации, изменения или отмены законов и законодательных актов. Это полномочие довольно просто. Обе палаты должны одобрить эти изменения для того, чтобы они получили законную силу. Одобрение программ социального, культурного, экономического и технического развития также находится в сфере обязанностей парламента. Национальное Собрание также может создавать, изменять или упразднять административные единицы. К тому же Национальное Собрание должно одобрить ратификацию или отмену договоров в соответствии с международным правом. Это означает, что Президент не может просто выбирать, к каким договорам присоединяться. Национальное Собрание должно дать свое согласие.

Волоси Джирга имеет право создавать специальную комиссию по расследованию деятельности правительства. Одна третья часть нижней палаты должна одобрить создание комиссии прежде, чем она будет наделена полномочиями. Например, если члены Волоси Джирги считают, что административный орган в составе исполнительной власти или даже Президента действовал незаконным или неэтичным образом, то они могут санкционировать расследование деятельности правительства, поскольку их поддерживает одна треть депутатов. Однако, с практической точки зрения, неясно, обладает ли Волоси Джирга институциональной силой для осуществления этих полномочий. Внутренние разногласия и влияние исполнительной власти не позволяют Волоси Джирге фактически осуществлять контроль президентской власти.

Статья 92 наделяет Волоси Джиргу правом расследования деятельности любого министра в правительстве. Предложение о расследовании должны поддержать двадцать процентов депутатов. Если Волоси Джирга не удовлетворена результатом расследования и счи-

тает, что министр не соответствует занимаемой должности, она может проголосовать за вынесение вотума недоверия. Статья 92 предусматривает, что голосование должно основываться на убедительных доводах, которые должны быть четко сформулированы. Для вынесения вотума недоверия требуется простое большинство. Волоси Джирга использовала это право в 2007 г., когда она провела голосование о вынесении вотума недоверия Министру иностранных дел Спанте, пытаясь сместить его с занимаемого поста¹. Президент Карзай утверждал, что Волоси Джирга не обладает правом смещения министров с занимаемой должности и передал дело в Верховный Суд. Верховный Суд постановил, что Волоси Джирга не следовала надлежащей процедуре, предусмотренной в статье 92 и, следовательно, вотум недоверия был недействительным. Волоси Джирга ответила заявлением о том, что Верховный Суд не обладает правом толкования Конституции. Этот эпизод иллюстрирует сложность определения того, кто должен толковать Конституцию при отсутствии четко гарантированного права в тексте.

Дело Спанты также иллюстрирует некоторые институциональные Волоси Джирги. После дела Спанты, Волоси Джирга создала комиссию по надзору и ограничению деятельности правительства. Однако, внутренние распри и внутренняя борьба не позволили Волоси Джирге назначить более двух из двадцати трех членов комиссии. В конце концов, перед лицом внутренних непреодолимых распри, Волоси Джирга отказалась от создания комиссии, и она так никогда и не была создана. Это является примером правовых полномочий, гарантированных Конституцией, но не реализуемых на практике.

Волоси Джирга несет ответственность за определение программ развития и обладает правом утверждения государственного бюджета, предложенного правительством. Волоси Джирга и Мышрано Джирга могут задавать вопросы министрам по конкретным проблемам и требовать письменного или устного ответа в соответствии со статьей 93.

Таким образом, можно утверждать, что Национальное Собрание играет решающую роль в управлении Афганистаном. Созданный в соответствии с Конституцией 2004 г. двухпалатный законодательный орган, работает в условиях уникальной культуры и политической ситуации, и нет сомнения в том, что Национальное Собрание будет продолжать играть ключевую роль и занимать важное место в политике и управлении Афганистаном.

Список литературы:

1. Конституция Афганистана 2004 г. // <http://www.afghanweb.com/politics/currentconstitutiondaripashoto.pdf>; The Constitution of Afghanistan 2004, // www.afghanweb.com/politics/current_constitution.html

¹ Министр иностранных дел ИРА, доктор Рангин Дадфар Спанта с 2005 по 2010 гг.

ЦЭНГЭЛ Светлана Дугаровна,
кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургская юридическая академия, доцент кафедры уголовного права; tsengels@yandex.ru

О КВАЛИФИКАЦИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА С УБИЙСТВОМ, СОПРЯЖЕННЫМ С НАСИЛЬСТВЕННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Статья посвящена вопросам квалификации ст. 132 УК РФ и п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Автором исследуются различные точки зрения по указанной проблеме, позиция Пленума Верховного суда РФ, обосновывается собственное видение темы.

Ключевые слова: насильственные действия, убийство, действия сексуального характера, сопряженность, вложенная совокупность, квалификация преступлений.

Насильственные действия сексуального характера могут быть сопряжены с убийством. В литературе высказано суждение, что по своей сути убийство, сопряженное с изнасилованием, насильственными действиями сексуального характера, похищением человека, захватом заложника, и тому подобные составы – это учтенная реальная совокупность преступлений, которую следовало бы квалифицировать по одной статье УК [1, с. 6]. Б.В. Волженкин отмечал, что более правильным был бы вообще полный отказ от такого рода конструкций (преступление, сопряженное с совершением другого преступления). Квалифицирующим обстоятельством преступления (в данном случае – убийства) может быть какое-либо из обстоятельств так или иначе характеризующих признаки основного состава данного преступления (мотив, цель, способ действия, количество потерпевших и т.д.), но никак не совершение другого преступления. Если убийство будет сопряжено с совершением разбоя, вымогательства, изнасилования и т.д. каждое из этих преступлений нужно будет квалифицировать самостоятельно, и назначать наказание по совокупности преступлений.

Другая позиция сводится к тому, что п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ и другие аналогичные пункты статьи 105 УК РФ предусматривают повышенную ответственность не за учтенную реальную совокупность преступлений, а за то, что убийство совершается в связи с другим преступлением. Убийство в этом случае совершается по мотиву (с целью) облегчения совершения другого преступления, воспрепятствования со стороны других лиц его совершению, мести потерпевшему или другому лицу за сопротивление, сокрытие факта совершения другого преступления и т.д. А.Н. Попов полагает, что следует отказаться от подобной конструкции ст. 105 УК РФ. Все возможные случаи, предусмотренные в данной статье, а также и не предусмотр-

ренные в законе, но возможные на практике, полагает автор, можно охватить таким квалифицирующим признаком ст. 105 УК как «убийство, совершенное в связи с совершением другого преступления», что повлечет за собой квалификацию убийства по совокупности с любым другим преступлением [2, с. 323].

Случаи убийства при изнасиловании требуют квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 131 и п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В качестве квалифицирующих признаков изнасилования могут признаваться любые, за исключением тех, которые предусматривают неосторожную вину по отношению к последствиям [3, с. 127].

Профессор А.И. Рарог полагает, что содержащаяся в ч. 1 ст. 17 УК оговорка, исключая совокупность преступлений, охватывает совершение преступления, сопряженного с другим преступлением, когда это обстоятельство играет роль квалифицирующего признака в норме Особенной части. Так, убийство, сопряженное с насильственными действиями сексуального характера, следует квалифицировать не по совокупности убийства и ст. 132 УК, а только по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК [4, с. 6]. Это же решение поддерживают Л.В. Иногамова-Хегай [5, с. 112-116] и А.В. Корнеева [6, с. 130-131].

Предложение квалифицировать в этих случаях содеянное только по соответствующему пункту ч. 2 ст. 105 УК как убийство, сопряженное с разбоем, вымогательством и т.д., не выдерживает критики, по мнению Б.В. Волженкина. Он разделял позицию Э.Ф. Побегайло, Г.Н. Борзенкова, А.Н. Игнатова, которые категорически возражали против трактовки убийств, сопряженных с совершением других преступлений, только по соответствующему пункту ч. 2 ст. 105 УК. Б.В. Волженкин, развивая свою мысль, как и в работе «Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ», указывал, что совершение другого преступления не может рассматриваться как квалифицирующее обстоятельство основного преступления, даже если между ними существует определенная связь. Изнасилование потерпевшей не может быть квалифицирующим обстоятельством последовавшего затем убийства этой потерпевшей в отместку за оказанное ею сопротивление и т.д. Ученый предлагал отказаться от конструкций типа «преступление, сопряженное с совершением другого преступления». Во всех подобных ситуациях имеет место реальная совокупность преступлений. Это не приведет к ослаблению ответственности (в частности, за убийства). И в этом случае они останутся квалифицированными, поскольку квалифицирующее значение будут иметь соответствующие мотивы или цели убийства. Кроме того, следует оставить в законе такой квалифицированный состав убийства, как убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение. Если это другое преступление будет совершено, содеянное образует реальную совокупность преступлений [7, с. 533-534].

Иную позицию занимает профессор А.И. Коробеев. Он указывает, что содеянное должно быть квалифицировано только по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК, ибо имеет место учтенная самим законодателем сово-

купность преступлений. Дополнительное вменение ст. 132 УК означало бы нарушение принципа справедливости, так как уголовная ответственность вменялась бы дважды за одно и то же преступление [8, с. 126].

Д.Ю. Краев, учитывая несовершенство норм об убийствах, сопряженных с иными преступлениями, и возникающие в этой связи сложности в их применении, в перспективе предлагает отказаться от таких конструкций, как совершение убийств, сопряженных с похищением человека либо захватом заложника, с разбоем, вымогательством или бандитизмом, с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, и предусмотреть такой квалифицирующий признак ст. 105 УК РФ как «убийство в связи с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления» [9, с. 23].

В настоящее время судебная практика руководствуется разъяснением, данным в пункте 16 постановления Пленума Верховного суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ», согласно которому «При совершении убийства в процессе насильственных действий сексуального характера содеянное виновным лицом подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 1 ст. 132 УК РФ, либо по соответствующим частям ст. 132 УК РФ, если насильственные действия сексуального характера совершены, например, в отношении несовершеннолетнего лица или не достигшего четырнадцатилетнего возраста либо группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Если убийство совершено после окончания насильственных действий сексуального характера либо покушения на них в целях сокрытия совершенного преступления либо по мотивам мести за оказанное сопротивление, содеянное виновным лицом следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ и соответствующими частями ст. 132 УК РФ либо ч. 3 ст. 30 УК РФ и соответствующими частями ст. 132 УК РФ».

В постановлении Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. дается аналогичное разъяснение: «Под убийством, сопряженным с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, следует понимать убийство в процессе совершения указанных преступлений или с целью их сокрытия, а также совершенное, например, по мотивам мести за оказанное сопротивление при совершении этих преступлений. Учитывая, что при этом совершаются два самостоятельных преступления, содеянное следует квалифицировать по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ и, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, по соответствующим частям ст. 131 или ст. 132 УК РФ».

Верховный суд РФ продолжает придерживаться вышеуказанной позиции, в соответствии с которой убийство, сопряженное с совершением других преступлений, перечисленных в пунктах «в», «з» и «к» ч.

2 ст. 105 УК, необходимо квалифицировать по совокупности преступлений.

На наш взгляд, квалификация убийства, сопряженного с насильственными действиями сексуального характера, должна быть по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 132 и п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Насильственные действия сексуального характера являются самостоятельным преступлением и потому не могут охватываться составом убийства. Кроме того, убийство не является последствием насильственных действий сексуального характера, поэтому лишение жизни потерпевшего лица, совершенное до, в процессе, либо после насильственных сексуальных действий, является самостоятельным преступлением, оно не может входить в понятие, например, иных тяжких последствий (п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ), и подлежит самостоятельной квалификации.

Таким образом, убийство как сопряженное с насильственными действиями сексуального характера квалифицируется в случаях, когда оно было совершено в процессе указанных преступлений, с целью их сокрытия, по мотивам мести за оказанное сопротивление.

Список литературы:

1. Волженкин, Б.В. Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ / Б.В. Волженкин // *Законодательство*. – 1998. – № 12. – С. 28-30.

2. Попов, А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. / А.Н. Попов. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2003. – 639 с.

3. Попов, А.Н. Ответы на некоторые вопросы для обсуждения на конференции / А.Н. Попов // *Уголовное право*. – 2014. – № 5. – С. 127-128.

4. Рарог, А.И. Роль науки в развитии уголовного права / А. И. Рарог // *Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы Второй международной научно-практической конференции*. – М.: Проспект, 2005. – С. 15-18.

5. Иногамова-Хегай, Л.В. Совокупность преступлений / Л.В. Иногамова-Хегай // *Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. материалы Второй международной научно-практической конференции*. – М.: Проспект, 2005. – С. 7-9.

6. Корнеева, А.В. Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие. 2-е изд. / А.В. Корнеева. – М.: Проспект, 2014. – 160 с.

7. Волженкин, Б.В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963-2007 гг.) / Б.В. Волженкин. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – 640 с.

8. Коробеев, А.И. Ответы на вопросы для обсуждения на конференции / А.И. Коробеев // *Уголовное право*. – 2014. – № 5. – С. 119-126.

9. Краев, Д.Ю. Убийство, сопряженное с иными преступлениями (законодательная регламентация и квалификация). Автореф. диссертации на соискание ученой степени канд.юр. наук / Д.Ю. Краев. – М., Акад. Генер.прокуратуры РФ, 2009. – 27 с.

ШАРАПОВ Роман Дмитриевич,
доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургская юридическая академия,
профессор кафедры уголовного права;
romandmitrievich@mail.ru

«НАСИЛИЕ» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье на основе приема грамматического толкования закона выявляется смысл одной из ключевых категорий уголовного права – насилия. Автором делается вывод о том, что насилие (насильственное преступление) предполагает причинение физического вреда потерпевшему исключительно вопреки (против или помимо) его воли.

Ключевые слова: *насилие, насильственное преступление, угроза насилием, физическое насилие.*

В Уголовном кодексе Российской Федерации термин «насилие» широко используется для описания составов преступных посягательств. Однако легального определения этого понятия в законе нет. Обычно уяснению смысла какого-либо научного термина, раскрытию его содержания предшествует обращение к общеупотребительному значению слова, обозначающего данный термин, если, конечно, оно существует. «Насилие» отвечает этому условию. Таким образом, научный анализ уголовно-правовой категории «насилие» должен начинаться с грамматического толкования соответствующего термина.

Одним из определений «насилия» по В. Далю является то, что оно есть «действие стеснительное, обидное, незаконное и своевольное» [1, с. 1218]. Данное определение «насилия» нередко используется в литературе по уголовному праву для характеристики соответствующего вида преступного деяния. Между тем само по себе оно не раскрывает истинный смысл слова «насилие», а потому не может быть взято за основу при истолковании насилия как юридического понятия, уголовно-правовой категории. Ведь по большому счету, действием «стеснительным, обидным, незаконным и своевольным» является практически каждое преступление. Как совершенно верно указывает А.И. Бойцов, «любое преступление (во всяком случае, умышленное), представляя собой разновидность антисоциального поведения людей, посягающего на жизненно важные условия существования человеческого общества, может быть охарактеризовано как попытка изменить насильственным путем существующий в обществе порядок отношений» [2, с.136].

Более информативным для юридического исследования является значение «насилия», сформулированное В. Далем с помощью таких лексических элементов, как «принуждение», «неволя», «нужа», «силование», глаголов «насилить, насиловать», т.е. «принуждать, нудить к чему-либо силой, неволить», а также прилагательных «насильный, насильственный», т.е. «невольный, принужденный». В

этом смысле «насилие» истолковывается как деяние, совершенное вопреки чьему-то желанию, подавление свободного волеизъявления, навязывание чужой воли. Свидетельством тому является значение двух, можно сказать, базисных словарных единиц, определяющих слово «насилие» в русском языке: «неволя» (неволить, неволивать) и «принуждение» (принудить, принуждать). Соответственно «неволя» раскрывается В. Далеком как «непростор, несвобода, принужденье», «подвластность силе, зависимость, покорность чужой воле, внешнее ограничение хотенья, желанья и самого действия», а «принуждение» (через глаголы принудить, принуждать) – как «приневолить, силовать, заставлять».

Таким образом, этимологический анализ «насилия» по такому авторитетному источнику русской лексики, каким является толковый словарь В. Даля, с убедительностью доказывает, что истинный, сущностный смысл слова «насилие» состоит в том, что им обозначали и обозначают некое действие одного, совершенное в отношении другого, вопреки его воле (желанию).

В более поздних толковых словарях русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой «насилие» стало толковаться как «применение физической силы к кому-нибудь», «принудительное воздействие на кого-нибудь или что-нибудь», «беззаконное применение силы», «притеснение, беззаконие» [3, 428; 4, с. 384]. Таким образом, акцент в раскрытии лексического значения слова «насилие» был сделан на внешнем облике своевольного деяния, которое выражается в применении физической силы. По всей видимости, это произошло потому, что в жизни людей принудительное поведение, получившее название «насилие», исторически в большинстве своем выражается в грубом силовом воздействии одного человека на другого. Именно в таком значении «насилие» переключалось в теорию и практику уголовного права, где в чистом виде стало использоваться при грамматическом толковании одноименного уголовно-правового понятия и предопределило для многих ученых-юристов исследовательский подход к физическому насилию как к частному способу преступного деяния, сводящемуся к применению физической силы в отношении потерпевшего. По этому поводу А.И. Бойцов пишет: «Вряд ли можно определить насилие путем грамматического толкования этого термина или путем уяснения его этимологического значения, данного в толковых словарях» [2, с. 139]. Аналогичное суждение, правда, в общем плане, в свое время было высказано П.С. Дагелем, который, ссылаясь на К. Маркса, утверждал, что определять содержание юридического понятия путем этимологического толкования термина неправильно, поскольку «название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой» [5, с. 93]. Вместе с тем хотелось бы отметить, что при грамматическом толковании уяснение житейского смысла слова оно связано с понятием того явления, которое данным словом обозначается, что в свою очередь проецируется на

толкуемый юридический термин, категорию. Иначе теряется смысл приема грамматического толкования.

Истинный смысл слова «насилие» в современных толковых словарях русского языка подчеркивается производными словами «насиловать» (т.е. принуждать, неволить) и «насильно» (т.е. против воли, силой).

Симбиоз различных оттенков общеупотребительного значения слова «насилие» был взят за основу Э.Ф. Побегайло при раскрытии юридического термина «насилие» в Словаре по уголовному праву, где автор толкует его в общепринятом и философском значениях. Конкретно этот ученый пишет: «в общепринятом значении (этимологическом смысле) под насилием понимается незаконное применение силы, принудительное, т.е. против воли другого лица, воздействие на него». А «в философии насилие связывается с применением тем или иным классом (социальной группой) различных, вплоть до вооруженного воздействия, форм принуждения в отношении других классов (социальных групп) с целью приобретения или сохранения экономического и политического господства, завоевания тех или иных прав и привилегий» [6, с. 245]. В уголовном праве, по словам Э.Ф. Побегайло, понятия «насилие» и «насильственное» употребляются также в общепринятом и философском значениях. Философское или политологическое значение насилия, как нам представляется, играет роль в раскрытии социально-правовой природы некоторых преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства (ст. 277, 278, 279, 280 УК РФ), а также преступлений против мира и безопасности человечества (ст. 353, 354, 357, 359 УК РФ).

С учетом сказанного следует констатировать, что истинное, глубинное значение такой лексической единицы русского языка как «насилие» состоит в том, что применительно к социуму она «отражает вполне конкретные взаимоотношения между свободными людьми, при которых поведение одной стороны направлено против волеизъявления другой» [7, с. 4]. Комментируя эту фразу, А.В. Ивашенко и А.И. Марцев формулируют, на наш взгляд, три очень точных и глубоких по своему смыслу предложения. «Иначе говоря, – пишут они, – в качестве насилия следует рассматривать активную сознательную деятельность (поведение), непосредственно направленную против свободного волеизъявления. При таком понимании насилия его феноменальной особенностью следует считать причинение вреда тому, чья свобода ограничивается, против чьей свободной воли происходит деяние. В отличие от многих других форм проявления человеческой активности только насилие представляет собой поведение, при котором поступки человека, очевидно, нацелены на подавление свободы» [7, с. 4]. Полагаем, что описанное понимание насилия является парадигмой для его изучения с позиций любой науки, в том числе уголовного права.

Список литературы:

1. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2 / В. Даль. – М., 1994. – 2721 с.
2. Бойцов, А.И. Понятие насильственного преступления / А.И. Бойцов // Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с насильственной преступностью. – Л., 1988. – С. 136-158.
3. Толковый словарь русского языка. Т.2 / под. ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1994. – 844 с.
4. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., стереотипное / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1996. – 928 с.
5. Дагель, П.С. Проблемы вины в советском уголовном праве / П.С. Дагель // Ученые записки ДВГУ. – 1968. – Вып. 21 (ч. 1). – 187 с.
6. Словарь по уголовному праву / отв. ред. проф. А.В. Наумов. – М., 1997. – 686 с.
7. Иващенко, А.В. Методология правового исследования насилия / А.В. Иващенко, А.И. Марцев // Социально-правовые проблемы борьбы с насилием. – Омск, 1996. – С. 4-15.

ШУБИН Юрий Павлович,
Санкт-Петербургская юридическая академия,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин;
shubin_yurii_13@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЫДЕЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ПРИНЦИПОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

В статье анализируются отдельные доктринальные подходы к определению системы принципов деятельности полиции. На основании проведенного анализа автором делаются выводы о юридическом значении данных принципов.

Ключевые слова: *принципы права, правовые принципы, полиция, правовые принципы деятельности.*

В правовой доктрине принципы права главным образом определяются как «исходные, определяющие идеи, положения, установки, которые составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права» [2, с. 4-16] или «принципы права – это общеобязательные, исходные нормативно-юридические положения, отличающиеся универсальностью, общей значимостью, высшей императивностью, определяющие содержание правового регулирования и выступающие критерием правомерности поведения и деятельности участников, регулируемых правом отношений» [3, с. 72].

Также в правовой литературе помимо дефиниции «принцип права» используется дефиниция «правовой принцип». При этом необходимо отметить, что нередко вышеуказанные дефиниции отождествляются, хотя ряд авторов все же предлагают их разграничивать.

Е.В. Скурко предлагает разграничивать дефиниции «принцип права» и «правовой принцип», исходя из соотношения понятий «система права» и «правовая система» [8, с. 56-57].

Следует согласиться с мнением А.В. Комиссарова, который полагает, что о принципах права можно говорить лишь применительно к конкретным элементам системы права, в первую очередь к отраслям права, либо к праву в целом. Понятие правового принципа можно отнести ко всем остальным элементам правовой системы. В частности, это принципы определенных видов правовой (правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности) [5, с. 15].

В связи с вышеизложенным следует сделать вывод о том, что правовой принцип всегда шире принципа права. Таким образом, по мнению А.В. Комиссарова, правовые принципы – это исходные, основополагающие начала, закрепленные в нормативных правовых актах, определяющие смысл и содержание права и правовой системы в целом, а также основанные на праве принципы деятельности государственных и иных органов в сочетании с иными принципами их дея-

тельности: экономическими, организационно-функциональными и т.п. [5, с. 16].

В правовой доктрине вопрос о закреплении (отражении) правовых принципов в текстах нормативных правовых актов считается спорным. Так, по мнению одних авторов, правовые принципы могут обнаруживаться только в содержании правовых норм [9, с. 210-211]. Другие же авторы полагают, что правовые принципы следует делить на две группы: «принципы-нормы» и «принципы, выводимые из норм» [7, с. 196-197], «практические правовые принципы» и «теоретические правовые принципы, т.е. принципы-идеи, принципы-пожелания» [4, с. 59] или «формализованные» и «контекстные» [5, с. 20], а некоторые авторы выделяют три группы правовых принципов – «легализованные», «принципы, выведенные из смысла и содержания закона» и «правовые принципы, сформулированные юридической практикой» [3, с. 73].

Полагаем, что к числу правовых принципов, которые должны быть в обязательном порядке закреплены (отражены) в текстах нормативных правовых актов, следует относить принципы организации и деятельности органов государственной власти.

Так, система принципов деятельности полиции отражена в главе 2 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», в соответствии с нормами которой выделены принципы деятельности полиции в настоящий момент: 1) соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина; 2) законность; 3) беспристрастность; 4) открытость и публичность; 5) общественное доверие и поддержка граждан; 6) взаимодействие и сотрудничество; 7) использование достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем.

Следует отметить, что в вышеуказанном законе принципы деятельности полиции выделены в отдельную самостоятельную главу, которая включает семь статей. Это обстоятельство является не только показателем высокого уровня юридической техники законодателя, но также фактом, подчеркивающим огромную роль принципов деятельности полиции в качестве основополагающих установок, от которых она должна отталкиваться.

Нормы главы 2 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» закрепляют концептуальные основы формирования партнерской модели взаимоотношений полиции и общества [6].

Принципы деятельности полиции логически связаны друг с другом, в связи с чем нарушение (несоблюдение) одного из данных принципов неизбежно влечет нарушение и оставшихся других. Как абсолютно справедливо отмечается в литературе, принципы, обладая свойством универсальности, обеспечивают внутреннее единство правоприменительной деятельности полиции, придают стабильность административным правоотношениям, возникающим в ходе реализации полицией своих властных полномочий [4, с. 165].

Однако, несмотря на вышеизложенную точку зрения, принципы деятельности полиции в любом случае не теряют своего индивидуального специфического содержания, что предполагает их абсолютно равную юридическую значимость.

В то же время некоторые авторы, учитывая источник закрепления (отражения) принципов, предлагают делить принципы деятельности полиции на конституционные и неконституционные (отраслевые) [1, с. 13]. Так, например, используя данный критерий, к конституционным принципам деятельности полиции следует отнести принцип соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина, принцип законности, принцип открытости и публичности, а к неконституционным (отраслевым) – принцип взаимодействия и сотрудничества, принцип использования достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем.

Такой подход к классификации принципов деятельности полиции не является в полной мере правильным и корректным, поскольку противоречит озвученному выше утверждению о равнозначности исследуемых принципов. К тому же важно отметить, что все принципы деятельности полиции, предусмотренные Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» в основном как раз и выражают основополагающие идеи Конституции Российской Федерации.

Таким образом, абсолютно верным является утверждение о том, что деление принципов деятельности полиции на конституционные и неконституционные, а также любые другие классификации указанных принципов, предлагаемые в юридической литературе, носят условный характер [4, с. 167].

В данном случае гораздо правильнее (целесообразнее) говорить о том, что принципы деятельности полиции действуют в рамках целостной системы, в условиях которой юридическая сущность и юридическое значение каждого принципа предопределяется его собственным содержанием и одновременно функционированием всей системы принципов.

Юридическое значение принципов деятельности полиции тезисно может выражено следующим образом: во-первых, осуществление деятельности полиции в рамках предложенных законодателем принципов является основополагающей гарантией соблюдения прав и свобод человека и гражданина и обеспечения их приоритета в сфере правоохранительной деятельности; во-вторых, принципы деятельности полиции выполняют роль универсального правового средства, с помощью которого становится возможной всесторонняя объективная оценка законности и обоснованности решений и действий, принимаемых и совершаемых должностными лицами органов полиции.

Список литературы:

1. Астапенко, П.Н. Конституционно-правовые основы деятельности полиции (милиции) стран Европейского Союза и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ). Автореферат диссертации

ции на соискание ученой степени доктора юридических наук / П.Н. Астапенко. – М., 2009. – 61 с.

2. Байтин, М.И. О принципах и функциях права: новые моменты / М.И. Байтин // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 4-16.

3. Гойман, В.И. Право в системе нормативного регулирования // Общая теория права и государства / В.И. Гойман; под ред. В.В. Лазарева. – М.: Юрист, 2001. – 472 с.

4. Григонис, Э.П. Механизм государства (теоретико-правовой аспект). Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Э.П. Григонис. – СПб., 2000. – 430 с.

4. Дашевский, В.Ю. К вопросу об определении системы принципов деятельности полиции / В.Ю. Дашевский // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 8. – С.165-168.

5. Комиссаров, А.В. Правовые принципы деятельности внутренних войск МВД России (теоретико-правовой аспект). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А.В. Комиссаров. – СПб., 2015. – 209 с.

6. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный) / Ю.Е. Аврутин, С.П. Булавин, Ю.П. Соловей и др. – М.: Проспект, 2012. – 552 с. // СПС «КонсультантПлюс».

7. Лившиц, Р.З. Теория права: Учебник / Р.З. Лившиц. – М.: Издательство «Бек», 1994. – 224 с.

8. Скурко, Е.В. Правовые принципы в правовой системе, системе права и системе законодательства: теория и практика / Е.В. Скурко // Правоведение. – 2003. – № 2. – С. 55-61.

9. Фаткуллин, Ф.Н. Проблемы теории государства и права / Ф.Н. Фаткуллин. – Казань: Издательство КГУ, 1987. – 351 с.

СОСТАВ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель

ЗЫБИНА Ольга Станиславовна – ректор, кандидат юридических наук, доцент.

Заместители председателя:

СУСЛИН Эдуард Васильевич – первый проректор – проректор по учебной работе, декан факультета юриспруденции (бакалавриат), доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

НАЗАРОВ Сергей Владимирович – проректор по научной и инновационной деятельности, зав. кафедрой уголовного права, кандидат юридических наук, доцент.

Члены организационного комитета:

ФАРАФОНОВА Л.Н. – декан факультета юриспруденции (магистратура), кандидат педагогических наук, доцент;

БРЫКОВ С.А. – заместитель декана начальник отделения очной формы обучения факультета юриспруденции (бакалавриат);

ИВАНОВ К.Д. – заместитель декана начальник отделения очно-заочной и заочной форм обучения факультета юриспруденции (бакалавриат), кандидат юридических наук, доцент;

ПЕРФИЛОВ В.И. – начальник отдела научной и инновационной деятельности, кандидат военных наук, доцент;

ТОЛСТОВА А.Е. – зав. кафедрой гражданского права, кандидат юридических наук, доцент;

ПОПОВА Е.С. – зам. зав. кафедрой гражданского процесса, кандидат юридических наук, доцент;

ДОЛМАТОВ А.В. – зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, доктор педагогических наук, профессор;

ВАРУШКИН А.А. – зам. зав. кафедрой уголовного права, начальник отдела аспирантуры, кандидат юридических наук;

БРЯНСКАЯ Е.В. – зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент;

МИШИНА Е.В. – зав. кафедрой теории и истории государства и права, кандидат юридических наук, доцент;

ДУЛИЧ Л.М. – зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ЗЕЛТАБОЛ О.В. – главный инженер;

ГООСС Н.Н. – заведующая библиотекой имени А.Ф. Кони;

ДЕМЕНТЬЕВА Е.В. – секретарь конференции, научный сотрудник отдела научной и инновационной деятельности, кандидат философских наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Суслин Э.В. История становления и развития юридической техники как науки (ретроспективный анализ)	3
Алтунина А.А. Проблемы признания доказательств недопустимыми в ходе предварительного расследования	9
Барило С.Е., Неодялкова Е.В. Становление и развитие правового регулирования отношений поставки в российском праве	13
Бондуровский В.В., Кочарян В.К. Модельное законодотворчество ОДКБ: современное состояние и перспективы развития	17
Брикса К.О. О некоторых особенностях опционного договора	23
Брянская Е.В., Алексеева А.Н. Фальсификация и недопустимость доказательств в уголовном процессе	28
Варушкин А.А., Смолина Я.Н. Механизм противодействия коррупции в системе государственной гражданской службы	32
Васильева М.В. Понятие и основание уголовной ответственности ...	37
Денисова Н.В. Функция и роль суда в процессе признания и исполнения иностранных судебных решений в Российской Федерации	41
Денисюк С.П. Система страховой деятельности в Российской Федерации (некоторые понятия и определения)	48
Долматов А.В., Долматова Л.А. Особенности нормативного регулирования независимой оценки качества образования	54
Дулич Л.М. Особенности конституционного регулирования прав и свобод человека и гражданина в федеративной Республике Германия	61
Жаркой М.Э. Вопросы ограничения конституционных прав граждан СССР органами квазисудебной юстиции в середине 1930-х гг. ..	65
Захаренко И.С. Международно-правовая защита лиц, с ограниченными возможностями	71
Зуев А.В., Кордобовская К.Е. Система гражданско-правовых средств защиты права собственности: проблемные аспекты	75
Иванов К.Д., Мухамбетова В.А. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних в Санкт-Петербурге и Ленинградской области	79
Иванов П.В. Реализация миграционной политики России на современном этапе на основе концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 гг.	84
Иванова А.И. Институт ресоциализации и адаптации осужденных в России: проблемы и перспективы	90
Ивашкевич Е.Ф. Возникновение и эволюция института омбудсмена в странах Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы	95
Кайнов В.И. Правовые привилегии как мера противодействия злоупотреблению правом	103
Касинец А.В. История и этапы развития мировой криминологии	108
Кормакова Я.Г. Сравнительно-правовая характеристика жестокого обращения с животными в Российской Федерации и зарубежных странах	116
Мазурин С.Ф. Проблемы социальной политики российского государства в условиях рыночной экономики	120
Макаров Д.А., Маюров Н.П. К вопросу об определении формы правления в Византийской империи	125
Маюров Н.П., Прудников А.С. Организационно-правовые меры противодействия незаконной миграции в современной России	131

Назарова Е.Н. О внедоговорном характере гражданско-правовой ответственности членов органов управления хозяйственных обществ	136
Павлов В.Г. Российскую систему уголовных наказаний необходимо совершенствовать	140
Попов А.П., Давудгаджиев З.М. Понятие и признаки государственной собственности как вида публичной собственности	146
Потанов Ю.А., Афанасьев Н.С. Преступления против собственности: понятие, система, юридическая характеристика	153
Пусурманов Г.В. О понятии профессионального толкования в российском уголовном праве	159
Распопова Н.И. Значение организации зоны актуального развития подростков в решении проблем ювенальной юстиции	163
Силина Е.В., Петrochenko Е.А. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в России	168
Стаценко В.Г. Криминологическая характеристика убийств в Российской Федерации и в Республике Беларусь	174
Суслина И.А. Становление наследственного права в Древнерусском государстве на примере наследования высшей политической власти IX-X веков	180
Сычев А.И. Жилищный контроль на муниципальном уровне публичного властвования: особенности правового регулирования	185
Толстова А.Е., Петров И.Ю. Некоторые аспекты гражданско-правовой защиты личных неимущественных прав	190
Третьяк А.И. Проблема реализации принципа свободы оценки доказательств на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию	196
Тюменцев А.Н. Опыт реализации законодательства Российской Федерации об обеспечении доступа к информации о деятельности судов (на примере волгоградского областного суда)	201
Цмай В.В. Национальное собрание – законодательный орган исламской Республики Афганистан: структура, функции и полномочия	207
Цэнгэл С.Д. О квалификации насильственных действий сексуального характера с убийством, сопряженным с насильственными действиями сексуального характера	213
Шарапов Р.Д. «Насилие» в уголовном праве: лексический анализ ...	217
Шубин Ю.П. Теоретико-правовые аспекты выделения системы принципов деятельности полиции	221
Оргкомитет конференции	225

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ
НАУКИ И ПРАКТИКИ**

*VI Ежегодные научные чтения,
посвящённые памяти Почетного президента
Санкт-Петербургской юридической академии
профессора Зыбина Станислава Фёдоровича*

*Сборник научных статей по материалам
международной научно-практической конференции
20 ноября 2019 г.*

Том 1

Редакторы: Ковалева О.А., Семина Т.А.
Оригинал-макет: Перфилов В.И.

Подписано в печать 8.11.2019 г. Печать трафаретная. Формат 60х84 1/16
Объем 14,5 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 558.

Отпечатано в копировальном множительном участке
Санкт-Петербургской юридической академии

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская юридическая академия (далее – Академия) создана 7 июля 1997 года по инициативе заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора исторических наук, доктора юридических наук, профессора, Почётного президента Санкт-Петербургской юридической академии Станислава Федоровича Зыбина при участии федеральных и региональных органов государственной власти.

За 22 года образовательной деятельности Академия выпустила более 4300 выпускников. В числе выпускников – депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, депутаты законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, депутаты муниципальных образований Санкт-Петербурга и Ленинградской области, государственные служащие, сотрудники Министерства юстиции РФ, Министерства внутренних дел РФ, Федеральной таможенной службы, военнослужащие Министерства обороны РФ и др.

Образовательная деятельность в Академии осуществляется на основании Лицензии Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Российской Федерации № 2394 от 20 сентября 2016 года (серия 90Л01, № 0009460) на осуществление образовательной деятельности по указанным в приложениях образовательным программам. Лицензия предоставлена бессрочно.

Академия имеет Свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Российской Федерации о государственной аккредитации от 1 ноября 2016 года № 2322 (серия 90А01, № 0002445). Срок действия свидетельства о государственной аккредитации – до 31 января 2020 г.

В 2019 году Академия прошла процедуру профессионально-общественной аккредитации образовательных программ в Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» и в соответствии с Решением Комиссии Ассоциации юристов России по юридическому образованию от 16 апреля 2019 года, протокол № 28 Академия получила Свидетельства № 53-Б, № 53-М/1, № 53-М/2 о профессионально-общественной аккредитации образовательных программ по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата) и 40.04.01 «Юриспруденция» (уровень магистратуры).

Академия с 5 марта 2010 года является членом Ассоциации юридических вузов России (ЮРВУЗ) (Свидетельство № 0264).

В 2007 году Академия награждена Почетным дипломом Законодательного Собрания Санкт-Петербурга «За выдающийся вклад в

развитие высшего профессионального образования в Санкт-Петербурге».

Образовательная деятельность в Академии осуществляется высококвалифицированным профессорско-преподавательским составом. Более 80% преподавателей Академии имеют ученые степени и ученые звания, среди которых известные научной и юридической общественности, вузовскому и профессиональному сообществу ученые: доктор юридических наук, профессор Э.В. Суслин; доктор педагогических наук, профессор А.В. Долматов; доктор юридических наук, профессор С.А. Роганов; доктор юридических наук, доцент С.Г. Александров; доктор юридических наук, профессор В.Г. Павлов; доктор юридических наук, доцент Е.В. Силина, доктор философских наук, профессор Барышков В.П.; доктор исторических наук, доцент Д.Н. Соловьев и др.

Продолжительное время в коллективе Академии трудятся педагоги, награжденные знаком отличия «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации»: Л.М. Дулич, П.В. Иванов, В.С. Кувшинов, Э.В. Суслин. Удостоены почетного звания «Заслуженный юрист Российской Федерации» профессор В.Г. Павлов, профессор П.В. Иванов.

Состояние материально-технического обеспечения и оснащённость образовательного процесса в Академии соответствуют требованиям, установленными федеральными образовательными стандартами высшего образования, и позволяют осуществлять качественную подготовку студентов.

Академия осуществляет обучение по направлениям подготовки:

40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата), профили обучения: гражданско-правовой, уголовно-правовой, государственно-правовой;

40.04.01 Юриспруденция (уровень магистратуры), профили обучения: правовое обеспечение гражданского оборота и предпринимательства, теория и практика применения законодательства в уголовно-правовой сфере.

40.06.01 Юриспруденция (уровень подготовки кадров высшей квалификации).

Направления подготовки (направленность):

12.00.01 Теория и история права и государства, история учений о праве и государстве;

12.00.09 Уголовный процесс;
12.00.12 Криминалистика; Судебно-экспертная деятельность;
Оперативно-розыскная деятельность.

44.06.01 Образование и педагогические науки (уровень подготовки кадров высшей квалификации).

Направления подготовки (направленность):

13.00.08 Теория и методика профессионального образования.

По окончании обучения выдается диплом государственного образца

Вступительные испытания:

Бакалавриат:

Очная форма обучения – результаты ЕГЭ по обществознанию, русскому языку, истории. Срок обучения – 4 года.

Очно-заочная форма обучения:

- На базе высшего профессионального (неюридического) образования – собеседование по основам конституционного права Российской Федерации, русскому языку, обществознанию.

Срок обучения – 3 года 2 месяца.

- На базе среднего профессионального (юридического) образования – собеседование по теории государства и права, русскому языку, обществознанию.

Срок обучения – 3 года 6 месяцев.

- На базе среднего общего или среднего профессионального (неюридического) образования – собеседование по обществознанию, русскому языку, истории.

Срок обучения – 4 года 6 месяцев.

Заочная форма обучения:

- На базе высшего профессионального (неюридического) образования – собеседование по основам конституционного права Российской Федерации, русскому языку, обществознанию.

Срок обучения – 3 года 2 месяца.

Магистратура:

Очная форма обучения – вступительные испытания по конституционному праву Российской Федерации (срок обучения – 2 года).

Заочная форма обучения – вступительные испытания по конституционному праву Российской Федерации (срок обучения – 2 года 5 месяцев).

Аспирантура:

Очная форма обучения – вступительные испытания по специальной дисциплине и иностранному языку (срок обучения – 3 года).

Заочная форма обучения – вступительные испытания по специальной дисциплине и иностранному языку (срок обучения – 4 года 5 месяцев).

Справочная информация:

- В Академии осуществляется обучение по программам дополнительного профессионального образования.
- Студентам очной формы обучения предоставляется отсрочка от призыва на военную службу.
- Действует гибкая система оплаты.
- Студентам очной формы обучения предоставляется общежитие.

Адрес Академии:

192012, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны,
д. 114 литер А.

Приемная комиссия:

+7 (812) 677-00-07; +7 (921) 951-34-33; +7 (921) 564-31-01;

E-mail: jurac.spb@mail.ru, priem@jurac.ru

Официальный сайт Академии: www.jurac.ru

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В НАШУ АКАДЕМИЮ!